

ИННОВАЦИОННЫЙ ЕВРАЗИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
МАГИСТРАТУРА

Кафедра «Английская филология и перевод»

Магистерская диссертация

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОСЛОЖНЕНИЕ ПРОСТОГО
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НАУЧНОЙ РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО
АНГЛИЙСКОГО, КАЗАХСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ**
6N0205 Филология (английская)

Исполнитель _____ А.Б. Ахметова

Научный руководитель
Доцент, кандидат филол. наук _____ Р.Ж. Саурбаев

Допущена к защите:
Зав кафедрой «Английской филологии и перевода»
Доцент, кандидат филол. наук _____ Хамитова Г. А.

Павлодар, 2010 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1.Золотова Г. А. О структуре простого предложения в русском языке // Вопросы языкознания. –Л., 1967. – С. 90 – 101.
- 2.Москальская О. И. Проблемы семантического моделирования в синтаксисе // Вопросы языкознания. – М., 1973. – С. 33 – 43.
- 3.Есенов Х.М. Синтаксис осложненного предложения в казахском языке. - Алматы, 1992. -207с.
- 4.Блох М. Я. Теоретические основы грамматики. – М.: Высшая школа, 2000. -383с.
- 5.Потебня А. А. Из записок по русской грамматике.– Харьков, 1888. -539с.
- 6.Виноградов В. В. «Синтаксис русского языка» // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М., 1950, - С. 75 – 126.
- 7.Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. - М., 1988. - 656с.
- 8.Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке//Вопросы синтаксиса современного русского языка. - М., 1950. -385с.
- 9.Барсова О.М. Двусоставные безглагольные предложения в современном английском языке // Научные доклады высшей школы. –М., 1959. № 2.
10. Бархударов Л. С. Язык и перевод. - М., 1966. -240с.
11. Хомским Н. Теория порождающих грамматик. – Москва, 1962. -132с.
12. Адамец П. Очерк функционально-трансформационного синтаксиса современного русского языка. - Прага, 1973. -136 с.
13. Золотова Г. А. О регулярных реализациях моделей предложения // Вопросы языкознания. – Л., 1969. – С. 67 – 78.
14. Седельников Е.А. Парадигма предложения. 1961, -187с.
15. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. -М., 1959. -439с.
16. Ахмановой О.С. Словарь лингвистических терминов. – Москва, 1966, -56с.
17. Гухман М.М. Грамматика словоформ. –М., 1968. – С. 123-124.
18. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка. - М., 1998. -528с.
19. Руднев А. Г. Синтаксис современного русского языка - М.: Высшая школа, 1968.- 319с.
20. Дмитриева Л.К. Осложняющие категории и осложнение. - М., 1982. -100с.
21. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. – М.: Учпедгиз, 1941. -620 с.
22. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды: Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 53 – 87.
23. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1934.- 452с.
24. Темиргазина З.К. Оценочные высказывания в русском языке. – П., 1999. - 270с.

25. Бабайцева В. В. Односоставные предложения в современном русском языке. – М.: Просвещение, 1968. -160с.
26. Прияткина А. Ф. Русский язык. Синтаксис осложнённого предложения. – М.: Высшая школа, 1990. -176с.
27. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. -М., 1969. -84с.
28. Ревзин И. И. Современная структурная лингвистика. -М., 1977.-212с.
29. Бектурова А. Ш. Казахский язык для всех. Алматы: Атамұра, 2004. -203с.
30. Стеблин-Каменский. К вопросу о развитии древнеанглийского поэтического стиля (субстантивный эпитет в древнеанглийской поэзии). –Л., 1946. С. 7–60.
31. Иофик Л.Л. Проблема структуры сложного предложения в новоанглийском языке. -М., 1972. -157с.
32. Адмони В. Г. О двусоставности предложения // Уч. зап. Первого ЛГПИИЯ, новая серия. – Л., 1955. – Вып.2. – С. 131 – 172.
33. Колшанский Г. В. Компоненты структуры текста // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – М.: 1981. Вып. 170. – С. 3 – 12.
34. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. – М.: Учпедгиз, 1941. -620с.
35. Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. - М., 1965.-426с.
36. Арутюнова Н. Д. Вариации на тему предложения // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. – М.: Наука, 1969. – С. 38 – 48.
37. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке.– М.: УРСС, 2006. – 122 с.
38. Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1973. – С 349 – 372.
39. Москальская О. И. Проблемы семантического моделирования в синтаксисе // Вопр. языкознания. 1973. – № 6. – С. 33 – 43.
40. Сусов И. П. Семантическая структура предложения. – Тула, 1973. – 141 с.
41. Кононов А.Н. Актуальные проблемы тюркского языкознания // Вопросы языкознания. –Алматы: Наука, 1984. № 6. – С. 3-13.
42. Арсланов В. Ш. Диктемаобразующая функция сложноподчиненных предложений английского, русского и татарского языков // Языковые уровни и их анализ (на материале языков разных систем) – 2006: Ежегодник. – Казань: Gumanitayua, 2007. – С.82-88.
43. Петрова А. Г. Феномен осложнения предложения в английской лингвистике // Вестник Саратовского госагроуниверситета им. Н.И. Вавилова. – Саратов: Изд-во СГАУ, 2006. № 5 – Вып. 3. – С.87-88.
44. Саурбаев Р.Ж. Осложненные предложения в английском и татарском языках.- Сургут, 2007. – 360с.
45. Петрова А. Г. Синтаксическое осложнение как явление синтаксиса в английском языке // Культурологические и лингвистические аспекты

коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: ИСО, 2006. – Вып. 6. – С.17-24.

46. Швец (Петрова) А. Г. Формально-синтаксическое осложнение предложения (на материале русского и английского языков): Авто-реф. дисс. канд. филол. наук. – Саратов, 2006. -20с.

47. Кобрина Н.А., Корнеева Е.А., Осовская М.И., Гузеева К. А. Грамматика английского языка: Морфология. Синтаксис (на английском языке). - СПб., 1999. - 196с.

48. Вафеев Р.А. Выражение причинно-следственных отношений в русском и татарском языках. - Тобольск, 2000.

49. Греч Н. И. Чтения о русском языке. – М., 1840. – 264с.

50. Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – М.: Наука, 1988. – 310с.

51. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. М., 1961.- Т.2.- 344 с.

52. Абдурахманов Г.А. Узбек тили синтаксисидаги мураккаб гаплар масаласига доир // Узбек тили ва адабиети масалалари. – Ташкент, 1962. – С.5 – 11.

53. Абдурахманов Г.А Хозирги узбек адабий тили. – Ташкент, 1966. – 322с.

54. Абдурахманов Г.А. Синтаксис осложненного предложения: К некоторым спорным вопросам синтаксиса тюркских языков // Структура и история тюркских языков: Сб. ст. – М.: Наука, 1971. – С. 138 – 147.

55. Давлетов М. Структурные типы простого осложненного предложения в современном каракалпакском языке: дис. д-ра филол. наук. – Ташкент, 1989. – 326с.

56. Есенов Х.М. Синтаксис осложненного предложения в казахском языке. – Алма-Ата, 1992. – 207с.

57. Демесинова Н.Х. Развитие синтаксиса современного казахского языка. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1974. – 171с.

58. Черемисина М.И. О сложности и осложненности предложений в тюркских языках Южной Сибири // Вопросы советской тюркологии. – Ашхабад, 1988. – С. 230 – 234.

59. Сайкеев Х.М. Грамматические категории глагола в русском и казахском языках. –Алматы: Наука, 1973.- 196с.

60. Исенгалиева В.А. Тюркские глаголы с основами, заимствованными из русского языка. –Алматы: Наука, 1985.- 236с.

61. Бектуров Ш. Қазақ тілі. –Алматы: Мектеп, 1979.- 146с.

62. Нурмуханова Э.Н. Қазіргі қазақ тілі. – Алматы: Мектеп, 1982.- 321с.

63. Кордабаев Т. Қазіргі қазақ тіліндегі етістіктердің шак категориясы. – Алматы: Мектеп, 1953.-178с.

64. Греч Н. И. Чтения о русском языке. – М., 1840.-267с.

65. Егенов Х.М. Синтаксис осложненного предложения в казахском языке. Алматы: Изд. «Ғылым», 1992.- 354с.

66. Исаев С. Сопоставительная типология казахского и русского языков. Алматы: Изд. «Санат», 1996.- 215с.
67. Болтабаева Х. Узбек тилида мураккаблашган содда гаплар. – Ташкент: Фан, 1969. – 174с.
68. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – М., - 219с.
69. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике. – М., 1990. – 167с.
70. Прияткина А.А. Союзные связи в простом предложении. -Владивосток, 1978. – 336с.
71. Закиев М.З. Синтаксический строй татарского языка. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1963. – 464с.
72. Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. -М., 2000.
73. Колосова Т.А. Русские сложные предложения асимметричной структуры. - Воронеж, 1980. – 267с.
74. Чаленко Е.С. Преобразование сложного предложения в результате его компрессии: Автореф. дис. канд. филол. наук. -Воронеж, 1989.
75. Бабалова Л.Л. Семантические отношения причинных и условных предложений в современном русском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. -М., 1974.
76. Теремова Р.М. Функционально-грамматическая типология конструкций обусловленности в современном русском языке: Автореф. д-ра. филол. наук. -Л., 1988.
77. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по синтаксису. -Новосибирск, 1987.
78. Бектурова А. Ш., Бектуров Ш. К. Казахский язык для всех. - Алматы: Атамұра, 2004.
79. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. -М., 1969.- 178с.
80. Гарипов Т. М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. -М., 1974.-167с.
81. Мельников Г.П. Номинативный ракурс языкового типа и стадийная классификация языков. - М., 1999. -59с.
82. Бабайцева В.В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация / В.В. Бабайцева.– М.: Просвещение, 1979. – 269с.
83. Бабайцева В.В. Современный русский язык. – М.: Просвещение, 1987. – 256с.
84. Давлетов М. Структурные типы простого осложненного предложения в современном каракалпакском языке: дис. д – ра филол. наук.– Ташкент, 1989. – 326с.
85. Кузьмичева В.К. Экспериментально-фонетические исследования интонации обращения в современном русском языке // Ученые записки МОПИ им. Н.К. Крупской. – М., 1964. – Т. 148, вып. 10. – С. 324 – 346.
86. Литвиненко Е.В. Семантическое и синтаксическое осложнение структуры предложения в результате обособления и парцелляции его компонентов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Киев, 1984. -44 с.

87. Марков Ю.Г. Функциональный подход в современном научном познании. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние., 1982. – 156 с.
88. Мигрин В.Н. Принципы изучения членов предложения // Филологические науки. Л., 1961. – С.50 – 52.
89. Торсуев Г.П. Фонетика английского языка. – М., 1950. – 289с .
90. Троицкий Е.Ф. Сочинение тождественных членов // Русский язык в школе. –М., 1977. – С.104 – 106.
91. Галлямов Ф.Г. Осложненное предложение в татарском языке.– Казань: Gumanitarya, 2005. – 264с.
92. Петрова А. Г. Проблемы осложненного предложения в современной лингвистике // Культурологические и лингвистические аспекты коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: ИСО, 2004. – Вып. 4. – С.33-35.
93. Прияткина А. Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.
94. Рахимова А. Р. Türk Dilbilgisi. Төрөк грамматикасы. – Казань: КГУ, 2002. – 336 с.
95. Stoker B. Dracula. – London: Penguin Popular Classics, 1994. – 449 p.
96. Потебня А.Д. Из записок о русской грамматике. -М., Просвещение, 1977.
97. Русская грамматика. -М., Наука, 1980.- 164с.
98. Сопоставительная грамматика русского и казахского языков // Морфология. -Алматы: Мектеп, 1967.-138с.
99. Әбілқаев А. Қазіргі қазақ тілі. –Алматы: Мектеп, 1964.-262б.
100. Балакаев М.Б. Современный казахский язык // Морфология. –Алматы: АН Каз. ССР, 1966.- 219с.
101. Баранов М.Т. Русский язык. Справочные материалы. –Москва: Просвещение, 1987.-143с.
102. Валгина Н.С. Современный русский язык. –Москва: Высшая школа, 1987. -343с.
103. Маманов И.Е. Қазіргі қазақ тілі. Алматы: Мектеп, 1966.-238б.
104. Сайкиев Х.М. Сопоставительная грамматика русского и казахского языках. -Алматы: Наука, 1966.-341с.
105. Грамматика русского языка. –М., Издательство, -978с.
106. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык.. - М., 1987. - 271с.
107. Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. - М., 1965.-426с.
108. Бондаренко И.В. Союзные инфинитивные конструкции со специфической зависимой частью в современном русском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. -Томск, 1982. -329с.
109. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. -Л., 1967. - 191с.
110. Брицын В.М. Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке. - Киев: Изд-во АН УССР, 1990. - С. 289-296.

111. Гусман Тирадо Р. Генеративные сложноподчиненные предложения в русском языке. - Воронеж, 1998. - 136 с.
112. Земский А.М., Светлаев М.В., Крючков С.Е. Русский язык. -М., 1953.-126с.
113. Ломов А.М. Очерки по русской аспектологии. - Воронеж, 1977.- 139с.
114. Ломов А.М. Типология русского предложения. - Воронеж, 1994. - 280с.
115. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. - М., 1972. -199с.
116. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. - Новосибирск: Наука, 1987. - 200с.
117. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Grammar of Contemporary English. - London, 1972. - 778p.
118. Jakobsen W. Switch reference in Hocan-Coahiltecan // Studies in Southwestern ethnolinguistics. -The Hague:Mouton, 1967. -P.238-263.
119. Haiman J. – Munro P. Switch-reference and universal grammar. (Typological studies in Language). - Amsterdam, 1983.
120. Скрибник Е.К. Понятие «моносубъектность, разносубъектность» применительно к обско-угорским языкам // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. - С.55-60.
121. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – М., 1989. -364с.
122. Жигadlo В.Н., Иванова И.П., Иофик Л.Л. Современный английский язык. Теоретический курс грамматики. - М.: Изд. лит. на иностр. яз, 1956.
123. Кобрина Н.А. Синтаксические средства связи между самостоятельными предложениями в современном английском языке: Автореф. дисс. канд. филол. наук. -Л., 1958.
124. Лич Дж., Свартвик Я. Коммуникативная грамматика английского языка. -Москва: Просвещение, 1983.
125. Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. - London, 1976.
126. Gleitman L. Coordinating conjunctions in English Language. 1965.

Реферат

Данное исследование посвящено изучению простых предложений в научной речи современного английского, казахского и русского языков, осложненных полупредикативными комплексами, структурно-семантический статус которых заключается в создании дополнительного информационного плана высказывания.

Магистерская диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, перечня сокращений, и списка использованных источников. Также имеются иллюстрации в виде девяти рисунков и одной таблицы.

Ключевые слова: семантическое осложнение, осложняющие конструкции, предикация, монопредикация, пропозиция, фактор открытой предикации, диктема, коммуникативная единица, синтаксема, языковая компрессия, зависимая часть, тема, рема, частотность, актуальное членение предложения.

Теоретической базой исследования послужили положения парадигматического синтаксиса в трудах М.Я.Блоха, М.З.Закиева, Е.А.Седельникова, Г.А.Золотовой и др.

Целью диссертации с учетом изложенного является парадигматическое и структурно-семантическое сопоставительное исследование конструктивных и предикативных свойств осложненных предложений в научном стиле английского, казахского и русского языков.

Объект исследования – система осложняющих элементов предложения в английском, казахском и русском языках.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые на материале сопоставления английского, казахского и русского языков проводится общий анализ осложненных предложений с позиции теории парадигматического синтаксиса и осуществляется их функционально-стилистическое обследование в сочетании со статистическими характеристиками.

В работе используется комплексная сравнительно-типологическая методика, включающая метод трансформационного анализа, дистрибутивно-статистического анализа, а также контекстуальные наблюдения в рамках диалогических единств.

Проведенный количественный анализ стиля научной речи подтверждает данные о том, что английский, казахский и русский языки на современном этапе развития стремятся к экономии языковых средств путем конденсации информации, широко используя при этом конструкции с нефинитными глаголами. Фактор открытой предикации (FOP) стиля научной речи характеризуется высокой степенью компрессии.

Результаты исследования могут послужить теоретическим и практическим материалом для разработки соответствующих разделов теоретической грамматики и стилистики, а также для разработки лингвистических основ изучения английского языка казахскими, русскими учащимися и написания теоретических и практических пособий.

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ

ОПП – осложненноподчиненное предложение

FOR – фактор открытой предикации

Vint – непереходные глаголы;

Vtr – переходные глаголы и их подгруппы: V take, Vgive, Vput, Vlook at;

Vbe – глаголы связки V become, V seem.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ	
ВВЕДЕНИЕ	5-9
1 ОСЛОЖНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ СИНТАКСИСА	
1.1 Осложненное предложение как самостоятельная категория синтаксиса	10-21
1.2 Осложненное предложение как тип предикативно синтаксической конструкции	21-30
1.3 Предикативные и конструктивные функции осложненного предложения	38-65
2 КОММУНИКАТИВНАЯ СТРУКТУРА ОСЛОЖНЕННОГО ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НАУЧНОЙ РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО, КАЗАХСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ	66-83
2.1 Осложненное предложение функционального научного стиля в английском, казахском и русском языках	83-88
2.2 Осложненное предложение в стиле научной речи английского, казахского и русского языков	89-100
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	101-105
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	106-111

1 ОСЛОЖНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ СИНТАКСИСА

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено сопоставительному изучению структурно семантического осложнения простого предложения в научной речи современного английского, казахского и русского языков. *Предметом изучения* выбраны осложненные предложения, содержащие в своей структуре не менее двух предикативных центров, один из которых имеет статус полнопредикативного предложения с функцией ядра высказывания, второй – полупредикативный с функцией придаточного уточняющего или поясняющего основное содержание высказывания в английском языке и его эквиваленты в казахском и русском языках. *Объект исследования* – система осложняющих элементов предложения в английском, казахском и русском языках.

Тенденции языка к компрессии, сжатию линейной структуры при одновременном смысловом уплотнении вызывает активизацию употребления полупредикативных конструкций, которые осложняют структурную и семантическую организацию предложения.

Выбор для исследования данного языкового факта в сопоставительном плане не случаен и обусловлен рядом причин.

Во-первых, обзор современных английских, казахских и русских текстов, принадлежащих к научному стилю языка, указывает на важную функциональную роль, структурное своеобразие и высокую частотность употребления рассматриваемых предложений, не получивших до сих пор достаточного освещения в современной отечественной англистике и тюркологии.

Во-вторых, в последнее десятилетие в лингвистической литературе появился ряд исследований, посвященных отдельным сторонам исследуемого нами явления, такие, как работа Г.А.Золотовой, предполагающей скрытую предикативность в предложении, делающей его “полипредикативным”. Проблемы системной организации решаются ею на основании представления об иерархической системе предложения, разграничивая в ней модификации моделей предложения и полупредикативные осложнения [1, 90].

О.И.Москальская, исследующая проблемы внутримodelьных и межmodelьных синтаксических процессов, основывается на развертывании структурной схемы предложения и усложнения его членов, и на реализации грамматического уровня предложения [2, 43]. Х.М. Есенов исследует простые предложения с полупредикативностью, значение которой выражается различными языковыми средствами в казахском языке [3, 207].

Нам представляется необходимым с учетом полученных результатов отдельных разработок провести системный анализ осложненных предложений в свете общих положений теории парадигматического синтаксиса.

В-третьих, изучая осложненные предложения во всей совокупности их структурных, семантических и функционально-стилистических признаков, а также обосновывая наше исследование на качественной и количественной оценке результатов сопоставления рассматриваемого языкового материала, мы можем расширить и дополнить имеющиеся сведения о структурной

организации, функциональной и семантической значимости полупредикативных комплексов в современном английском, казахском и русском языках в рамках парадигматического синтаксиса.

Актуальность диссертационного исследования определяется необходимостью изучения структурно-семантических свойств неполнопредикативных конструкций как синтаксических единиц, вызванных к жизни активными процессами в развитии синтаксического строя как английского, казахского, так и русского языков, а также задачами дальнейшего развития синтаксической теории, в частности, парадигматики осложненного предложения.

Теоретической базой исследования послужили положения парадигматического синтаксиса в трудах М.Я.Блоха, М.З.Закиева, Е.А.Седельникова, Г.А.Золотовой и др.:

исследования о предикативных функциях предложения в рамках примарной синтаксической системы и синтаксической предикативной нагрузке предложения;

положения о конструктивных функциях предложения;

всестороннее рассмотрение научных точек зрения о парадигме синтаксемы;

исследования о соотношениях коммуникативно-установочного аспекта высказывания с аспектом его актуального членения;

научные взгляды о степени открытой (поверхностной) репрезентации деривационной базы высказывания (фактор открытой предикации).

Согласно первому положению, предварительным этапом описания и сопоставления предикативных функций в рамках примарной синтаксической системы должна явиться выделение примарных предложений из общего множества предикативных единиц языка. Для того чтобы распознать эти предложения в тексте сопоставляемых языков используются критерии соотносительной простоты, эксплицитности и однозначности.

Основываясь на них, отчленяются примарные предложения от синкретичных предложений со связочным двойным сказуемым, от синкретичных предложений с глагольным многокомпонентным сказуемым, от осложненных предложений с различными комплексами вторичной предикации.

Анализируя подобные предложения в сопоставляемых языках, получаем два результирующих факта: во-первых, идет отграничение монопредикативных (то есть примарных) предложений от монопредикативных предложений, выходящих за пределы примарной синтаксической системы, во-вторых, выявляются совокупность глаголов, не образующих с подлежащими самостоятельной предикативной линии, тем самым оказываются служебными элементами синтаксиса.

Наиболее существенные предикативные свойства предложения с позиции выделения синтаксико-парадигматических рядов раскрываются в связи с введением понятия предикативной нагрузки предложения. Синтаксическая предикативная нагрузка предложения определяется суммой положительных значений выраженных в предложении синтаксико-категориальных предикативных признаков.

Минимальная предикативная нагрузка, равная нулю, то есть отрицательная, по всему набору предикативных синтаксических категории. Она характеризует простейшее примарное предложение. Так, предложения насыщенные предикативно - синтаксическим содержанием относятся к одному из обобщенных классов «легких» и «тяжелых». Предикативная нагрузка «легких» предложении - от нулевой до двухзначной, предикативная нагрузка «тяжелых» - от трехзначной и выше.

Второе положение: конструктивные функции предложения в трех языках выявляются в формировании предложении разной степени сложности, а также в объединении самостоятельных предложения в составе текста. Основной принцип конструктивного объединения предложении является бинарность любого высказывания, то есть к одному компоненту предложения прибавляется другой компонент. В этом случае минимальная деривационная основа должна состоять из двух предикативных единиц. Отсюда следует, что два ядерных предложения могут произвести синтактико-парадигматический ряд, отображающихся в своих номинативных границах определяемых знаменательными составляющими ядерных предложении на всей пропозитивной языковой иерархии.

Третье положение учитывает тот факт, что синтаксическая парадигма на уровне предложения в сопоставляемых языках формируется не одним и тем же предложением, взятых в «разных формах», а заведомо разными предложениями, представляющими собой видоизменения одной и той же знаменательной пропозитивной модели. Поэтому такую парадигму можно считать парадигмой синтаксемы. Члены парадигмы разные, а синтаксема тот же самый, подобно лексеме, сохраняющей тождество в разных изменительных парадигматических формах. Первичная нормальная парадигма представляет собой наиболее важный тип синтаксической парадигмы предикативных функции. Построенная непосредственно на ядерной основе синтаксемы, она входит составной конституирующей частью всевозможных видоизменений как предикативных, так и конструктивных особенностей.

Парадигма более тяжелой синтаксемы, чем первичный, то есть вторичная парадигма, строится от повествовательного предложения с синтаксической предикативной нагрузкой от одного и выше. Такое предложение проводится поочередно по дополняющим его значениям категориальных предикативных

Четвертое положение, в качестве одной из определяющих характеристик предложения как единицы сообщения, в английском, казахском и русском языках, указывает его коммуникативно-установочное значение. Это значение, обобщенное в коммуникативном типе предложения, формируется на базе его актуального членения. Анализ различий в актуальном членении предложений разной коммуникативной установки приводит к симметричной детализации представления общей системы коммуникативных типов предложения, в рамках которой выделяются три кардинальных коммуникативных типа (повествовательный, вопросительный, побудительный) и шесть промежуточных (по два между каждой парой кардинальных).

Пятое положение: необходимо в том и другом языке показать числовую характеристику относительного объема синтагматического строя предложения на единицу его деривационного строя. Чем больше базовых конструкции будет представлено в виде полных предикативных единиц, тем ближе это число будет к единице. Поскольку рассматриваемое отношение показывает степень открытой (поверхностной) репрезентации деривационной базы предложения, то такое соотношение названо М.Я.Блохом «фактором открытой предикации». По существу, данный фактор выявляет удельный предикативный объем предложения

Анализ количественных данных оценки парадигматической сложности следует использовать на широких текстовых массивах материалов научного стиля в сопоставляемых языках (научной прозы). Такое применение особо полезно для дифференциации научного стиля в разных языках на основе статистических данных исследуемого материала.

Целью диссертации с учетом изложенного является парадигматическое и структурно-семантическое сопоставительное исследование конструктивных и предикативных свойств осложненных предложений в научном стиле английского, казахского и русского языков.

В соответствии с общей целью определяются следующие конкретные *задачи исследования*:

1. Дать структурно-семантическое обоснование выделения осложненных предложений в качестве особого типа предикативно-синтаксических конструкций в сопоставляемых языках.

2. Выявить характеристики осложненных предложений, связанных с научным стилем в английском, казахском и русском языках.

3. Через сравнительное исследование парадигматики и синтагматики осложненного предложения трех языков показать, что концентрированное использование неполнопредикативных конструкций мотивированно не только стремлением к экономии речи, но и прежде всего семантико-стилистическими задачами.

4. Исследовать особенности функционирования осложненных предложений как экспрессивно-стилистических средств в сопоставляемых языках.

5. Провести обследование частотности осложненных предложений в научном стиле английского, казахского и русского языков.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые на материале сопоставления английского, казахского и русского языков проводится общий анализ осложненных предложений с позиции теории парадигматического синтаксиса и осуществляется их функционально-стилистическое обследование в сочетании со статистическими характеристиками.

Специфика предмета исследования, цель и поставленные задачи обусловили выбор методов лингвистического анализа. В работе используется комплексная сравнительно-типологическая методика, включающая метод трансформационного анализа, дистрибутивно-статистического анализа, а также контекстуальные наблюдения в рамках диалогических единств.

Гипотеза исследования, выдвигаемая в работе, основывается на предположении о том, что особенности выражения и функционирования структурно-семантического осложнения простого предложения научной речи современного английского, казахского и русского языков определяются спецификой системы и нормы каждого из языков.

Теоретическое значение работы состоит в использовании сравнительно-типологического анализа в преломлении теории парадигматического синтаксиса применительно к осложненным предложениям. В результате этого стало возможным выявить структурно-семантические свойства осложненных предложений в научном стиле английского, казахского и русского языков.

Практическое значение работы заключается в том, что результаты исследования могут послужить теоретическим и практическим материалом для разработки соответствующих разделов теоретической грамматики и стилистики, а также для разработки лингвистических основ изучения английского языка казахскими, русскими учащимися и написания теоретических и практических пособий.

Апробация диссертационного исследования

Материалы и основные положения магистерской диссертации были изложены в докладах и сообщениях на Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Мир и Человек-история, современность и перспективы» (24-25 октября 2008г. г. Новосибирск); «Осложненные предложения в английском и русском языках» на Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию со дня образования Института транспорта Тюменского Государственного Нефтегазового Университета (16-17 апреля 2009г); на II Международной научно-практической конференции «Ключевые проблемы современной науки – 2010» (г. София, Болгария); на региональной научно-практической конференции «Капеновские чтения» Павлодарского государственного педагогического института (Павлодар, 2010).

Цели и задачи исследования определили объем и структуру диссертации, которая состоит из введения, двух глав, заключения, перечня сокращений и списка использованных источников. Источниками исследования послужили научные статьи из журналов и монографий, выборки из газет “USA today”, “Moscow Times”, “Financial Times”, “Gardian”, “Daily Tribune”, а также журнальные, газетные научные тексты и статьи на казахском, русском языках. Общий объем анализируемых текстов составляет 956 страниц.

1 ОСЛОЖНЕННОЕ ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ СИНТАКСИСА

Одной из основных проблем грамматической теории на современном этапе ее изучения является рассмотрение синтаксической конструкции, в частности предложения, в парадигматическом аспекте.

Значимость данной проблемы определяется ролью предикативных конструкций в языке. Предложение, как непосредственный носитель информации, сообщаемой говорящим слушателю в процессе коммуникаций включает в себя все составные части языкового строя: любая совокупность элементов языка, выполняющую определенную функцию, реализуется в предложении и через предложение.

Предложение как специфическая коммуникативная единица представляет собой линейное образование, сумму последовательных словесных форм, которые объединены ситуативным смыслом предложения, иначе говоря, отражение некоторого факта действительности в речи. Отсюда, синтаксис с точки зрения традиционной лингвистики чаще всего представлялся в понятиях линейных последовательностей, трактуемых современной лингвистической наукой как грамматико-синтаксический план выражения языка.

Лингвистами, исследовавшими в последние десятилетия предложение с точки зрения парадигматики, раскрываются такие его качества, казавшиеся ранее несвойственными в силу речевого и языкового статуса предложения. Следовательно, изучение парадигматизации предложения является актуальнейшей задачей развития теории синтаксиса на сегодняшний день, на что указывают многие отечественные и зарубежные исследователи парадигматических отношений в синтаксисе (Т.П.Ломтев, Е.А.Седельников, И.П.Распопов, Г.А.Золотова, М.З.Закиев, Д.Г.Тумашева, Н.Ю.Шведова, О.И.Москальская, М.Я.Блох, Л.С.Бархударов, Г.Г.Почепцов, Д.С.Уорт, П.Адамец и др.).

Теория парадигматического синтаксиса с ее эмпирическим изучением фактического материала и содержательными путями установления языковых отношений в терминах синтактико-парадигматических рядов (парадигматизация синтаксиса) восходит к формальной теории порождающей грамматики. Фундаментальными категориями системы понятий данной теории является понятие ядерной предикативной конструкции и синтаксического преобразования предикативной конструкции.

Укажем некоторые специфические особенности как языкового средства. Предложение есть носитель предикативной информации, т.е. информации отнесенной к какой-либо конкретной ситуации действительности, выделяя парадигматический ряд на уровне предложения и показывая тем самым взаимодействие синтаксиса и морфологии.

Парадигматический синтаксис различает морфологические и синтаксические парадигмы. Это отличие вызвано предикативным характером основных структур синтаксической парадигматики. Следовательно, парадигматический ряд на уровне предложения представляет собой набор

различных предложений, объединенных деривационной основой. Морфологическая парадигма входит в состав синтаксической парадигматики.

При этом следует учесть, что парадигма предложения - это система синтаксических форм объединенных каким-либо общим значением. В объединение форм соответствующую парадигму большое значение имеет противопоставление форм по значениям, то есть оппозитивные отношения, которые осуществляются в виде бинарной оппозиции. Например, формы повествовательных, побудительных, вопросительных и восклицательных предложений объединяются в одну парадигму по цели высказывания. Кроме того, в объединении этих форм парадигму имеет значение возможность их взаимного противопоставления.

Такие оппозитивные отношения, лежащие в основе данного парадигматического ряда могут быть противопоставлены в виде бинарной оппозиции как вопросительность - невопросительность; невопросительность можно подразделять на повествовательность - побудительность, кроме того, все эти разновидности могут быть объединены по признаку их невосклицательности и противопоставлены восклицательным формам. Отсюда и вытекает, что парадигматический подход к предложению выявляет его диалектический характер, так как в предложении различаются языковая и речевая принадлежности. Это приводит к дихотомии языка - речи, понятия информация и семантика.

Парадигматический подход к предложению выявляет его диалектический характер, так как в предложении различаются языковая и речевая принадлежности. Это приводит к дихотомии языка - речи, понятия информации и семантики.

С точки зрения этого разграничения, предложение в речи есть величина информативная. Однако синтаксическая модель предложения, противостоящая ее речевой реализации, не представляется как какая-то асемантическая структура. Предложение выражает обобщенные значения на любом уровне представления категорий. При этом "пропозитивная" семантика выступает как парадигматико-языковое средство формирования и передачи информации в процессе коммуникации. Предложение, являясь центральной структурно-семантической единицей синтаксиса, выступает составляющим элементом на трех основных синтаксических уровнях языка: на ядерном уровне с его семантикой первичных связей знаменательно-позиционных составляющих предложения; на уровне развернутого предложения с его семантикой непосредственных коммуникативных значений предложения; на надфразовом уровне с его семантикой широких контекстных связей предложения.

Всякое предложение языка характеризуется наличием двух существенных аспектов: номинативного и предикативного. Предикация обычно определяется как свойство предложения относить содержания высказывания к действительности. Учитывая, однако, двуаспектный характер предложения как единицы языка, которая выполняет не одну, а две существенные знаковые функции: предметно-назывную (номинативную) и оценочно-установочную (предикативную). Следует, по определению М.Я.Блоха, осмыслить предикацию

“не просто как отнесение содержания к действительности, а как отнесение номинативного содержания предложения к действительности” [4, 383]. Данное определение подчеркивает наличие двух основных сторон всякого полноценного предложения, в котором выделяются два ряда функций; конструктивные и предикативные.

Следует учесть, что предикация в предложении может быть выражена на двух уровнях: на уровне конструкции и на уровне коммуникации при функционировании в речи. В первом случае предикация существенно зависит от наличия в предложении глагольного компонента. Можно сказать, что в предложении с личной формой глагола предикация заложена изначально, в самой модели предложения, поскольку она заложена в глаголе как классе слов.

Неудивительно, что как в отечественной, так и зарубежной синтаксической традиции, глагольность отождествлялась с основным признаком предложения, считались его неотъемлемой и определяющей частью. В русском синтаксисе такая традиция восходит к учению А.А.Потебни [5, 539] и наиболее ярко выражена в работах В.В.Виноградова [6, 126].

В работах ряда зарубежных лингвистов выработан взгляд на глагол как на основной элемент предложения с подчинением ему субъекта-подлежащего. Такой подход к глагольному компоненту продемонстрирован, в частности, в вербоцентрической модели Л.Теньера, который строит синтаксическое дерево предложения с вершиной глаголом [7, 656]. Более традиционный взгляд на “норму” предложения как обязательное взаимозависимое согласование подлежащего и сказуемого высказывается Е.М. Галкиной-Федорук в русском языкознании [8, 385] и в английском О.М.Барсовой [9]. Иными словами, норма простого предложения ассоциируется с предложением воплощающим логическую схему суждения, то есть подлежащно-сказуемую структуру.

Неслучайно Л.С.Бархударов базирясь на логико-структурном подходе к синтаксису называет предложение языковой единицей, обладающий структурой, дающей ей возможность употребления в качестве минимального высказывания, а именно подлежащно-сказуемой структурой [10, 240].

Очевидно, однако, что в языке далеко не все предложения представлены таким образом. Существуют синтаксические конструкции, в которых предикация словесно не выражена, а представлена имплицитно. Эти конструкции, как и глагольные воплощают в себе сообщение, вводя тот же коммуникативный эффект. Более того, введение глагольного компонента в подобные конструкции оказывается зачастую невозможным без нарушения семантики этих конструкций. Таким образом, наряду с глагольными, существуют конструкции безглагольные, выражающие предикативные отношения иными способами и в ином виде.

Обязательность субъектно-предикативной схемы относится к ядерному предложению, которое согласно теории парадигматического синтаксиса, лежит в основе каждого предложения языка и структура которого может воплощаться в моделях тех или иных предложений. При этом вне зависимости от того, какую именно модель воспроизводит конкретное предложение, оно всегда выполняет две функции: номинативную, развертывание по “знаменательным предметным

узлам”, и предикативную, относящую названное ситуативно-номинативное содержание к действительности независимо от составляющих предложение элементов.

При отнесении номинативного содержания предложения к действительности осуществляется выход на оценочно-функциональный уровень, на котором всякое предложение обладает определенным набором оценочно-предикативных функций [4, 285].

Выявление парадигматического аспекта синтаксиса и дальнейшие исследования в русле синтаксической парадигматики убедительно продемонстрировали универсальный характер парадигматических отношений в языке, захватывающих сферу его синтаксиса.

Однако следует отметить, что в синтаксической парадигматики в индоевропеистике нет единства взглядов, а в казахском языкознании, - как указывает Х.М. Есенов - такой вопрос никогда и не ставился [3, 197].

Опираясь на имеющуюся общесинтаксическую литературу по данной проблеме, Х.М. Есенов устанавливает две точки зрения. Так, одни ученые в определенную парадигму включают лишь такие формы, которые относятся только к одной какой-нибудь схеме, исключают из возможных членов парадигмы разносхемные синонимичные формы. Другие включают в соответствующую парадигму и разносистемные синонимичные формы. При этом иногда разносхемные синонимы признаются даже вариантами одной формы. Например, все средства побудительного наклонения, относящиеся как к двухкомпонентной схеме («Сен жаз»- «Ты пиши»), так и к однокомпонентной схеме («Саған жазуға!» – «Тебе писать!»), сопоставляют лишь варианты одной формы побудительности. Следовательно, при изменении в пределах одной парадигмы некоторые предложения иногда могут менять и свою грамматическую схему.

Однако в большинстве случаев те или иные парадигмы рассматриваются в рамках одной парадигматической схемы, то есть каждая грамматическая схема предложения должна подвергаться исследованию и с точки зрения выявления состава ее возможных парадигм. Некоторые схемы, особенно двухкомпонентные, обладают всеми формами всех возможных парадигм, а другие чаще однокомпонентные схемы характеризуются ограниченными формами парадигм.

Открытие парадигматического аспекта синтаксиса прошло по двум этапам.

Ассоциативный этап связан с наблюдениями над эквивалентностными соотношениями синтаксических конструкций. Исследования проводились на выявления связей между различными конструкциями сложных и простых предложений, сложноподчиненными и сложносочиненными предложениями, словосочетаниями и соответствующими им предикативными единицами на основе семантической эквивалентности и обратимости. Но понятие парафразово-преобразовательных связей конструкции подвергается коренному переосмыслению в современном подходе к синтаксису как к деривационной системе на уровне конструктивных моделей.

Открытие синтаксической парадигматики перешло ко второму, деривационному этапу. Прежде всего, необходимо отметить, что этот этап сопровождался установлением синтаксической единицы, служащей деривационным зачином, деривационной основой парадигматического производства предложений разного функционального назначения и разной степени сложности. Этой единицей является “ядерное предложение”, которое в структурном плане совпадает с элементарным предложением, но переосмысливается теорией парадигматического синтаксиса как изначально конструктивный компонент синтаксической парадигмы.

Понятие синтаксической деривации не предполагает непосредственной трансформации одного предложения в другое, так как предложение есть завершенная единица речи. Синтаксическая же деривация есть парадигматическое производство более сложных конструктивных моделей, служащих их деривационной базой.

Так, от ядерных предложений, составляющих в совокупности виртуальный ядерный уровень синтаксиса, расходятся две фундаментальные системы синтаксической деривации, вводящие предложение в развернутый текст. Одна система связана с отражением разных отнесений пропозитивной номинации к действительности. Под пропозитивной номинацией мы понимаем преобразовательные отношения, при которых предложение, рассматриваемое как элемент парадигматики языка, преобразуется в субстантивное словосочетание, теряя при этом свой процессуально-предикативный характер.

Таким образом, при синтаксической номинализации, разрушающей предложение как коммуникативную единицу языка и лишаящей предложение его предикативного аспекта, то номинативный аспект предстает в своем чистом виде. Выявление в предложении номинативного аспекта позволяет уточнить само понятие предикация. Учитывая функциональное назначение, мы называем эту систему системой предикативных функций предложения.

Другая система связана с усложнением самой пропозитивной номинации в ее рамках ядерные предложения включаются в формирование более широких конструкций разной степени сложности. Данную систему мы называем системой конструктивных функций предложения. Среди предикативных функций предложения особое место занимает коммуникативно-установочная функция: поскольку предложение - это коммуникативная единица языка, то оно должно выделяться прежде всего своей коммуникативной целью, то есть целевой установкой для слушающего.

Коммуникативная семантика различных высказываний в текстах делит предложения на три коммуникативных типа: повествовательные, побудительные и вопросительные, кроме того, был выделен восклицательный тип предложения без определенно обозначенного коммуникативного статуса.

Мы рассматриваем коммуникативные типы предложения в рамках системы из двух бинарных оппозиций (повествовательно-побудительное предложение, повествовательно-вопросительное предложение) и устанавливаем, что различительные признаки коммуникативных типов определяются прежде всего различиями актуального членения предложения, в частности, различным

характером их рематических компонентов, выражающих логический предикат высказывания.

Так, рема повествовательного предложения выражает информацию непосредственного сообщения или заявления о некотором факте, отношений, событий, действий, свойстве и т.д. Рема побудительного предложения в отличие от других коммуникативных типов, выражает содержание требуемого или желаемого говорящим действия, то есть программирует действие адресата побуждения. Рема вопросительного предложения выражает запрос информации, то есть является в содержательном плане открытой, программируя ответную рему. Особым своеобразием отличается вопросительная рема, связанная по признаку синсемантии с ремой ответного предложения.

Проблема синтаксической парадигматики, в отличие от традиционной для грамматики проблемы морфологических парадигм предложения, была выдвинута как противовес и дополнение к дистрибутивному синтаксису, ограничивающему свою задачу изучением синтагматических отношений в языке. Формирование парадигматических концепции предложения было непосредственно стимулировано методом трансформационного анализа в середине 50-х годов Н.Хомским в рамках развиваемой им теории порождающих грамматик [11, 132].

Введение в синтаксис особого типа отношений между конструкциями было воспринято многими лингвистами как восполнение синтаксиса компонентом, отсутствие которого препятствовало бы построению синтаксической системы языка. Отмечая, что в большинстве работ, выполненных в духе традиционного синтаксиса, недостает понятия системы, Д.Уорт выражал надежду, что трансформационный подход поможет устранить этот дефект. Несмотря на большое разнообразие процедур подводимых под общее понятие трансформаций, все исследования по трансформационному синтаксису объединены тем, что синтаксический компонент в них представлен как внутренне связанная система, состоящая из небольшого инвентаря исходных единиц и набора операций, применение которых должно привести к порождению бесконечного количества реально встречающихся высказываний того или иного языка.

Моделирование трансформационных рядов предложений, раскрывая известный параллелизм в организации синтаксических и морфологических структур, в частности, существование на обоих уровнях флективных деривационных форм, подводило к понятию “синтаксическая парадигма”, толкуемой то более широко (близко к понятию “трансформационный ряд”), то более узко (близко к понятию “морфологическая парадигма”).

Примером широкого толкования парадигмы предложения может служить концепция чешского синтаксиста П.Адамца. Он понимает под парадигмой иерархически организованную систему, в которую входят: ядерное предложение, все его трансформы, предлагающие изменения в синтагматическом устройстве при стабильности содержательной стороны, все его модификации, и все его варианты, предлагающие изменения его морфологических категорий (вида, времени, числа, наклонения) [12, 136].

Сформулированный Адамцом принцип имеет своей целью построение общей синтаксической системы языка, представляемой как совокупность многочисленных и иерархически организованных парадигм объединяющих вокруг исходной структуры ее грамматические и семантические модификации, а также синонимические ряды. Некоторые лингвисты позднее стали называть это синтаксическим полем предложениям [13, 67].

В других концепциях парадигма предложения представляется как результат ограничения трансформационной серии внутримодельными преобразованиями, последние обычно осуществляются в пределах свойственных предложению грамматических категорий - темпоральности, модальности, лица, числа, рода и вида сообщения по его коммуникативной интенции.

В еще более сжатом и суженном виде парадигма предложения рассмотрена в концепции Е.А.Седельникова. В понятие "парадигма предложения" положена структура, в которую входят формы, различающиеся между собой признаками синтаксического времени и объективной модальности, создающими в своей совокупности конституирующее предложение - категорию предикативности [14, 187].

В основе такого рода парадигм лежат те же грамматические категории, которые организуют морфологические формы предложения. Несмотря, однако, на большую близость к морфологической парадигме, еще не порвавшей связи с трансформационным методом, парадигма предложения характеризуется, в концепции Е.А.Седельникова, как синтаксическая, то есть ее членами являются синтаксические, а не морфологические формы предложения, в которых различия по признакам темпоральности и модальности выражаются не только изменениями в глаголе, но и различиями в структуре предложения.

Таким образом, в результате расширения понятия формы за счет включения в него наряду с морфологическими синтаксическими признаками, те значения, которые интегрируются в категорию предикативности, становятся более дифференцируемыми, чем это происходит в морфологической парадигме. Кроме того, синтаксическая парадигма строится для всех возможных моделей предложения, в то время как морфологическая парадигма применима только к глагольным предложениям.

Языковые единицы существуют в определенных объективных связях, как в синтагматических, так и в парадигматических. Непременным требованием любого исследования языка при современном состоянии лингвистической науки является изучение природы лингвистической единицы в двух отношениях: линейном (синтагматический план выражения) и системном (парадигматический план выражения). Описание же только в линейном, либо только в системном плане не может быть полными и исчерпывающим. Оба описания представляются нужными для раскрытия основных признаков исследуемого языкового явления.

Синтагматический план анализа ставит своей задачей изучение принципов расположения языковых элементов в линейной последовательности, в силу того, что это синтагматика воплощается в линейных связях между элементами целого. Такой план анализа подразумевает изучение внутренней организации

языковых единиц (т.е. описание единиц, представленных в речи). Так как синтагматические отношения являются специфическим атрибутом речи.

Парадигматический же план анализа предполагает исследование системных отношений языковых единиц. Так, А.И.Смирницкий в своей работе “Морфология английского языка” отмечает, что парадигматика морфологии является основной формой организации морфологических единиц, и парадигматические отношения раскрываются в системе форм изменяемого слова [15, 439].

Понятие синтаксической парадигматики, как мы уже указывали, относится к числу сравнительно новых лингвистических понятий. Введение его в аппарат языкового исследования вызвало к жизни потребности в системном изучении синтаксиса, а также необходимость представить синтаксический уровень языка как систему единиц.

“Синтагматика и парадигматика проходят через все слои языка” - это основной тезис пражских лингвистов, отрицающих отождествление парадигматики с морфологией, а синтаксиса - с синтагматикой, и нацеливающих на изучение в синтаксисе не только синтагматических, но и парадигматических отношений.

Обратимся к рассмотрению самого понятия “парадигма”. В известном “Словаре лингвистических терминов” О.С.Ахмановой дается два значения для исходного термина, соответственно, на абстрактном и конкретном уровне представления. Так, на абстрактном уровне парадигма определяется как совокупность флективных изменений, служащая образцом формообразования для данной части речи, а на конкретном уровне (парадигматическое расположение) как совокупность форм словоизменения данной лексической единицы, совокупность словоформ, составляющих данную лексему [16, 56].

Многие исследователи, увязывая парадигму с грамматической категорией, вводят ее понятие в определение категории. М.М.Гухман пишет: “Подобно любой категории знакового уровня, грамматическая категория двухмерна: план содержания представлен грамматическим значением, план выражения - системным набором взаимопротивопоставленных словоформ (не менее двух), или парадигмой, объединенной значением этой категории” [17, 124].

Понятие синтаксической парадигматики привело к созданию теории парадигматического синтаксиса, реализующей на настоящем этапе познания языка системный принцип его описания.

Своими корнями, как мы уже указывали, парадигматический синтаксис восходит к математической теории порождающих грамматик, выявившей принципиально новые положения синтаксиса ядерных предложений и его трансформаций.

Эта теория преломляет положение в системно-лингвистическом описании, в терминах синтаксической деривации предложения, на котором основаны разнообразные процессы речеобразования.

Парадигматический синтаксис различает форму и парадигму предложения, ставя их в определенную параллель с формой и парадигмой слова. Условием более строгого определения парадигмы предложения является сохранение

единых принципов выделения на уровне морфологии и синтаксиса. Подобную попытку показать парадигму предложения предпринял на материале русского языка Д.С.Уорт.

В теории парадигматического синтаксиса, разработанной М.Я.Блохом, показано, что тождество инварианта форм предложения в рамках изменяемой единицы, стоящей над отдельно взятым предложением в различных парадигматических рядах.

Синтаксическая парадигма на уровне предложения формируется, строго говоря, не одним и тем же предложением, взятым в разных формах, а заведомо разными предложениями, представляющими собой вариативность одной и той же знаменательной пропозитивной модели.

Таким образом, подобную парадигму можно считать парадигмой “синтаксемы”, включающей члены разных парадигм, а синтаксема остается тем же самым.. Синтаксема в синтаксисе аналогичен роли лексемы в морфологии. Формы лексемы меняются соответственно выражаемым категориальным значениям, а его тождество сохраняется во всех парадигматических изменениях слова.

Для предложения выделение этой обобщенной единицы еще выше, чем для слова, поскольку пропозитивная парадигма в синтаксисе образуется действительно разными предложениями, изучающими совершенно различные суждения говорящих.

В концепции парадигматического синтаксиса принято выделять две главные системы деривационных отношений предложений: предикативная и конструктивная. В предикативной системе посредством синтаксической оппозиции выражается вся сумма предикативных значений, необходимых для существования любого предложения. Парадигматизация множества примарных предложений по категориям предикативных функций осуществляется посредством трансформации этого множества в оппозиционное пространство с дифференциальными признаками, отображающими обобщенные предикативные значения предложения.

Функциональные значения предикативных отношений проводятся с учетом современных положений об аспектизации предложения. Каждая из предикативных категорий характеризуется некоторым набором экспонентов, варьирующих общую семантику признака и образующих свою парадигму в рамках полной парадигмы предикативных функций. В этой в татарском языке М.З.Закиев выделяет восемь видов (или, как иногда их называют ярусов) парадигм простого предложения. Это парадигмы: 1) по утвердительности / отрицательности; 2) по цели высказывания; 3) по выражению лица и числа; 4) по наклонениям (реальности / ирреальности); 5) по синтаксическим временам; 6) по очевидности / неочевидности; 7) по залогам; 8) по коммуникативной актуальности.

М.Я.Блох же выделяет двенадцать категорий парадигм признаков. Это: “коммуникативная установка”, расчленяемая на категориальные признаки вопроса и побуждения в раздельном соотнесении с повествованием (то есть на категории “вопросительная установка” и “побудительная установка”);

“бытийное качество” (отрицание-утверждение); “реализация” (нереальность-реальность); “вероятность” (предположение - констатация); “оценка тождества” (кажущееся, случайное, неожиданное тождество - констатация); “модальное отношение субъекта к действию”; “актуальное отношение субъекта к действию” (попытка, удача, неудача относительно производства некоторого действия-констатация); “фазис” (начало, конец, продолжение действия-констатация); “субъектно-объектное отношение”; “информативная перспектива”; “интенсивность”. Итого 12 категорий-признаков.

В перечень выделяемых предикативных категорий исследователи не включают категорий предикативного лица, времени, числа, вида, аргументируя тем, что они не входят в план оценки ситуации, называемой в предложении, а если непосредственно участвуют в данном назывании, то выявляются на переходе от предикативных функций к конструкционным [4, 234].

В конструктивной системе осуществляется построение предложений разной степени сложности, объединяемых посредством соответствующей синтаксемы.

Поскольку общий принцип конструктивного объединения языковых элементов является существенно бинарным, к одному элементу прибавляется другой, постольку минимальная деривационная основа для построения пропозиционального ряда, демонстрирующая связь между разными уровнями и подуровнями синтаксиса должна состоять из двух предикативных центров. Так, два ядерных предложения могут произвести синтактико-парадигматический ряд, отображающий их в своих номинативных границах на всей препозитивной иерархии языка.

Особый интерес в конструкциях синтаксиса представляют осложненные предложения, образуемые соединением полнопредикативной конструкции с конструкцией вторичной предикации, полупредикативным комплексом. Эти предложения более номинативны, чем сложные, Удовлетворяя требованиям адекватного применения соответствующих связанных друг с другом ситуаций, они передают необходимую сумму препозитивных значений в сжатом, сокращенном виде. Примером фрагмента парадигматического ряда английского осложненного предложения может служить следующее:

“Dressed in the scarlet uniform of the Goldstream Guards, he had looked so noble and strong”.

“Being dressed in the scarlet uniform of the Goldstream Guards, he had looked so noble and strong”.

“Without being dressed in the scarlet uniform of the Goldstream Guards, he had looked so noble and strong”.

“Because of his being dressed in the scarlet uniform of the Goldstream Guards, he had looked so noble and strong” (J.W.Brown. Penross Manor).

Приведенный пример содержит причастные и герундиальные комплексы, в английском которые выражает общий смысл предложения и опрощаются при номинализации комплекса:

“His dress of the scarlet uniform of the Goldstream Guards made him look so noble and strong” (J.W.Brown. Penross Manor).

Полнопредикативной основой осложненного ряда в английском языке служит предложение:

“He was dressed in the scarlet uniform of the Goldstream Guards and that made him look so noble and strong” (J.W.Brown. Penross Manor).

Важно строго различать понятия парадигмы и оппозиции. В понятие грамматической оппозиции выражается общая идея противопоставленности, либо только нормальной, либо содержательной, либо формально-содержательной. Что касается парадигмы, то она представляет собой форму знакового уровня, набор значимых единиц, значимых образцовых форм построения.

Следовательно, в минимальной (элементарной) парадигме как образцовом построении будет обязательно выявляться некоторая бинарная оппозиция форм и значение

На основании сопоставления разных сторон понятия парадигма исследователи проводят разграничение между “собственно парадигмой” и “парадигматическим рядом” как под парадигмой едино категориального выражения, М.Я.Блох отмечает: “Говорить об отмеченном противопоставлении “парадигмы” к “парадигматическому ряду” в синтаксисе нецелесообразно также, потому, что общее понятие ряда по своему содержанию выходит за пределы собственно парадигматической системы как совокупности парадигм” [4, 215].

Роль морфолого-парадигматических форм языка сводится к участию в построении синтактико-парадигматических форм. Синтаксическая парадигматика объединяет конструкции, назначением которых является передача семантики, в конечном счете, связанной с выражением предикации, то есть отнесением номинативного содержания к действительности.

Подобная связь может передаваться либо прямой, либо косвенной конструкцией. Под понятием “прямая конструкция” мы понимаем конструкцию непосредственного сообщения, косвенная же подразумевается как модификация конструкции непосредственного сообщения различной степени депрецированности.

Парадигма есть ряд языковых элементов, соотносимых и объединенных на грамматическом уровне по обобщенному вариативно-инвариантному принципу выражения некоторого категориального значения: инвариантная часть элементов отождествляет их в парадигматическом единстве, а вариативная различает как образующие разные формы парадигм реализующие соответствующие видоизменения категориального значения [18, 190].

Из вышеприведенного общего определения синтаксической парадигмы вытекает положение, что выведенному ряду синтаксическо-парадигматических форм противопоставляются в качестве инварианта некоторые позиционно-валентностные предложенческие конструкции, которые, в свою очередь, для случая непосредственного расширенного трансформационного ряда над ядерными предложениями будут выражаться структурно-валентностным свойством предложений.

Таким образом, синтаксическая парадигма включает ряд языковых структур, соотносимых и объединенных на синтаксическом уровне по обобщенному вариативно-инвариантному принципу выражения категориального значения. Инвариантная часть, образуемая позиционно-валентностной предложенческой конструкцией, отождествляет структуры в парадигматическом единстве, а вариативная часть дифференцирует структуры как разные формы парадигмы, реализующие соответствующие видоизменения категориального синтаксического значения.

Из вышеуказанного определения вытекает принципиальное соотношение между морфологической и синтаксической парадигмой, стоящее в зависимости от функционального назначения соответствующих парадигматических форм. Так, если морфологическое парадигматическое изменение сигнализирует семантическую модификацию слова (лексему) в некоторой позиции внутри предложения, то синтаксическое парадигматическое изменение в содержательном плане затрагивает предложение в целом. Иными словами, сущность морфологической парадигмы в ее отношении к синтаксической состоит в том, что она включается как составная часть синтаксической парадигматики: парадигма слова обслуживает парадигму предложения. Таким образом, парадигма слова нанизывается на синтаксическую парадигму, существует только в ней и только для нее.

1.1 Осложненное предложение как самостоятельная категория синтаксиса

В современной лингвистической литературе в разделе предложение, как известно, выделяются два основных типа синтаксических единиц – “простое” и “сложное предложение”, а в последнее время наряду с терминами “простое” и “сложное” встречается и термин “осложненное”, введенное впервые в русское языкознание А.Г.Рудневым [19, 319].

Рассматривая осложненное предложение в синтаксисе простого предложения, исследователь пишет, что наличие обособленных членов, обращения и однородных членов делает предложение осложненным [19, 319].

Такая же точка зрения Л.К.Дмитриевой, рассматривающая “осложненное предложение” в виде объединяющего термина для предложения с однородными обособленными уточняющими членами, вводными компонентами или обращениями [20, 100].

Х.М.Есенов, исследовавший грамматическую природу осложненной синтаксической конструкции казахского языка, в частности пишет, что «осложненное предложение» – это предложение, представляющее собой самостоятельную категорию синтаксиса, и в плане организации оно состоит из двух компонентов, при том, что один из компонентов «главный», обладает структурой предложения, другой же, «побочный», остается в рамках полупредикативности» [3, 205].

Употребление термина «осложненное предложение» встречается и в трудах А.А.Шахматова. Мысль об осложненности предложения автором высказывается

в связи с раскрытием сущности односоставного и двусоставного предложения. Примеры типа, «Встречая тебя, всякий раз радуюсь», «Отработавший, зайди ко мне», объясняются им как односоставные осложненные предложения [21, 620].

Наличие в русском языке осложненного предложения признает и В.И.Кодухов, который пишет: «Наряду с предложениями, построенными на одном субъектно – предикативном основании, в языке имеются так называемые осложненные предложения» т.е. такие, где дополнительно к основному предикативному центру примыкают полупредикативные обороты.

Следует упомянуть также работы В.В.Виноградова, где он пишет, что «в синтаксисе русского языка различаются простое и сложное предложение. На самом деле то, что называется простым, иногда представляет собой очень сложную структуру. Простое предложение имеет не только разнообразные формы своего построения, но оно может быть осложнено наличием обособленных и однородных членов». Таким образом, А.А.Виноградов также признает наличие так называемого «осложненного предложения» [22, 87].

Заслуживает особого внимания разработка в научной литературе проблемы синтаксической конструкции осложненных предложений А.М.Пешковский. Исследователь вопреки учению о «сокращенных придаточных предложений» рассматривает их в системе простого предложения как «обособленные члены» и выделяет их в специальную главу [23, 452].

Такая трактовка данного вопроса впоследствии прочно вошла в языкознание и послужила отправной точкой для дальнейших исследований в области осложненных предложений.

Как полагают, некоторые исследователи, осложненные предложения не являются самостоятельной единицей синтаксиса. По своей формальной структуре оно представляет собой предложение, противостоящее сложному, как единица монопредикативная – единице полипредикативной. Что касается самого характера осложнения, то оно может быть различным, ввиду того, что понятие «осложненное предложение» объединяет неоднородные по своей структуре синтаксические построения [24, 270].

Осложненное предложение по ряду своих признаков в той или иной мере сближается со сложными предложениями.

Авторы «Современного русского языка» рассматривают осложненные предложения по шкале переходности как зону переходности между простыми и сложными предложениями [25, 160]. Такого же мнения придерживается М.Я.Блох, считая осложненные предложения как имеющие синтаксический характер между простым и сложным предложениями [4, 245].

По нашему мнению, осложненное предложение – это структура переходного типа, объединяющая в себе признаки полипредикативности и монопредикативности. Признаком монопредикативной структуры данной синтаксической единицы является однадерность осложненного предложения, признаком полипредикативной структуры-предикативные свойства компонентов осложненного предложения, потенциально присущее позициям обособления, пояснения, однородности и вводных конструкций.

Из выделенных признаков полипредикативной структуры предложения остановим наше внимание на вводных конструкциях.

Так, по мнению некоторых исследователей, вводные конструкции не включаются в категорию осложнения, на том основании, что они не являются членами предложения [26, 176]. Другие же [25, 160] придерживаются иной точки зрения.

На наш взгляд, вводные конструкции осложняют семантическую и конструктивную структуру предложения, так как вводная конструкция выражает отношение говорящего к содержанию предложения, то есть имеет модальное значение, выражает связь данного предложения с предыдущим либо с последующими предложениями, служит средством уточнения высказываемой мысли, вносит дополнительный оттенок семантическую структуру предложения, а так же развивает динамику предложения. Вводные (предложения) конструкции занимают в предложении автономную позицию и выполняют оценочно-квалификативную функцию, выражая, таким образом, различные аспекты субъективного отношения говорящего к сообщаемому.

В лингвистической традиции вводные компоненты характеризовались как «вдвинутые, вставленные» в предложения без всякой видимой грамматической связи, как элементы, «внутренне чуждые приютившему их предложению, подобно пуле, попавшей в организм». С утверждением А.М.Пешковского и А.А.Шахматова перекликается замечание В.В.Виноградова о том, что модальные слова как бы вклиниваются в предложение, или «прислоняются к нему».

Такое понимание вводных компонентов привело к распространению в научной лингвистической литературе мнения, о том, что вводные слова грамматически не связаны с членами предложения.

Осмысливая положение вводных конструкций в предложении и их синтаксическую изолированность, необходимо подчеркнуть, что они семантически тесно связаны со всем предложением или его частью, вплетаются в ткань предложения и являются одним из его компонентов, употребляясь для наиболее полного выражения того или другого смысла, вкладываемого автором предложение. В результате, в подавляющем большинстве случаев, вводные конструкции в «широком контексте» нельзя изъять без ущерба для смысла последнего.

Отсутствие грамматических связей, оформляющих главные и второстепенные члены предложения, служит причиной того, что некоторые исследователи отрицают принадлежность вводных конструкции к составу предложения, хотя здесь осматривается наличие смысловой связи между вводными конструкциями и предложением в целом.

Для иллюстрации вышесказанного, приведем следующие примеры с вводными элементами: в двух сопоставляемых языка, английском и казахском.

Рассмотрим данное явление в сопоставляемом нами казахском языке:

«Байқаймын, көңіл көтеріңкі» . «Даусы сенімді шықпады, әрине».

В приведенных казахских предложениях основная функция вводных конструкции выражение отношения говорящего к отношений. Авторы

высказывания выражают свою уверенность, что сообщения соответствуют действительности и не сомневаются в его реализации.

В другом примере:

«Мүмкін, сіз ертең келерсіз». «Турасың айтқанда, ол адамға сенуге болмайды».

В этом предложении определяется источник сообщения, который выражается через вводную конструкцию «Мүмкін», «Турасың айтқанда».

Данные конструкции в казахском, как и английском языке передают субъективное отношение говорящего к действительности, поясняя и уточняя мысль автора по отношению к тому или иному факту, тем самым выражают полупредикативность, осложняют семантические и конструктивные свойства простого предложения

1. In the doorway was the agent, no doubt a tremendous fellow to get through his work (Ch. Dickens. A Tale of Two Cities).

2. In truth, Mrs. Gradgrinds stock of facts was woefully defective. (Ch. Dickens. A Tale of Two Cities).

В первом примере вводный компонент выражает отношение говорящего к содержанию всего предложения с оттенком уточнительного характера. Вводная конструкция *no doubt* с модальным значением выражает субъективное отношение говорящего к высказываемой мысли. Автор высказывания не сомневается в том, что огромный парень в дверях справится со своей работой, что и передается с помощью вводного компонента. Он является неотъемлемой частью всего высказывания, без него вся семантическая структура предложения была бы неполной. Данная конструкция поясняет первую часть высказывания и соединяет последующую, создавая при этом синтаксическую структуру осложненного типа.

Во втором примере автор высказывания выражает свое отношение к происходящему через вводную конструкцию *in truth* с утверждением, что факты миссис Грэдгриндс являются чудовищно неверными.

Таким образом, вводные конструкции в английском языке обычно содержат дополнительное, поясняющее замечание от лица автора или говорящего.

Мы рассматриваем вводные предложения как один из факторов конструктивного и семантического осложнения предложения. Являющиеся носителями вторичной предикации, они не могут существовать без базового предложения, и имеют присущие им грамматическое значение и особую форму грамматической связи с предложением, в состав которого они включены.

Одним из факторов структурного и смыслового осложнения предложения является абсолютные конструкции, имеющие в своем составе нефинитные формы глагола: причастия, инфинитив, герундий. Абсолютные конструкции неодинаковы по степени предикативности, но почти все легко трансформируются в придаточные предложения, чаще других членов они выступают как детерминанты, так как они в большинстве случаев дополняют либо уточняют базовые, матричные предложения.

Итак, рассмотрим данные конструкции в их функционировании в осложненном предложении.

Причастие по своей природе тяготеет и к имени, и к глаголу, поэтому функция причастия дифференцируется в зависимости от характера его употребления, сочетаемости с другими словами, и, наконец, от свойства предикаций в предложении. Причастие в предложении выступает в функции различных его членов: в простом предложении – в атрибутивной и глагольной функций, в осложненном – участником организации различных оборотов, в сложном – в функции сказуемого придаточного предложения.

Некоторые лингвисты считают причастие атрибутивно-определятельными формами глагола [27, 84].

По нашему мнению, причастие должно рассматриваться как атрибутивно-предикативное, так как в нем совмещается как атрибутивные, так и предикативные функции. Причастие, как и другие формы глагола, являются организующим центром оборота. Вместе с примыкающим к нему словами оно определяет содержание основного предложения. Причастия по своему внешнему структурному образованию иногда напоминают организацию сложноподчиненных предложений, но это только внешнее сходство.

Причастные обороты и придаточные компоненты сложноподчиненных предложений различаются между собой по грамматическим признакам, по способности проявления субъектно-предикативных отношений.

Взаимообусловленность причастных оборотов и придаточных предложений и их структурных различий ранее отмечались в работах исследователей А.М.Пешковского, Г.А. Золотова и др. Так, например, И.И.Ревзин по данному вопросу замечает следующее благодаря приему обособления, второстепенный член предложения, в том числе обособленный причастный оборот, приобретает известную смысловую самостоятельность, что приближает его к придаточному предложению [28, 212].

Причастный оборот составляет зависимую конструкцию осложненного предложения, выступая как детерминативная часть по отношению к базовому, матричному предложению. Приведем отрывок из книги Лауры Уайлдера “У берегов Серебряного Озера”:

“At noon the camp was noisy again, with all teams and the men coming in to dinner” (L. Wilder. By the shores of Silver Lake).

В этом фрагменте автором описывается строительство транс-американской железной дороги. Недалеко от места, где проживала семья Лауры, находился лагерь строителей, в полдень он снова наполнялся шумом, причиной же шума были бригады и рабочие, приходящие на обед. Таким образом, причастный оборот “with all teams and the men coming” является детерминирующей частью к главному, матричному предложению “At noon the camp was noisy again”.

Причастный оборот вместе с относящимися к нему в английском языке словами обособляется от основного предложения и на письме обычно выделяется запятыми. Обособленность причастного оборота, выделяемого запятыми, придает ему некоторую смысловую самостоятельность, сближая его с придаточным предложением. Отнесение некоторыми исследователями причастного оборота к сложноподчиненному предложению объясняется большей частью именно этим внешним сходством данных категорий.

Осложненное предложение по своей структуре состоит из двух компонентов, где один из компонентов является ведущим, базовым обладающим структурой предложения с полной предикативностью, другой же компонент – второстепенный, побочный, остается в рамках полупредикативности и не обладает полной структурой предложения.

Для примера рассмотрим следующее предложение:

“The doctors passed along the assembly line of flashed faces, dispensing optimism” (T.Allan, S.Gordon. The Scalpel The Sword).

При переводе на русский язык это английское предложение дает модель сложноподчиненного предложения или структурный состав подобной конструкций. Если рассматривать структурный состав данного примера изолированно, вне зависимости друг от друга его составляющих частей, то методом трансформации получим два предложения.

1. The doctors passed along the assembly line of flashed faces.
2. They were dispensing optimism.

Однако подобное изолированное рассмотрение составных частей предложения не дает правильного адекватного его понимания.

В действительности вторая часть предложения (dispensing optimism) в целом относится к слову the doctors-подлежащему основного, базового предложения, выступая в качестве функции распространителя-определения. Таким образом, она при произнесении сливается со своим подлежащим, тесно образуя при этом синтагматическое членение. Предложение же подобной конструкции нами рассматриваются как осложненное предложение с обособленным причастным оборотом.

По внешним признакам, по общей структуре приведенный пример сближается со структурой простого предложения, особенно тем, что зависимая часть употребляется в одном синтагматическом ряду с основной.

Но, необходимо отметить, что построения подобного вида осложненного предложения резко отличаются от простого. Прежде всего, тем, что осложненные предложения передают по выражаемой мысли сложную ситуацию, исходящую из самой природы предложения.

Такие синтаксические конструкции составляют “предложения в самом предложении” и неслучайно они при переводе на русский язык передаются синтаксическими оборотами сложного либо осложненного предложения. Естественно, дело не заключается в самом переводе, поскольку перевод все же не всегда точно и адекватно передает структурный тип предложения-оригинала.

Другим отличием осложненного предложения от простого является в том, что если в первом случае в предложении в качестве определения выступают отдельные слова и словосочетания, то во втором случае - выступают развернутые члены предложения с обособленными членами предложения (герундиальные, инфинитивные, причастные комплексы, выражающие дополнительную предикацию, тем самым осложняя и дополняя основную мысль ведущего предложения). Таким образом, определяющие слова-конструкции этих предложений отличаются друг от друга своим составом.

Одним из важных признаков близости простого и осложненного предложения состоит в том, что его зависимая часть не отделима запятой в письменной речи. В осложненных предложениях запятая играет большую роль в выделении оборотно - зависимого компонента от основного высказывания, уточняя и поясняя передаваемую мысль, тем самым, делая зависимый компонент сходным по содержанию и структуре с придаточным предложением.

Основную разницу между простым и осложненным предложением мы видим в наличии двух предикативных центров. Так, если в простом предложении имеется один предикативный центр, то в осложненном обнаруживаются два предикативных центра, то есть один из них является основной, ведущей конструкцией, то другой же - сопутствующей, уточняющей предыдущее, то есть является зависимой конструкцией, находясь в рамках полупредикативности.

В итоге, осложненное предложение никоим образом не относится к разряду простых. Главным фактором их отграничения являются предикативные центры. Для подтверждения мысли приведем пример из английского языка:

“Seeing Harris waiting for us by the carriage, I stopped it to thank him for his brave deeds of last night” (J.W. Brown. Penross Manor).

Итак, используя трансформационный метод, мы получили из одного предложения осложненного типа несколько предложений с несколькими предикативными центрами, что доказывает наличие в осложненных предложениях нескольких предикативных линий.

1. “When we saw Harris”.
2. “He was waiting for us by the carriage”.
3. “I stopped the carriage”.
4. “I wanted to thank him for his brave deeds”.
5. “His brave deeds had happened last night”.

Другая отличительная особенность осложненного предложения от простого заключается в следующем: в простых предложениях отдельные слова не выступают в роли отдельных членов предложения, а употребляются как синтаксические комплексы или как обособленные члены. То есть, при поясняющей части осложненного предложения, составляющие его компоненты рассматриваются не как отдельные члены, а как составные зависимые компоненты основного базового предложения с полной предикативной основой.

Как уже не раз отмечалось, в лингвистической литературе осложненные предложения рассматриваются в разрезе разных синтаксических категорий. Вследствие чего они исследуются по-разному и трактуются с разных позиций.

Принимая во внимание эти обстоятельства, мы сделали попытку выделить в особый структурный тип предложения с конструкциями осложнения и выявить относящиеся к ним объекты исследования. Структура осложненного предложения представляет собой конструкцию достаточно многообразную.

Не трудно заметить, что в структуре осложненного предложения как бы выделяется самостоятельное предложение, употребляющееся обособленно, но это лишь внешний признак. В действительности такие обособленные построения не выполняют основной коммуникативной нагрузки в

высказывании, а в частности выполняют лишь функцию пояснения и уточнения, то есть являются пояснительно-конкретизирующим компонентом основного содержания предложения. Поэтому смысловой нагрузки, а только способствуют главному тезису всего высказывания, расширяя и дополняя синтаксическую структуру предложения. Без их участия в структуре предложения не пострадает общее содержание высказывания. Однако, отметим, что при их отсутствии лишаются дополнительные конструкции, что в свою очередь повлияет на то, что не полностью будет раскрыто основное содержание высказывания. Именно употребление данных обособленных конструкций определяющих компонентов в структуре предложения создает конструкцию осложненного типа

Рассмотрим данное положение на примере:

“Like the Queen, the Russians find it quite a simple matter to believe many, impossible things-at least things that others consider impossible”

(T. Allan, S.Gordon. The Scalpel The Sword).

Автор высказывания, известный канадский врач и писатель, Доктор Норман Бетюн сравнивает свои впечатления об увиденном в Советской России и проводит параллель с его любимой книгой “Алиса в стране чудес” и вводит вставочную конструкцию в структуру высказывания “Like the Queen”, персонаж из сказки Льюиса Кэрролла, где данные вводный компонент вносит стилистическую окраску в размышлениях автора высказывания о загадке русской души.

Так, если изъять из структуры основного предложения вставочную конструкцию, то при этом не нарушится структурная цельность и организованность высказывания в целом. При этом стоит отметить, что употребление в составе осложненного предложения дает дополнительное сообщение и создает некую стилистическую окраску всей структуре высказывания. В этом случае автор в целях акцентуации внимания читателей на определенные моменты специально выделяет его при помощи вставочной конструкции. Подобное дополнительное сообщение как бы расширяет общую структуру высказывания, заметно оказывая влияние на синтаксические взаимоотношения компонентов всего предложения. Предложение осложняется еще и тем, что главная мысль порождает побочные ситуации. Таковы закономерности, присущие синтаксическим компонентам осложненного предложения.

Проследим данное языковое явление на материале сопоставляемого казахского языка. Значение полупредикативности в казахском языке выражается различными членами предложения, обозначенными причастными конструкциями:

«Ғайша апа, көз жасын сүртіп, тағы да осы хатты оқуға кірісті»,

«Парктен шыққаннан соң, біз «Мавритан беседкасынан» өттік», «Бір біріне қысылып, есіктің жаңында отыра бердік» [29, 203]. В целях более выпуклого показа полупредикативности выраженных причастными комплексами используем трансформационный метод.

Причастные конструкции в казахском языке, как и в английском выступают по отношению к базовым, матричным предложением как детерминирующая часть, уточняя и поясняя основную мысль высказывания.

«Оқыған соң ғана ойнадым»- Базовое предложение, ядро высказывания.

«Мен ойнадым» - детерминирующая часть выражения причастием оқыған соң. Конструкции с инфинитивом в казахском языке выражают значение полупредикативности, тем самым осложняя семантически и структурно простое предложение.

Полупредикативность выражается в казахском языке обстоятельствами, обозначенными деепричастиями. В английском языке данное грамматическое явление не получило развитие и поэтому деепричастие является спецификой сопоставляемого татарского языка. В отличии от прежних осложняющих категории, деепричастия характеризуется отсутствием самостоятельного субъекта. Если же деепричастия владеют самостоятельным субъектом, то они всегда выражаются в форме подлежащего и деепричастия выступают сказуемым осложненного предложения. При наличии общего субъекта деепричастные комплексы образуют полупредикативные конструкции:

«Алма қалаға әр түрлі кітаптар алғалы келді». «Ол диванда кітап оқи отырды».

В вышеприведенном примере, можно выделить базовое предложение Алма қалаға әр түрлі деепричастный комплекс алғалы келді выступает детерминирующей частью составляя зависимую конструкцию осложненного предложения.

В нашем сопоставительном исследовании, как уже отмечалось выше, мы рассматриваем осложненное предложение английского и казахского языка в виде особой самостоятельной категории, занимающую промежуточное положение между простыми и сложными предложениями. Так как оно находится в окружении двух видов предложения: простого и сложного, то закономерно, что между ними иногда проявляется взаимообусловленность и взаимопроникновение.

Подобная закономерность наблюдается также между осложненными и сложными предложениями. Из сложных предложений в двух сопоставляемых случаях все же больше всего тяготеют к сближению с осложненными предложениями его сложноподчиненные виды, что уже является универсальным для двух генетически отдаленных языков, какими являются английский и татарский языки. Это языковое явление, прежде всего, обуславливается, во первых тем обстоятельством, что семантическая связь между частями предложения в сложноподчиненном более тесная, чем в сложносочиненных типах, во вторых, в большинстве случаев сложноподчиненное предложение состоит из двух и более предикативных синтагм, одна из которых рассматривается как главное предложение, а другая как придаточное, за исключением предложений с подлежащими или предикативными “придаточными”. Таким образом, придаточные предложения, с подчинительной связью сообщаящие дополнительную информацию о главном предложении, вкрапливаются в структуру главного предложения, создавая этим как бы “цельное высказывание” в двух сопоставленных языках.

По способу образования как уже не раз говорилось, осложненные предложения представляют собой разнообразную структуру, напоминая то синтаксический оборот, то обособленный член предложения, иначе говоря, они выполняют роль пояснительно-уточняющей конструкции. Так, синтаксические обороты по отношению к своей зависящей, основной части выступают как зависимые, подчиняемые конструкции, что внешне сближает их со структурой сложноподчиненного предложения.

Структура сложноподчиненного предложения в основном сохраняет признаки двусоставности, то есть структурной организованности каждой составляющей части и характеризуется наличием в ней грамматического подлежащего и сказуемого. Второстепенные члены предложения группируются вокруг них, воспроизводя побочные действия.

Если же характеризовать составные части осложненного предложения, то в них представится иная картина, то есть иная структурная особенность. Так, если компоненты сложноподчиненного предложения обладают структурной схемой полного предложения, то компоненты осложненного предложения, как в английском, так и в казахском языке этим требованиям на том же уровне не отвечают.

Таким образом, особо зависимые компоненты, образованные различными видами оборотов, являются по существу односоставными, то есть они организуются и группируются вокруг глагольных слов, всецело определяя или дополняя основную часть главного предложения, являющегося по своей синтаксической структуре двусоставными. Для придаточного предложения характерно обладание структурой предложения, тогда как для зависимых конструкций осложненного предложения необязательно. В осложненных предложениях основная и зависимая часть группируются вокруг определенного действия одного субъекта, как в английском, так и в казахском языке.

Подытоживая все выше описанное, можно констатировать, что в отличие от терминов “простое» и “сложное” предложение, наполненных конкретным содержанием, термин “осложненное предложение” не заключая в себе строго закрепленного синтаксического понятия в сопоставляемых языках. Он обычно используется как в объединяющий термин для предложения с однородными, обособленными членами, вводными компонентами или обращением без попытки найти то общее, что объединяет данные, на первый взгляд разрозненные категории, что делает осложненные предложения специфической синтаксической структурой. Выявление единых признаков однородностей, обособление, вводности, обращение как осложняющих категорий и установление статуса осложненного предложения как одной из единиц подсистемы предложения – одна из актуальных проблем современной синтаксической теории на уровне сопоставительного языкознания.

1.2 Осложненное предложение как тип предикативно синтаксической конструкции

До сих пор в современном языкознании нет четкого определения предикации. В лингвистике в настоящее время существует более трехсот

определений данного понятия, что фактически и создало положение о нечеткости в квалификации самой структуры предложения. Структура «подлежащее-сказуемое», к которой обычно применялись все единицы языка, функционирующие в языковой системе как законченные смысловые единицы, породила в лингвистической науке два противоречивых положения. С одной стороны, за многими конструкциями признавалась способность выражать смысл в рамках модели «субъект-предикат», но, с другой стороны, отрицалось за ними право быть структурно полноправной единицей языка, хотя и отклоняющейся по своей структуре от структуры «подлежащее-сказуемое».

Так, все односоставные предложения типа: «Светает», «Зима», «Холодно», признавались в лингвистике в качестве информативных предложений, но по своей структуре считались ущербными образованиями в связи с отсутствием того или иного члена предложения.

Формальная грамматика в данном случае не смогла дать объяснения подобным предложениям и разрешить явные противоречия в одноименном утверждении для этих единиц признака смысловой завершенности и грамматической незавершенности.

В научной лингвистической литературе понятие «предикативность», как уже отмечалось выше, имеет довольно широкое толкование. Попытка понять сущность категории предикативности привела различных исследователей к различным результатам, так как во внимание принимались самые различные семантические и формальные признаки.

Среди множества толкований понятия предикативности можно выделить четыре концепции, две из которых являются грамматическими. Одна из концепций восходит к трудам А.А.Потебни и А.М.Пешковского, которые рассматривали предикативность как явление сказуемости, а предикативные отношения приравнивались к отношениям между подлежащим и финитным глаголом.

Так, например, А.М.Пешковский отмечал, что «глагольность лежит в основе сказуемости», называя предикативность «сказуемым свойством» или «сказуемым отношением» [23, 175]. М.И. Стеблин-Каменский считает, что «если в предложении нет сказуемого или другого аналогичного ему члена, то очевидно в нем нет и предикативности» [30, 45]. В соответствии с этим, он признает возможным выделение «непредикативных предложений».

Аналогичную точку зрения высказывает Л.Л.Июфик, разделяя предложения английского языка на предикативные и непредикативные. В основе категории предикативности при таком рассмотрении лежит не столько предикативная связь, которая несомненно объединяет подлежащее и сказуемое, сколько предикативная форма как структурная основа предложения [31, 157].

Н.М.Александров, выражая подобную концепцию, также считает предикативность признаком двусоставного глагольного предложения.

Согласно второй грамматической концепции, предикативность является обязательным признаком разноструктурных предложений, вне предикации предложения не существует. Предикативность здесь раскрывается через синтаксические категории темпоральности и модальности. Как отмечается в

«Грамматике современного русского языка», «обе эти категории не существуют друг без друга, они образуют неразрывное единство – категорию предикативности, которая присутствует в каждом предложении и является его грамматическим свойством».

Таким образом, через категорию темпоральности и модальности, а, следовательно, через предикативность происходит отнесение номинативного содержания высказывания к действительности.

Некоторые исследователи понимают предикативность как «непосредственное, динамическое соединение в момент речи двух компонентов и как проявление точки зрения говорящего на содержание высказывания» [32, 172].

«Функциональная сущность предикативности, - как отмечает М.Я.Блох, - до настоящего времени понималась в лингвистике как выражение отношения высказывания к действительности, или, в более точном представлении, как выражение отношения между содержанием предложения и действительностью» [4,56]. Такое же понимание предикативности представлено в «Грамматике современного русского языка»: «Предикативность – категория, которая целым комплексом формальных синтаксических средств соотносит сообщение с тем или иным временным планом действительности».

Предикативность, т.е. категория темпоральности и модальности, имеет специальные языковые средства для своего выражения. Такими средствами, как известно, является форма наклонения и времени. При наличии в предложении глагола или глагольной связки эти значения передаются с помощью форм данных слов, а при отсутствии глагола предложение имеет общее значение реальности или ирреальности существования, сообщаемого во временной плоскости, соотносимой либо с моментом речи, либо с прямым временем, определяемым общим планом повествования. Являясь предикативной единицей и выражая сообщение о действительности, предложение находится в тесной связи с объективным миром. Он обладает свойством соотносить свое содержание с действительностью. Отнесение содержания к реальной действительности происходит опосредованно через специфическое отношение в семантической структуре.

В содержании выделяются два компонента, два организующих центра, или «два главных члена», обозначающих носителя предикативного признака. Таким образом, в процессе предикации предложение предстает как двухкомпонентная структура, как форма отражения акта предиктируемого признака некого предмета в мыслях, то есть в предложении как коммуникативной единице о чем-то сообщается что-то.

Итак, в предикативное отношение вступает первый компонент, который обозначает нечто, а второй компонент – передающий что-то о первом компоненте. Оба компонента могут словесно быть выражены в предложении, но возможно, что один из компонентов не эксплицирован, то есть на синтагматическом уровне материально не выражен. В таком случае наблюдается мысленная проекция от эксплицитно выраженного в предложении

компонента, передающего предикативный признак, к предмету, лицу или явлению окружающей среды.

Исходя из такого понимания предикативного отношения, многие исследователи квалифицируют отношение между частью предложения, заключающей в себе исходное содержание, и частью, воплощающей в себе новое содержание, как предикативное.

Грамматическая предикативность, как полагает Г.М.Райхель, присутствует только в простом предложении, номинативные предложения могут служить примером структурных типов предложения, не имеющих предикативности. И.Ф.Вардунь заявляет о том, что предложение нельзя определять через понятие предикативности и не всякое предложение предикативно.

Однако толкование некоторыми лингвистами односоставных предложений как соответствующих одночленным суждениям, а также стремление анализировать строй данных предложений по аналогам со строем двухсоставных как нормы, позволяет усматривать в одном члене предложения совместное выражение субъекта и предиката.

На наш взгляд, это положение является ошибочным. В этой связи более правильной представляется точка зрения, выраженная М.Я.Блохом, который, отмечает возможность словесной невыраженности субъекта, но обязательную словесную оформленность предиката в предложении. Объяснение односоставных предложений лежит не в структуре суждения, а своеобразной грамматической форме его выражения в специфике языковых норм и синтаксических категорий [4, 54].

Предикация, по мнению Г.В.Колшанского, является категориальным признаком высказывания, совокупность же таких признаков не может получать характер категориальности, потому что признаки текста создаются не структурой высказывания, а его коммуникативной направленностью на передачу цельной информации [33, 12].

Предикативность следует рассматривать как отличительный признак речевого общения, как свойство и как обязательное условие существования любого предложения.

По мнению другого лингвиста, В.Г.Адмони, «предикативность есть понятие отношения, содержащего утверждение. Наличие или отсутствие связи какого-либо компонента с чем-либо, связи двух обязательных компонентов всякого высказывания и является содержанием предикативного отношения».

С целью уточнения спектра значений исследуемого термина «предикативность» обратимся к философскому понятию термина «логема». Логема – это единица мыслительного акта, характеризующаяся целостностью и одновременно расчлененностью отражения реальной действительности.

Здесь выделяется предмет мысли и то, что мы относим к предмету мысли, раскрывая при этом одну из его сторон. Таков процесс опосредованного отношения к объективной действительности, в котором выделяется взаимодействие субъекта и предиката. Субъект есть предмет мысли, а предикат – это то, что характеризует предмет мысли. Соотношение субъекта с предикатом есть отношение логической предикативности. Однако

предикативность связана с логемой не прямым, а сложно опосредованными и диалектически противоречивыми отношениями. Принимая предложение как речевой эквивалент логемы, необходимо все же четко различать их дифференцирующие признаки.

Предложение как речевой выразитель логемы, как языковая единица, которая оформляет акт мысли, характеризуется цельностью и одновременно расчлененностью отражения объективной действительности. Соотношение логемы и предложения, находящейся в теснейшем диалектическом единстве, не исключает их существенных различий.

Если исходить из положения, что без субъекта и предиката не может быть суждения, а, следовательно, и предложения, определение взаимоотношения между субъектом и предикатом, с одной стороны, и подлежащим и сказуемым, с другой, представляет собой необходимую и важную предпосылку исследования синтаксической категории предикативности в рамках структуры предложения.

Хотя логическая структура «субъект-предикат» допускает многообразие языковых способов и приемов своего выражения, в том числе и односоставные предложения, которые содержат один главный член, она все же отражает двухчленную структуру логемы особого типа. Все виды логемы объединяются главным звеном – отношением субъекта и предиката.

Субъект и предикат представляют собой диалектическое единство противоположных, оппозитивных друг другу составных частей содержания логемы: где нет в наличии предиката, там нет и субъекта. Т.е. субъект и предикат являются взаимозависимыми и взаимосвязанными.

Категория предикативности не получила специального освещения в исследованиях зарубежных лингвистов, поэтому, на наш взгляд, значительный интерес представляет точка зрения А.Гардинера. Он считает, что предикативность является свойством любого предложения, поскольку оно представляет сообщение чего-либо о чем-либо. Подлежащно-сказуемая структура признается необязательной для предложения, поскольку дихотомия относится не к словам, а к предметам. По мнению А.Гардинера, предикативность может быть выражена не только словесно, но и посредством интонации, ситуации и контекста. В исследовании проводится разграничение между подлежащим и сказуемым, с одной стороны, и между субъектом и предикатом, с другой.

Помимо двух грамматических подходов к исследованиям сущности категории предикативности в лингвистике сложились логический и психологический подходы. При логическом подходе предикативность понимается как отражение отношения компонентов суждения. Рассмотренная выше точка зрения А.Гардинера является одним из таких подходов. Активными сторонниками логического взгляда на предикативность являются такие лингвисты как Е.М.Галкина-Федорук, Т.П.Ломтев, О.А.Крылова-Самойленко и др. В последнее время предикативность все чаще стала трактоваться как психолингвистическая категория.

Определяя простое предложение и описывая признаки и свойства, отличающие его от других языковых единиц, синтаксисты справедливо

отмечают, что предложение – это прежде всего «носитель предикативной информации» [4, 16].

Предикативность, выдвигаемая на передний план, признается при этом как основа существования любого предложения, предикативные отношения рассматриваются в качестве основного элемента структуры предложения. Однако необходимо признать, что вопрос о сущности данного явления остается до настоящего времени спорным.

Таким образом, предикативность следует рассматривать как отличительный признак речевого общения, как свойство и как обязательное условие существования любого предложения.

Признавая важность категории предикативности при определении сущности предложения, авторы многих исследований не столь единодушны при определении самой категории предикативности. Как отмечает И.П.Распопов, «... весьма разноречивая трактовка этой категории в конечном счете привела к тому, что соответствующее понятие, по существу, утратило свою ценность» (Распопов, 1981).

Так, традиционное понятие предикативности тесно связывается с наличием финитной формы глагола в предложении и отождествляется со сказуемостью. Однако такую трактовку можно оспаривать.

Допустим, что единственным возможным способом выражения предикативности является морфологический способ, но в таком случае необходимо будет признать конструкции без финитной формы глагола как непредложенческого высказывания, то есть конструкции случайного окказионального характера. Такому выводу, на наш взгляд, противоречат результаты имеющихся разноаспектных исследований предложений без финитной формы глагола, явно свидетельствующие о неправомерности подобного подхода к исследованию природы предикативности и об отказе последним в статусе предложения.

Я.И.Ростовцев справедливо считает, что было бы ошибочным сводить категорию предикативности только лишь к глагольным и считать «глагол единственным грамматическим средством организации предложения».

Одним из главных средств выражения предикативности является сказуемое. Сказуемое как выразитель грамматической предикативности имеет разнообразные связи в предложении. Так, А.И.Смирницкий дает определение сказуемого как слова или словосочетания слов для обозначения предиката, т.е. выражения предикации. «Субъект понимается им как тот предмет мысли, по отношению к которому мыслится, определяется и выделяется предикат». Определение обоих понятий – субъекта и предиката – через предмет мысли, по нашему мнению, является спорным и вносит неясность в проблему изучения соотношения подлежащего и сказуемого как общеязыковой категории.

Более правильным, на наш взгляд, является понимание сказуемого как такого члена двусоставного предложения, который обычно, выражает первичную предикативность, и содержат новую информацию, то есть рему предложения; обладая свойством оформлять высказывание, входит в

структурную схему предложения, содержит модально-темпоральную характеристику.

Говоря о разнообразии связей сказуемого в предложении, мы, прежде всего имеем в виду его одноименную связь с рядом членов предложения: подлежащим, дополнением и обстоятельством.

Широкое понимание предикативности как грамматической категории, определяющей отнесение номинативного содержания высказывания к объективной действительности, не позволяет отграничивать ее только лишь отношениями между подлежащим и сказуемым на том лишь основании, что двусоставные предложения являются структурным типом, соответствующим двухкомпонентной структуре суждения. Так, логическая двухкомпонентность вовсе не подразумевает совпадение подлежащего с субъектом суждения. Предикат суждения всегда содержит новую информацию и является носителем нового в акте познания.

Согласно учению Н.С.Трубецкого о бинарных оппозициях и основываясь на его теории, мы попытаемся рассмотреть понятие логической оппозиции «субъект-предикат» с целью более детального исследования грамматической оппозиции «подлежащее-сказуемое».

Как и в оппозитивной системе, оппозиции предполагают не только признаки, дифференцирующие члены предложения друг от друга, но и унифицирующие те или иные признаки для обеих членов оппозиции. Связь субъекта и предиката отражает диалектику взаимосвязи единичного и общего в материальном мире. С одной стороны, единство их в том, что они не могут существовать друг без друга, каждый из них в отдельности не составляют суждения. С другой стороны, они находятся в оппозиции друг к другу, т.е. противостоят друг другу как единичное и общее.

При рассмотрении такого сложного диалектического взаимоотношения между субъектом и предикатом следует отметить следующие моменты:

1) дифференцирующий признак оппозиции заключается в том, что предикат как носитель новой информации всегда содержит в себе нечто, что в субъекте не мыслится, то есть в нем содержится новое знание;

2) унифицирующий признак оппозиции проявляется в том, что предикат в некотором смысле повторяет субъект, т.е. они образуют структурное единство логемы при полном логическом равноправии.

Рассматривая структуру предложения как форму выражения субъектно-предикативной логемы, необходимо исследовать явление грамматической оппозиции, отражающее в языковой форме органическую связь субъекта и предиката. Предикативная связь является оппозитивной, а не коннективной или связывающей понятия, так как она расщепляет единую мысль на два противоположных момента. Логические понятия «субъект» и «предикат» следует сопоставлять, но не отождествлять с грамматическим понятием подлежащего и сказуемого.

Предикативность характерна не только для сказуемого, но и для других членов предложения. Предикативность, на наш взгляд, не тождественна понятию сказуемости, первое намного шире. Средства выражения

предикативности очень разнообразны. К ним относятся универсальные средства выражения: интонация, личные и неличные формы глагола (финитные и нефинитные), безглагольное, либо так называемое имплицитное глагольное выражение предикативности, вносящее особый оттенок значения в предложение.

Таким образом, в предложении всегда содержится субъект и предикат, но на поверхностном уровне (синтагматическом) они могут быть не эксплицированы, то есть формально не выражены. В предложении они могут быть репрезентированы подлежащим и сказуемым. В этом проявляется специфика структуры предложения, которая не тождественна структуре суждения. Сочетание членов предложения в строе разносистемных и разноструктурных языков диктуется не соображениями логики, а спецификой о определенных законами того или иного языка. Синтаксические отношения между членами предложения связаны с логическими отношениями между мыслями и суждениями, но и те и другие относительно самостоятельны и тождественны.

Предикативная связь между подлежащим и сказуемым является наиболее четким проявлением предикативности в предложении. Предикативность как свойство предложения проявляется в форме предикативной связи между членами предложения. Предикативная связь как утверждение наличия или отсутствия связи предметов или явлений внеязыковой действительности в их бытии и существовании связывает не только главные члены предложения, но и некоторые другие члены предложения, для которых характерна вторичная предикативность.

Для наглядности сказанного выше возьмем примеры из художественной литературы:

1. That morning Pa drove away in the rattling old wagon behind Aunt Docia's buggy (Laura Ingalls. Wilder. By the shores of Silver Lake).

2. Jack was not standing beside Laura to watch Pa go (Laura Ingalls. Wilder. By the shores of Silver Lake).

В приведенных выше примерах структуры “подлежащее-сказуемое” сказуемое, выражающее предикативность, представляет собой главную структурную рамку предикативности, являющуюся ядром высказывания, организующим центром всего предложения. Сказуемое, как и подлежащее, является структурным центром предложения и является осью всей предикативности, вокруг чего формируется само высказывание. Эти члены предложения, как правило, выражают первичную предикативную связь.

Вторичная же связь может относиться как к второстепенным членам, так и к главным. Она предикатирует что-то в предложении дополнительно к первичной предикативности, но не выступает в форме сказуемого. Например, конструкция “rattling old wagon” и “Laura to watch Pa go” находятся в двусторонних предикативных отношениях как между главными членами предложения “Pa drove away” и “Jack was not standing” так и “so” второстепенными членами предложения “behind Aunt Docia's buggy” и “Laura to watch Pa go”. Данное утверждение можно проверить применением трансформационного анализа Pa drove away in the rattling wagon = “Pa drove away in the wagon, which was

rattling”, где полупредикативная конструкция “rattling wagon” может быть трансформирована в полнопредикативное придаточное предложение “the wagon was rattling” и “Jack was not standing beside Laura to watch Pa go” также можно преобразовать в полнопредикативный комплекс “Jack was not standing beside Laura and she watches Pa go”. Связь же между полупредикативной частью “rattling wagon” и “behind Aunt Docia’s buggy” можно также трансформировать “the wagon was rattling behind Aunt Docia’s buggy” также с другим примером “Jack was not standing beside Laura to watch Pa”, где второстепенная полупредикативная часть “Laura to watch Pa”, имеет двустороннюю связь как с главной которая представлена полной предикацией “Jack was not standing” и второстепенной частью “beside Laura to watch Pa” можно представить как придаточное предложение “she watches Pa go”. Таким образом, данные преобразования могут подтвердить, что предикативность шире понятия сказуемости.

Это опровергает положение А.И.Смирницкого, который считает, что только связь между подлежащим и сказуемым является предикативной. Несомненно, предикативная связь между главными членами предложения является основной, первичной, так как обладает свойством сказуемости, благодаря чему создается структурная рамка предложения, ядро всего высказывания.

Однако сказуемость – это свойство только одного члена предложения, сказуемого, а предикативность может быть характерна и для второстепенного члена предложения.

Основное различие между сказуемостью и предикативностью, на наш взгляд, состоит в их принадлежности к двум различным языковым уровням. Сказуемость – категория синтаксическая, а предикативность – логико-грамматическая. Предикативность есть то, что делает предложение предложением и без чего оно не будет выражать законченной мысли.

1.3 Предикативные и конструктивные функции осложненного предложения

Анализируя парадигматические свойства предложения, можно выделить в нем два рода функций, имеющих различное синтаксическое содержание: конструктивные, функции первого ряда, связанные с развертыванием предложения в знаменательную синтагматическую последовательность, реализующую предметное название отражаемой в предложении ситуации, и предикативные функции второго ряда, взаимозависящие с установлением отношения отраженной в предложении предметной ситуации к действительности. Соответственно этим двум родам функций предложения в синтаксической парадигматике языка различаются две противопоставленные друг другу системы парадигматических рядов: система рядов конструктивных функций и система рядов предикативных функций предложений.

Конструктивные ряды соответствуют формированию предложений различной линейной сложности (простых нераспространенных, простых

распространенных, слитных, сложных, контекстно-изолированных и контекстно-связанных в речи). По-другому будут представлены в предложениях языка их предикативные функции. В отличие от конструктивных, в предикативных функциях отображение категориальной совокупности предикативных значений во всей полноте является обязательным для любого предложения вне зависимости от степени его сложности и других конструкционных свойств. Это связано с самой коммуникативной природой предложения, которое выражает обязательную предикативную оценку отражаемой ситуации действительности.

Особый интерес представляет изучение предикативных функций в предложениях элементарного знаменательного состава, то есть в таких предложениях, которые по составу своих знаменательных членов не выходят за пределы ядерных предложений. Это связано с обязательным характером полного категориального отображения предикативных функций в каждом полноценном предложении.

Данную систему предложений элементарного состава с выраженными значениями предикативных функций М.Я.Блох называет “примарной системой языка”.

Перед описанием предикативных функций в рамках примарной синтаксической системы необходимо выделить примарные предложения из общего множества предикативных единиц языка. Для узнавания в тексте используются критерии соотносительной простоты, эксплицитности и однозначности. Следовательно, очень важно выделить примарные предложения среди предложений со сказуемыми, которые строятся цепочечным соединением нескольких глаголов как в английском, так и в казахском языках. Анализируя такие предложения, мы, во-первых, отграничиваем строго монопредикативные предложения от нестрого предикативных выходящих за пределы примарной синтаксической системы, во-вторых, выявляем совокупность глаголов, которые не образуя с подлежащим самостоятельной предикативной линии, оказываются служебными элементами синтаксиса. Покажем это на примерах:

“Lord Penross wanted to take Charlotte to live in America” (J.W.Brown. Penross Manor).

“But you seemed to want to come at the time, didn't you?” (K.Amis. Lucky Jim).

“Baron Meliadius seemed to manage to return to Londra, gloomy towered capital of the Dark Empire” (M.Moorcock. The Mad God's Amulet).

“Mr.Elton seemed very properly struck and delighted by the idea” (J.Austen Pride and Prejudice).

Приведенные примеры в английском языке имеют в своей структуре по три глагола в составе сказуемого (один личный и два инфинитива). Однако, первое предложение построено на трехъядерной деривационной основе (Lord Penross wanted + Lord Penross took + Lord Penross lived in America), а второе на двухъядерной деривационной основе (you want + you come). И лишь в третьем примере - на одноядерной деривационной основе Baron Meliadius returned to Londra.

Опустив факультативные члены данного предложения, получаем примарное предложение. Данные примеры, находящиеся за пределом примарной синтаксической системы выражают значения цели, желания, побуждения к действию, неуверенности и т.д.

Выступая служебными элементами синтаксиса, они в обоих языках являются конструктивной основой полупредикативности: Baron Meliadius seemed to manage to return to Londra. Глаголы seem и manage рассматриваются как служебно-модификационные, то есть модальные.

В казахском языке:

«Әрине, біз бұл кітапты оқыдық».

«Мүмкін, емтиханды ерте тапсырарсың».

«Әйтеуір, көрсек екен».

Рассмотрим следующий пример:

«Сиырлары осы жерде шөп болмағасын көрші алуылға бет бұруға мәжбүр болды».

Данный пример в своей структуре имеет три глагола: «бұруға мәжбүр болды».

Так, опустив факультативные члены мы получим примарное предложение с одноядерной основой. «Сиырлары көрші алуылға бет бұрды».

Через превращение множества полученных примарных предложений в оппозиционное пространство с дифференциальными признаками, которые отражают обобщенные предикативные значения предложения, осуществляется парадигматизация этого множества по категориям предикативных функций. Функциональные значения предикативных отношений, выявляются в текстовом анализе и ложатся в основу устанавливаемых категорий. Для каждого из предикативных категорий характерен некий набор экспонентов, который соответственно будет варьировать общую семантику признака и образует свою парадигму в рамках полной парадигмы предикативных функций.

Последующий этап изучения - это исследование комбинаторики предикативных значений примарных предложений. При этом наиболее важные предикативные свойства предложения для последующего выделения синтаксико-парадигматических рядов раскроются с введением понятия предикативной (синтаксической) нагрузки предложения, которая определяется суммой положительных значений выраженных в предложении синтаксико-категориальных предикативных признаков.

Простейшее или первичное, примарное предложение характеризует минимальная предикативная нагрузка, равная нулю (отрицательные значения соответствуют всему набору предикативных синтаксически категорий). Вот пример предложения с минимальной предикативной нагрузкой в обоих языках:

“This is true. The tide is turning. That is all. You are welcome here. It does not trouble me. Hawkmoon took a long draft of wine” (M.Moorcock. The Mad God's Amulet). Максимальная синтаксико-предикативная нагрузка реального предложения, входящую в примарную и синтаксическую систему, составляет половину теоретически возможной на принятом уровне обобщения (6 из 12

категориальных признаков). Обратимся к примеру с максимальной синтаксико-предикативной нагрузкой:

“He probably seem not to have to sell himself on the idea first” (W.Faulkner, *That Evening Sun*).

Взяв за основу действительную наполненность примарных предложений предикативно-синтаксическим содержанием, М.Я.Блох разбивает их на обобщенные классы «легких» и «тяжелых». Для «легких» предложений характерна предикативная нагрузка от нуля до двух, «тяжелым» предложениям соответствует предикативная нагрузка от трех и выше.

Также введение понятия предикативной нагрузки позже, на заключительном этапе исследования, позволяет нам дать формулировку некоторых общих принципов построения синтаксических парадигм предикативных функции. Но сначала необходимо разграничить синтаксические парадигмы «нормального» и «актуального» типа. Естественно все разновидности выделяемых синтаксических парадигм должны соответствовать особенностям парадигм вообще, которая существует как упорядоченная совокупность языковых форм, взятых на одном и том же уровне обобщения и объединенных на основе вариативно-инвариантного выражения некоторой функции.

Различие между нормальными и актуальными парадигмами предикативными функциями зависит от того, как мы рассматриваем предложение: с точки зрения его конкретного места в тексте (актуальная) парадигма или с точки зрения его постоянного системно-языкового статуса (нормальная парадигма). Введение этого разграничения важно для характеристики действительных речевых предложений языка – «актуальных» предложений, которые всегда отображаются на фактической или потенциальной реакции слушающего. Актуальные парадигмы не выдвигают ограничения на тип исходной предикативной конструкции, демонстрируют фундаментальный характер всех категориально функциональных признаков, установленных в системе языка.

Конструктивные функции предложения выявляются в формировании предложений разной степени сложности, а также в объединении самостоятельных предложений в составе текста. Так как общий принцип конструкционного объединения языковых элементов является бинарным, то есть к одному элементу прибавляется другой, то минимальная деривационная основа для построения пропозитивно-конструктивного парадигматического ряда, демонстрирующего связь между разными уровнями и подуровнями синтаксиса, должна состоять из двух предикативных единиц.

Следовательно, два ядерных предложения могут произвести синтаксико-парадигматический ряд, отображающийся в своих номинативных границах на всей пропозитивной иерархии языка. Такие конструктивные ряды предложений создаются на основе двух главных принципов упорядочивания. Один из них - одностатусное упорядочивание, другой - разностатусное.

Одностатусное упорядочивание располагает производимые предложения на одном и том же уровне синтаксической иерархии. В результате мы получаем разнофункциональный ряд предложений (в общих рамках которого возможно

появление и однофункциональных подрядов в некоторых частных случаях). Например, базовые предложения “He slowed down the car и He turned round the corner” - «Ол автомобильді ақырындытты», «Ол айналып бұрылды», на уровне сложноподчиненного предложения будут соединяться так:

“He slowed down the car when he turned round the corner. - As he slowed down the car, he turned round the corner. - While he turned round the corner he slowed down the car. - He had slowed down the car before he turned round the corner. - He didn't slow down the car though he was turning round the corner. - Although he slowed down the car he didn't turn round the corner. - Although he turned round the corner he didn't slow down the car. - He wouldn't have slowed down the car if he hadn't turned round the corner. - He slowed down the car so that he could turn round the corner” и т. д.

На уровне сложносочиненного предложения те же самые базовые конструкции дают следующие объединения:

“He slowed down the car, for he had to turn round the corner. - He had to turn round the corner, so he slowed down the car. - He slowed down the car, but he didn't turn round the corner. - He slowed down the car, then he turned round the corner. - He had to turn round the corner, or he would not have slowed down the car” и т. д.

На уровне осложненно-подчиненного предложения соединение базовых конструкций дает следующий ряд:

“Turning round the corner he slowed down the car. - He slowed down the car to turn round the corner. - Having slowed down the car, he turned round the corner. - Without slowing down the car he turned round the corner. - He slowed down the car not turning round the corner. - After slowing down the car he turned round the corner” и т. д.

На уровне осложненно-сочиненного предложения соединение тех же базовых конструкций приводит к следующим результатам:

“He slowed down the car and turned round the corner. - He had slowed down the car and was turning round the corner. - He turned round the corner but didn't slow down the car. - He slowed down the car, turned round the corner. - He slowed down the car, and then - a turn round the corner. - A turn round the corner - but without slowing down the car” и т. д.

Каждое объединение базовых конструкций каждого уровня синтаксической деривации в каждом сопоставляемом языке выявляет определенный тип функциональной семантики, общей для уровня в целом: соединение пропозиций и их перечисление, их сопоставление и противопоставление, взаимная координация в пространстве и времени, причинная и следственная связь между ними и т. д.. При этом отображается степень связанности или совмещенности пропозитивных событий, которые задаются уровнем типом объединения деривационных основ.

При этом соотношения, находящиеся на пересечении структурных и функциональных свойств конструкций, расположенных на разных уровнях иерархии, выявляют и другой принцип их парадигматического упорядочивания - разностатусный (межуровневый) принцип. Для разностатусного упорядочивания, в отличие от одностатусного, характерно соположение

конструкций в одном ряду, основанное на существенной эквивалентности их функциональных значений как в английском, так и в татарском языке. Так, если парадигматическое упорядочивание первого типа является одностатусно-разнофункциональным, то парадигматическое упорядочивание второго типа есть разностатусно-однофункциональное.

В отличие от так называемых “горизонтальных” рядов первого типа, ряды второго типа можно условно отнести к “вертикальным”, так как парадигматические формы (ступени, члены) рядов этого типа принадлежат к разным синтаксическим уровням, а ряды в целом пронизывают синтаксическую иерархию снизу доверху.

Упорядочивание членов конструктивной парадигмы вертикального типа целесообразнее вести сверху вниз, то есть от конца к началу, - от взаимного расположения предложений в текстовой последовательности к возможному опрощению их связи в монопредикативной единице. Таким образом, вертикальная конструкционная парадигма будет выглядеть следующим образом.

Первая ступень: соединение базовых предложений в тексте в качестве независимых предложений - элементов кумулемы. *На второй ступени* базовые предложения соединяются сложносочиненное предложение. *На третьей ступени*, соответственно, в сложноподчиненное предложение. *Четвертая ступень* представлена осложненно-сочиненным предложением. *Пятая* - осложненно-подчиненным. *Шестая ступень* - опрощенное предложение.

Например:

1. ступень: “He slowed down the car. He had to turn round the corner”.

1. ступень: “He had to turn round the corner, and he slowed down the car”.

1. ступень: He slowed down the car, because he had to turn round the corner.

1. ступень: He had to turn round the corner and slowed down the car.

2. ступень: Having to turn round the corner, he slowed down the car.

3. Шестая ступень опрощенное предложение в этом ряду отсутствует.

Рассматривая и сравнивая эти два принципа парадигматического упорядочивания предложений с точки зрения их конструктивных свойств, в сопоставляемых языках можно сделать вывод о том, что, по существу, данные принципы соответствуют двум последовательным этапам в изучении конструктивной системы синтаксиса, так как второй принцип есть следствие анализа совокупности парадигматических рядов, построенных по первому принципу парадигматизации.

Таким образом, общее множество потенциальных парадигматических форм, произведенных на какой либо более или менее сложной предикативной деривационной основе представляется как совокупность межуровневых конструктивных парадигм эквивалентности, организованных в определенном функциональном порядке в зависимости от выражаемых пропозитивных значений в том и другом языке.

Предложение-высказывание реальной речи может быть более или менее сложным в зависимости от номинативно-ситуативного смысла. Чтобы дать оценку сложности предложения, следует соотнести две фундаментальные характеристики предложения: его линейно-предикативный (синтагматический,

“поверхностный”) строй и деривационно-предикативный (парадигматический, “глубинный”) строй.

Чисто качественная оценка парадигматических конструкций может сочетаться с количественной оценкой, взятой как ее сокращенная репрезентация в числах. Каждая предикативная единица синтагматического и деривационного строя будет выражена тождественной численной мерой, равной единице, а отношение суммы таких единиц синтагматического строя к сумме единиц деривационной основы есть степень парадигматической сложности высказывания. Это отношение может быть названо “фактором предикативного объема” предложения [4, 138].

Формула фактора предикативного объема:

$$FV = \frac{\sum S}{\sum B}$$

$$\sum B$$

(1)

где S - предикативная единица синтагматического строя предложения а B - предикативная единица деривационной основы.

Для примера определим фактор предикативного объема следующих предложений на материале английского языка:

“There were more of the shabby palms too, the ambulance turning in at speed, the siren’s wail dying, the tires dry and sibilant on oyster shells, when he emerged from the ambulance and could hear the palms rustling and hissing again” (Faulkner. That Evening Sun).

“At first he had waved aside the litter bears with an angry toss of his hand and he moved his brown mare, when he was sitting in the saddle with his arm dragging, before they had gone many li from Sky-Kissing Peak and from that he had fallen into a dead faint, he awoke at one, he found himself on a stretcher which was suspended from the crossbars and which was moving rhythmically with the motion of litter bearers and then he only rolled his eyes and he looked at them without making a protest” (Allan, Gordon. The Scalpel The Sword).

На синтагматической поверхности данного высказывания мы видим две клауземы, соединенные сочинительной связью, с глагольно-личными элементами “there were more of the shabby palms” и “he emerged”, образующими их предикативные центры. В деривационной глубине высказывания однако, мы легко различаем не две, а целых шесть предикативных, единиц, четыре из которых представлены полуклауземами - объединениями слов, обнаруживающими признаки вторичной предикации.) Вот эти дополнительные четыре базовые конструкции:

“There were more of the shabby palms”.

“The ambulance turning in at speed”.

“The siren’s wail dying”.

“He emerged from the ambulance”.

“Could hear the palms”.

“The palms rustling and hissing again”.

С целью парадигматического сравнения предложений разного строения на основе усредненных количеств важно, наряду с полным фактором объема, иметь его чтение в десятичной дроби. Эта дробь показывает числовую характеристику относительного объема синтагматического строя на единицу его деривационного строя, так как рассматриваемое десятичное отношение показывает степень открытой репрезентации деривационной базы высказывания, оно может быть названо “фактором открытой предикации и обозначено символом “FOR”. Этот фактор выявляет удельный предикативный объем предложений. Значения факторов открытой предикации для двух сопоставляемых высказываний будут равны, соответственно:

$$\text{FOR1}=\frac{2}{6}=0,333 \quad \text{FOR2}=\frac{10}{12}=0,833$$

(2)

Оба фактора - предикативного объема и открытой предикации - полезны каждый в своем виде, они дополняют друг друга в общей парадигматической характеристике предложения. Но ни один из них не выявляют различия между конструкциями подчинения с сочинением и конструкциями сочинения с подчинением в синтагматическом строе высказывания. Хотя учет такого различия важен для установления соотносительной меры подчинительного структурирования высказывания как одной из его характеристик, синтаксических и семантических.

Здесь следует выдвинуть другой оценочный фактор, соотносящий предикативные единицы синтаксически зависимого статуса с предикативными единицами независимого статуса и рассматривающий осложненно-сочиненные конструкции как эквивалентные по статусу осложненно-подчиненных поскольку координированные полуклауземы фактически сливаются с ведущими клауземами совершенно аналогично субординированным полуклауземам.

В этом плане полное сочинение - пленокоординация радикально отличается от осложняющего, полусочинения - семикоординации, так как результатом полного сочинения является сложная конструкция с равносильной связью клаузем.

Так, придаточные предложения (зависимые клауземы) вместе со всеми вторично-предикативными конструкциями (полуклауземами) отнесенные к единой главной (ведущей) конструкции (ведущей клауземы, будут являться единицами синтагматического строя предложения релевантными для рассматриваемой оценки.

Оценка представляет собой отношение числа зависимых конструкций к числу базовых предложений на одну независимую предикативную единицу синтагматического строя высказывания. Это отношение, оставляя неизменным полный предикативный объем предложения, показывает его синтактико-зависимостный аспект: “фактор зависимости” обозначим данный фактор следующими символами FD/I. При этом зависимые конструкции обозначим

через условные символы D от англ. dependant, а ведущую - символом I (от англ. independant) Формула фактора зависимости будет выглядеть так:

$$FD/I = \frac{\sum D}{\sum B}$$

$$\sum B$$

(3)

Сумма базовых предложений будет равняться сумме зависимых конструкций плюс единица (одна ведущая конструкция):

$$B = D + I$$

(4)

Первое предложение примера, содержащих два сочиненных предложения, дает два значения для оценки:

$$FD/I_1 = \frac{0}{1} = 0,0;$$

$$1$$

$$FD/I_2 = \frac{4}{5} = 0,8$$

$$5$$

(5)

Средний фактор зависимости DI/I_a - от англ. average, существенный с точки зрения усредненной характеристики текстов в их широких сопоставлениях, получим следующим образом:

$$FD/I_a = \frac{0,8}{2} = 0,4$$

$$2$$

(6)

Соответствующий анализ предложений другого примера, включающего 5 независимых клаузем, дает следующие результаты:

$$FD/I_1 = \frac{1}{2} = 0,5;$$

$$2$$

$$FD/I_2 = \frac{1}{2} = 0,5;$$

$$2$$

$$FD/I_3 = \frac{3}{4} = 0,75;$$

$$46$$

4

$$FD/I_4 = \frac{2}{3} = 0,667;$$

3

$$FD/I_5 = \frac{0}{3} = 0,0$$

1

(7)

Средний фактор зависимости

$$FD/I_{av2} = (0,5 + 0,5 + 0,75 + 0,667 + 0,0) : 5 = 0,483.$$

(8)

Введем еще один фактор для усредненной синтаксико-парадигматической характеристики текста, фактор отражающий отношение полу- клаузем к ведущему предложению. Данное отношение дает численную характеристику осложненности предложения. Назовем его фактором осложненности-предложения / Semicomposition Factor [4, 14]. Обозначим полуклаузему символом Dh (индекс h от англ. half).

Фактор осложнения будет выглядеть так:

$$FDh/I = \frac{\sum Dh}{\sum B}$$

(9)

Фактор осложнения для первого из сравниваемых предложений:

$$FDh/I_1 = \frac{0}{1} = 0,0;$$

$$FDh/I_2 = \frac{4}{5} = 0,8;$$

$$FDh/I_{av1} = (0,0 + 0,8) : 2 = 0,4$$

(10)

Фактор осложнения для второго предложения:

$$FDh/I_1 = \frac{1}{2} = 0,5;$$

$$FDh/I_2 = \frac{0}{2} = 0,0;$$

$$FDh/I_3 = \frac{1}{4} = 0,25;$$

$$FDh/I_4 = \frac{0}{3} = 0,0; \quad FDh/I_5 = 0,0.$$

$$FDh/I_{av2} = (0,5 + 0,0 + 0,25 + 0,0 + 0,0) : 5 = 0,15.$$

(11)

Приведенные количественные данные свидетельствуют, что предложения первого примера представляют собой существенно более простую синтаксическую конструкцию из двух сопоставляемых.

Указанные нами типы количественной оценки парадигматической сложности предложения используются на широких текстовых массивах материала, допускающих обработку статистическими методами исследования. Именно такое применение их является особо важным как часть общего изучения различных речевых стилей языка.

Таким образом, если деривационные предложения равны исходным базовым предложениям, то FOP будет равен единице, или же, если деривационные предложения будут составлять из конечного числа, основных, базовых предложений бесконечное множество, то это определяется по формуле:

$$^a, \text{ то } FOP = 0$$

∞

(12)

Очевидно, что значение FOP будет находится в пределах от нуля до единицы, и чем значение FOP ближе к единице, тем компрессия предложения будет меньшей, а чем ближе к нулю - тем выше степень данной компрессии. В этом случае предложим следующую таблицу градации по степени компрессии предикативных единиц:

1. если значение FOP больше 0,75, то есть фактор открытой предикации находится в пределах $0,75 \geq FOP \leq 1$, то степень компрессии предикативных единиц будет “низкой” ;

2. если значение FOP находится в пределах $0,5 \geq FOP \leq 0,95$, то степень компрессии предикативных единиц будет “средней” ;

3. если значение FOP находится в пределах $0,25 \geq FOP \leq 0,5$, то степень компрессии предикативных единиц будет “высокой” ;

4. если значение FOP находятся в пределах $0 \geq FOP \leq 0,25$, то степень компрессии предикативных единиц будет “очень высокой”.

Таким образом, мы можем дать количественную характеристику степени компрессии предикативных единиц фактора предикации по предложенной нами таблице градации по степени компрессии предикативных единиц.

Рассмотрим данное явление на графике зависимости [1, 49]. Допустим, что базовое предложение имеет константу (const.), то есть примет постоянное значение, а производные предложения (дериваты) могут количественно меняться, то график зависимости примет следующий вид:

Количество производных предложений

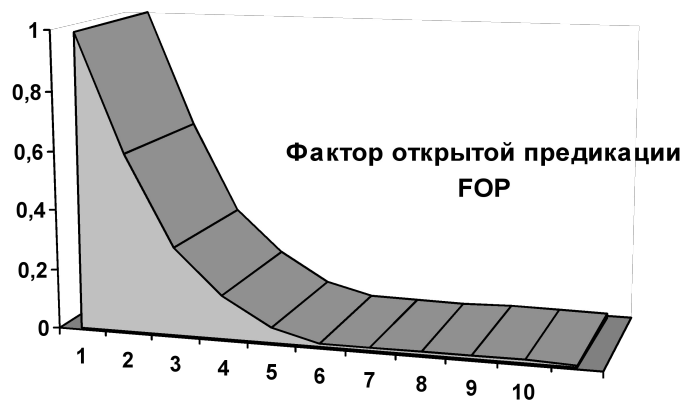

Рис. 1. График зависимости Фактора открытой предикации от количества производных предложений.

Если фактор открытой предикации равен единице, то производные предложения равны базовым, основным предложениям и равны константе (const.), постоянное значение. При увеличении числа производных предложений объем фактора открытой предикации будет уменьшаться произвольно и при случаях, когда производные предложения принимают значение бесконечно большого числа, то FOR у нас стремится к нулю, хотя значение нуля объем фактора предикации никогда не примет.

Для определения количества предложений, в которых имеются одновременно герундиальные, причастные, инфинитивные конструкции, из общего их числа нам необходимо обратиться к аппарату математической теории вероятности.

Так, например, появление причастия выражающее полупредикативные отношения в стиле художественной речи встречается 264 раза из общего объема 388 предложениях. Следовательно, вероятность появления данной структуры в приведенном стиле равна отношению появления вышеуказанной конструкции к общему количеству осложненных предложений.

Назовем средней вероятностью синтаксических конструкции выражающих неполную предикацию отношение суммы его выборочных вероятностей к общему количеству всех примеров, с которыми они употребляются.

Итак, средняя вероятность появления определенной структуры определяется по формуле:

$$P = \frac{S}{M} \quad (13)$$

где P - средняя вероятность появления данной конструкции, S - сумма выборочных вероятностей данной конструкции, M - общее количество предложениях, с которыми употребляется; данная синтаксическая конструкция[2, 50].

Так, в конкретном примере, показания будут следующими по каждой структуре:

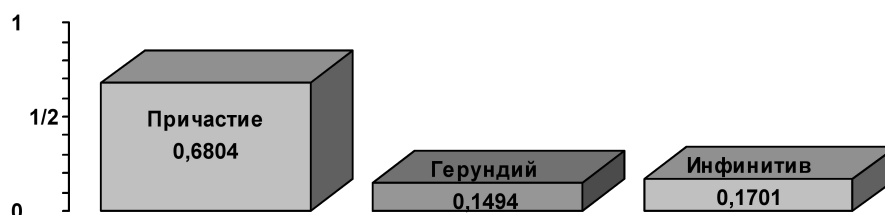

Рис. 2. Средняя вероятность появления синтаксических конструкций выражающих неполную предикацию.

Очевидно, что значение вероятности меняется в пределах от нуля до единицы, т.е. искомая конструкция из общего объема приведенных примеров ни разу не появится. таким образом, вероятность появления будет равна нулю.

Данный случай называется невозможным событием. Достоверным событием называется тогда, когда вероятность равна единице или

$$P = \frac{388}{388} = 1$$

(14)

При таком раскладе искомая конструкция появится всегда. Вероятность совместного наступления двух событий - появление из общего числа предложений, в которых существуют инфинитивные, причастные и герундиальные комплексы, равна произведению вероятности появления каждого события в отдельности.

Данное число найдено нами теоретически. Аналогичным образом можно рассмотреть все возможные сочетания вероятностей из общего количества примеров.

В осложненных предложениях имеются двух типа синтаксических структур, возникающих в результате компрессии, а именно:

1. предложений с так называемым двойным сказуемым;
2. предложений, обычно именуемых «разделительными» или «расчлененными вопросами».

Предложения типа *he lay sick*, *The sun rose red* широко распространены в современном английском языке. Подобные предложения встречаются и в других языках, например, в русском: Он лежит больной, он пал мертвый.

Впервые предложения этого типа были описаны А.А. Шахматовым на материале русского языка [34, 62]. В дальнейшем появились работы, авторы которых основывались на данных английского языка. Однако до настоящего времени среди лингвистов не существует единого мнения относительно того, к какому структурному типу принадлежат исследуемые предложения.

Общепринятым было мнение, согласно которому подобные предложения являются простыми предложениями. А.А. Шахматов, а вслед за ними и другие отечественные лингвисты называли их двусказуемыми предложениями, так как по их мнению, в них наряду со сказуемым имеется еще и второе слово, которое непосредственно относится к подлежащему и связано с ним грамматически.

Они называли его вторым сказуемым, выраженным именем. Наряду с толкованием сущности третьего слова возможно и другое. Так ряд ученых полагает, что сказуемое в данном случае - *lay sick* (соответственно «лежал больной» в русском предложении). Лингвисты расходятся лишь в определении типа этого сказуемого. А.М. Пешковский, например, рассматривал его как особый вид составного сказуемого – вещественное составное сказуемое.

Рассматривая такие предложения, как *The moon rose red; She went a young girl; she returned a grown up women*, А.И. Смирницкий обозначает тип сказуемого, который наличествует в них, термином «процессно-кваликативное сказуемое». Он отмечает, что в таком сказуемом полнозначный глагол является в то же время глаголом-связкой. Подвергая анализу аналогичное русское предложение «Он приехал инженером», А.Н. Гвоздев говорит о сложном сказуемом, которое совмещает особенности простого составного сказуемого, но ближе к составному, чем к простому. Н.Ф. Иртеньева указывает, что в предложениях типа “*She goes out radiant, conscious of being thoroughly up to date*” глагол уже не связан семантически с именной частью сказуемого, а последняя имеет непосредственное отношение к субъекту наравне с глаголом сказуемым.

Как полагает Н.Ф. Иртеньева, в таких случаях нет оснований говорить о составном сказуемом, и вернее называть сказуемое данного типа скрещенным или двойным. Значительный интерес к проблеме так называемого двойного сказуемого проявляет Б.А. Ильиш. Он отмечает, что в предложениях типа “*He came home tired, She married young, He died a bachelor*” знаменательные глаголы “*came*”, “*married*”, “*died*” сохраняют свое значение, но главное содержание предложения заключено в информации, передаваемые существительными и прилагательными, выступающими в функции предикативного члена.

Б.А. Ильиш считает, что значение этих предложений можно передавать другим способом, а именно: “*He was tired when he came home, She was young when she married, He was a bachelor when he died*”; глагол будучи сказуемым, выполняет также функцию глагола-связки. По мнению Б.А. Ильиша, такие сказуемые образуют особый тип смешанного (*mixed*) сказуемого, называемого им двойным (*double*).

Некоторые из исследователей, которые признают наличие в английском языке так называемого двойного сказуемого, отмечают возможность употребления в качестве предикатива в его составе компаративных фразеологических единиц. Например:

“*He came in as bold as brass*”, said Frederic (W. Thackeray. *W. Vanity Fair*).

He stood straight as an arrow ... (J. Conrad. *Lord Jim*).

The cruelty of glass : as transparent as air, as divisive as steel (J. Fowles. *The Ebony Tower*).

“Do you see this girl? She’s as lovely as a jewel. She’s my husband’s mistress” (J. Fowles. The Ebony Tower).

В зарубежной англистике также отсутствует единство взглядов на данную проблему. Из числа работ зарубежных ученых, вышедших в последние годы, можно назвать исследования Р.В. Зандвоорта, Б. Хэттуэя. Р.В. Зандвоорт употребляет термин «предикативные приложения» (“predicative appositives”) для обозначения последних компонентов в так называемых двухсказуемых предложениях; при этом он подразделяет «предикативные приложения» на «предикативные прилагательные и предикативные существительные» в качестве иллюстрации он приводит следующие примеры:

“The party arrived safe and sound”.

“We parted the best of friends”.

“He left home a beggar; he came back a millionaire”.

Используя терминологию Р.В. Зандвоорта, Б. Хэттуэй полагает, что предикативное приложение представляет собой трансформ. Он отмечает, что в предложении He died rich содержится две предикации “He died rich” и “He was rich”.

Это может быть доказана возможностью трансформации данного предложения в следующее “When he died, he was rich”. По мнению Б. Хэттуэя, примеры приводимые Р.В. Зандвоортом, также следует рассматривать как трансформы:

“When the party arrived it was safe and sound>The party arrived safe and sound”.

“When we parted we were the best friends>We parted the best friends”.

Таким образом, из обзора лингвистической литературы можно сделать вывод о том, что, исследуя «двухсказуемые предложения», языковеды рассматривают их как простые двусоставные предложения, для которых характерна специфическая связь компонентов.

Имеет место попытки пересмотреть трактовку предложений данного типа, исходя из иной классификации предложений. Это нашло отражение в работе А.М. Мухина «Структура предложений и их модели», в которой уделяется много внимания выяснению сущности предложений типа He came home tired. Разделяя мнение о необходимости пересмотра учения А.А. Шахматова о двусоставности и односоставности предложений. Он пишет: «...Было бы последовательнее говорить в случаях этого рода не о двусоставных, а о трехсоставных предложениях: подобно как два главных члена двусоставного предложения группируют вокруг себя второстепенные члены, образуя вместе с ними тот или другой состав предложения.., так и здесь главные члены группируют вокруг себя второстепенные члены, образуя с ними, однако, уже не два, а три состава».

Далее, развивая вопрос о синтаксических связях в структуре предложений, о ядерных и неядерных компонентах и соответствующих моделях предложений, А.М. Мухин приходит к выводу о том, что в предложениях этого типа мы имеем дело с трехчленным синтаксическим построением – между двумя ядерными и одним неядерным компонентом. Первый компонент предложения

характеризуется как ядерный, дважды предикцируемый, второй – как ядерный предикцирующий, а третий – как неядерный предикцирующий компонент.

Ранее мы уже отмечали стремление некоторых лингвистов объяснить природу так называемых двухсказуемых предложений при помощи трансформационного анализа. Можно также сослаться на статью А.П. Шапкина, который называет подобные предложения «слитно-подчиненными». При этом А.П. Шапкин характеризует их как «производные минимум двух элементарных предложений в результате пересечения в общем слове с одинаковым грамматическим статусом (отнесенном к одному грамматическому классу), наличие которого в элементарных предложениях является необходимым условием деривации данного сложного предложения. Включенное предложение деформируется путем вычеркивания общих элементов».

Для подтверждения своего высказывания А.П. Шапкин приводит следующий пример: “We saw the balloon” – “We saw the balloon high in the air”. “The balloon was high in the air”.

Подобным же образом рассматриваются предложения данного типа и в «Теоретической грамматике английского языка» Н.Ф. Иртеньевой, О.М. Барсовой, М.Я. Блоха, А.П. Шапкина, где приводится следующий пример:

“We waited – We waited breathless”.

“We were breathless”.

По мнению этих исследователей, продуктом пересечения в общем слове являются следующие предложения:

“The moon rose silvery over the dark forest”.

“He sat silent over the letter”.

Мы считаем неправомерным трактовать приводимые выше предложения и подобные им как «слитно-подчиненные», так как в данном случае нельзя говорить о подчинении в полном смысле слова.

Приведем ряд примеров употребления в современном английском языке структур исследуемого типа:

“What kept me relatively calm was the knowledge that Lord Penross was returning today” (J.W. Brown. Penross Manor).

“The door to the nursery burst open, William rushed into the gallery” (J.W. Brown. Penross Manor).

Обращаясь к анализу этих предложений, можно утверждать, что они являются поверхностными структурами, восходящими к двум разным типам глубинных структур, а именно: NVi + NVIA.

Встречаются также поверхностные структуры, в основе которых лежат следующие глубинные структуры: NVi+NVIN. При этом N в поверхностной структуре выражено, как правило, одушевленными именами существительными. Например:

“He died a beggar”.

“I lived coachman with Mrs. Reed”.

Если применить к анализу исследуемых предложений осложненного типа трансформационную теорию З.С.Хэрриса и его разграничение двух типов

трансформаций в английском языке (unaries и binaries), следует говорить о том, что рассматриваемые поверхностные структуры являются продуктом трансформации второго типа.

З.С.Хэррис отмечает только те случаи трансформаций данного типа, осуществляемые при помощи союзов. Как следует из приведенных пимеров, данные предложения являются результатом бессоюзного соединения двух трансформ. Например, предложение He stood motionless может быть представлено как продукт применения к глубинным структурам NVi и NVIA ряд трансформационных операций, как-то: конъюнкции, пересечения в общем компоненте и элиминации. Предложение He died a beggar образовано в результате использования тех же самых операций в отношении глубинных структур Nvi и NVIN.

Таким образом, структуры He stood motionless и He died a beggar могут быть развернуты в сложносочиненные предложения

“He stood and he was motionless”.

“He died and he was a beggar”.

Каждое из предложений, входящих в состав осложненно-сочиненного, восходит к различным типам глубинных структур.

Глубинные структуры, к которым восходят исследуемые поверхностные структуры, порождены от двух различных базовых (ядерных) структур, т.е. NV и NVIC.

Поэтому есть основания полагать, что поверхностные структуры исследуемого типа – это результат компрессии сложноподчиненных предложений. Условиями, которые способствуют осуществлению компрессии сложносочиненного предложения, являются следующие.

Во-первых, элементарные предложения, из которых состоит данное предложение, должны восходить к разным типам двухъядерных структур, а именно NV и NVIC.

Во-вторых, предложения, составляющие сложносочиненное, должны непременно характеризоваться односубъектностью.

В-третьих, действия передаваемые глаголами-сказуемыми предложений, образующих сложносочиненное, должны быть одновременными.

В-четвертых, элементарные предложения должны быть сочлененными в составе сложносочиненного предложения.

В результате реализации этих условий образуются структуры особого типа, в которых третий компонент являются эллиптическими, содержащим новую, дополнительную информацию о субъекте и являющимся сочлененными с предыдущим компонентом. В таких предложениях глагол совмещает в себе две функции: функцию полнозначного глагола и функцию глагола связки.

Поэтому более важным является значение предикативного члена. В силу этих обстоятельств имеет место потеря части семантики полнозначного глагола компрессированной структуры. Так, в структуре “He died a bachelor” в значении предикативного члена a bachelor на первый план выступает не предметность, а обозначение состояния. Возможно, этот факт послужило поводом для критики

теории двойного сказуемого и отнести данные структуры к типу составного именного сказуемого.

Возникновение в современном английском языке компрессированных структур подобного типа является следствием реализации принципа экономии языковых средств в речи, что и обуславливает специфические особенности употребления этих структур. В языке существует тенденция к устранению максимально избыточной информации, на что в свое время указывал А. Мартине, что постоянное противоречие между потребностями общения человека и его стремлением свести к минимуму свои умственные и физические умения дают возможности рассматривать это как движущую силу языковых изменений.

Т.А. Дегтярев считает, что соблюдение этого принципа «устраняет излишнюю загрузку мыслительной деятельности и облегчает концентрацию на собственном содержании сообщаемой и воспроизводимой информации».

В другой работе А. Мартине пишет: «Термин экономия включает все: и ликвидацию бесполезных различий, и появление новых различий, и сохранение существующего положения. Лингвистическая экономия – это синтез действующих сил».

Из этого можно сделать вывод, что принцип экономии является законом внутреннего развития языка.

Интерпретируя случаи устранения избыточности в терминах трансформационной грамматики, З.С. Хэррис подчеркивает, что устраняться могут только те элементы, которые могут быть восстановлены из широкого контекста.

Тенденцию к экономии языковых средств можно отчетливо проследить на материале эллиптических предложений, что касается структур типа *We sat silent*, следует заключить, что избыточность информации снимается в них структурой эллиптических компонентов “*sat*” и “*silent*”. Последние представлены только той своей частью, которая содержит новую, дополнительную информацию. Та же часть сложносочиненного предложения, которая не включает новой информации, подвергается компрессии. Это достигается обеспечение всей полноты мысли, выраженной в предложениях исследуемых структур.

Следовательно мы полагаем, что не имеется достаточных оснований считать предложения рассматриваемого типа осложненно-подчиненными. По нашему мнению, данные конструкции являются одним из случаев осложненно-сочиненного предложения, т.е. предложения с несколькими сказуемыми, которое, в свою очередь, представляет собой результат применения нескольких трансформаций к ряду последовательных первичных предложений, представляющих собой глубинную структуру данного предложения. Подобные структуры можно рассматривать как разновидности синкретизма, т.е. такого явления, когда один элемент выражения одновременно сигнализирует два и более элемента плана содержания.

По мнению Ю.Н. Власова, несмотря на то, что в последние годы появились работы посвященные исследованию вопросительных предложений английского

языка, вопрос о сущности этих предложений остается неразрешенным. В лингвистической литературе высказываются различные точки зрения на природу такого рода предложений. В традиционной грамматике подобные предложения рассматривались как одна из разновидностей простого вопросительного предложения. Так, Н.Ф. Иргеньева, О.М. Барсова, М.Я. Блох считают, такие предложения, как варианты вопросительных трансформов, полученных в результате добавления к повествовательному предложению разделительного вопроса, который повторяет элементы интрамодельных трансформаций (Т-Аих), имеющих место в повествовательных предложениях.

Существует и другая точка зрения, согласно которой предложения, содержащие разделительные вопросы, являются сложными. Например, Л.С. Бархударов говорит о том, что «расчлененный вопрос есть не что иное, как повествовательное предложение, за которым следует эллиптическое общевопросительное предложение» [35, 426].

Основываясь на сопоставлении «категории презентации» и «категории информации», Б.С. Хаймович и Б.И. Роговская считают разделительные вопросы сложноподчиненными предложениями особого типа, в которых главное предложение является повествовательным, а придаточное – структурой с противоположной предикацией.

Следует упомянуть еще об одном толковании предложений, представляющих собой разделительные вопросы. Б.А. Ильиш считает, что они могут интерпретироваться двояко, а именно: либо как простые повествовательные, либо как сложносочиненные, состоящие из двух предложений – повествовательного и вопросительного.

Мы полагаем, что предложения, называемые «разделительными» или «расчлененными» вопросами, следует рассматривать как осложненные предложения с компрессированной структурой, в котором в свернутом виде представлена предикация. В данной конструкции лежат различные типы глубинных структур, восходящие к базовым структурам NV и NVIC.

Следовательно, «расчлененный» вопрос является продуктом бессоюзного соединения двух и более трансформ. В том, случае, когда поверхностная структура «разделительного» вопроса состоит из двух предикативных единиц где первая представлена полной предикативной линией, а вторая является свернутой в трансформ, компрессии подвергается, как правило, вторая часть, представленная трансформом. При этом следует различать следующие случаи компрессии.

1) Трансформ, выражающая свернутую предикацию представляет собой компрессированную структуру, в основе которой лежат глубинные структуры, восходящие к базовой, матричной структуре NV. Например:

“On your knees and trousers down. Solves all, does it? (J. Fowles, The Ebony Tower).

“That’s the line now, is it?” (J. Fowles. The Ebony Tower).

“Oh, that’s it is it?” Hugh replied awkwardly (J. Fowles. The Ebony Tower).

2) Трансформ является компрессированной структурой, в основе которой лежат глубинные структуры, восходящие к базовой, матричной структуре

NVIC. Например: “She’s not so bad, is she?” (W.S. Maughm. The Moon and Sixpence).

“...I’m practically grown up, aren’t I?” (W.S. Maughm. The Moon and Sixpence).

“They are lovely, aren’t they?” I said over my beer (G. Greene. The End of the Affair).

В каждой из этих двух случаев компрессия трансформации его структура обусловлена структурой полнопредикативной частью, с которым он сочленен в составе осложненного предложения. Минимальный план выражения трансформации обеспечивает полноту плана содержания в тесной связи с планом выражения полной предикативной частью.

Наряду с этим встречаются также, хотя и гораздо реже, случаи другого типа, когда компенсироваться может как полнопредикативная часть, так и трансформации. Таким образом, предложение является результатом соединения двух предикативных линий представленная предикативной частью и свернутой в форме трансформации, в основе которых лежат глубинные структуры, восходящие к базовым, матричным структурам NVIC и NV.

Было зафиксировано большое количество примеров с трансформациями, где обе части, полнопредикативная и трансформация, из которых состоит предложение с «расчлененными» вопросами, восходит к одной и той же базовой структуре NVIC. Можно привести следующие примеры в качестве подтверждения данного положения.

“Powerful headlights, aren’t they?” (A.J. Cronin. The Citadel).

“...Heavy, isn’t it?” (A.J. Cronin. The Citadel).

“Funny chap, wasn’t he?” (W.S. Maughm. Cakes and Ale).

Л.С. Бархударов рассматривает подобные структуры как один из примеров синтагматически восполняемых эллиптических предложений. Он отмечает своеобразие этих конструкций, которое, по его мнению, состоит в том, что «...в них имеются два эллиптических предложения, взаимно восполняющих друг друга» [35, 403].

Однако как показывают наблюдения, далеко не во всех полнота содержания конструкции с «расчлененным» вопросом обеспечивается микроконтекстом, т.е. рамками предложения как такового. Во многих случаях требуется более широкий контекст для выяснения содержания данной конструкции. Это наглядно показывают следующие примеры:

“You never do, do you?”

“I’ve tried not to be” (G. Greene. The End of the Affair).

“...I can do it – things I’m shamed of afterwards. You can too, can’t you?” (C.P. Snow. Strangers and Brothers).

Следует отметить также случаи такого типа, когда оба компрессированных трансформации восходят к другой базовой структуре NV. Подлежащее (или группа подлежащего) представлено в первом трансформации нулевым вариантом, в то время как во втором трансформации оно выражено местоимением (как это чаще всего имеет место в «расчлененных» вопросах).

Случаи этого типа можно разделить на две группы:

а) глагол-сказуемое полнопредикативной части употреблен в повелительном наклонении, в то время как в трансформе вспомогательный глагол, являющийся функциональным словом, стоит в изъявительном наклонении.

б) глагол-сказуемое как предикативной части, так и трансформ представлен в изъявительном наклонении.

Первая группа случаев является нормой для современного английского языка. Например:

“Hand me my shoes, will you”?

Структура предложений, содержащих «разделительные» вопросы, может осложняться, в связи с чем поверхностные структуры предложений этого типа следует рассматривать в этом случае как результат соединения не двух, а трех и более трансформов в одну синтаксическую единицу. Здесь можно выделить следующие случаи.

1. Предложение является продуктом соединения трех и более трансформов при помощи трансформации конъюнкции и использования сочинительных союзов *and*, *but*, *or* и др. В результате получаем предложение, в котором компрессированным является либо второе, либо третье из соединяемых предложений. Например:

“...And you don't want to lose a good home, do you – and I don't blame you...” (J. Cary. *The Horse's Mouth*).

2. Предложение образовано в результате соединения трех и более трансформов путем применения таких процедур, как включение, использование подчинительных союзов, субституция и др. В данном случае предложение, который представляет собой «расчлененный» вопрос – это трехчленная структура, состоящая из трансформов, соединенная бессоюзным способом. При этом компрессированная часть чаще всего соединяется с предикативной линией в осложненном предложении. Это обуславливает построение компрессивной структуры. Так слово класса V представлено в ней функциональным словом – вспомогательным глаголом, обычно являющимся субститутутом полнозначного глагола первой части и употребленным в лице, числе и времени, соответствующими лицу, числу и времени глагола полнопредикативной части.

Например:

“You see, don't you?” she cried. (S. Maugham. *Cakes and Ale*).

“...I haven't had everything I should like, have I?” (C.P. Snow. *Strangers and Brothers*).

“...You don't know where she's gone, do you?” (J. Cary. *The Horse's Mouth*).

Иногда в таких случаях компрессированная структура занимает интерпозитивное положение в осложненном предложении, следуя сразу же за полной предикативной частью. Очевидно, этим подчеркивается тот факт, что она сочленена именно с полнопредикативной частью, а не с его трансформом.

Например:

“You'll stay with me, won't you, even if I'm not sick?” (G. Greene. *The End of the Affair*).

Необходимо отметить, что иногда в компрессированной части «расчлененного» вопроса в позиции слова класса N употребляется

местоимение, отличное от того, которое наличествует в трансформе, с которой она сочленена.

“...I don’t know what it’s all about, do you?” (G. Greene. The End of the Affair).

“I think building’s lovely, – don’t you?” she said.

Как было уже выше сказано, характерным является бессоюзный способ соединения полнопредикативной части с трансформами, представленных полупредикативными конструкциями в трехчленной структуре «расчлененного» вопроса. Случаи союзного соединения трансформов встречаются крайне редко, что является общей тенденцией, свойственно современному английскому языку и обозначаемой некоторыми лингвистами как опущение союзов и союзных слов.

“...You do think that I’m a fool, don’t you...?” (G. Greene. The End of the Affair).

“It is not exactly what you’re used to, is it?”

Иногда в трехчленном построении подобного типа используется структура, которая является результатом так называемой «сложной конденсации».

“You don’t mind me asking, do you?” (G. Greene. The End of the Affair).

“You don’t mind my taking you for a tart, did you, dear?” (E. Waugh. Cakes and Ale).

Фактически, в этом осложненном предложении имеются две компрессивных структуры, природа которых различна. Одна рассмотрение данного вопроса выходит за рамки настоящего исследования.

Одной из основных задач настоящего исследования – определить языковой статус зависимо – предикативного отношения. Данная проблема может быть решена при условии четкого разграничения понятий предикативность, предикативного отношения и коммуникативного членения – понятий взаимосвязанных, но характеризующие разные аспекты предложения.

В современном языкознании много разных подходов и мнений при рассмотрении понятия предикативность. Очевидно, то, что в зависимости от того, выступает ли предикативность как логическая категория или как категория языковая, она имеет свою специфику соответствующей области знаний. Однако, не менее очевидно и тот факт, что проблема предикативности до сих пор остается не решенной проблемой современной языковой теории.

В разработке понятия предикативность в процессе эволюции взглядов на соотношение между логическим категориям мышления и грамматическими категориями позволяет заключить, что та или иная трактовка предикативности вытекает из понимания следующих вопросов: каково взаимоотношение предложения и суждения (логемы); является ли предикативность неотъемлемым свойством любого высказывания; какова роль предикативности в структурно-семантической и логико-коммуникативной организации высказывания; каковы формы его проявления; существуют ли разнопорядковые предикаты, т.е. имеется ли необходимость и достаточные основания говорить о существовании зависимой предикативности (или второстепенной предикативности, полупредикативности).

Однако, приходится констатировать, что перечисленные вопросы до настоящего времени остаются спорными и противоречивыми. У разных авторов понятие предикативность наполняется различным содержанием.

В зависимости от принимаемых во внимание содержательных и формальных признаков сущностью предикативности признается одно из следующих значений: 1) отношение между подлежащим и сказуемым; 2) отношение между частями высказывания в соответствии с коммуникативной задачей (компонентами актуального(коммуникативного) членения); 3) соотношение содержание высказывания с реальной действительностью; 4) волевое утверждение отношения двух любых компонентов высказывания в процессе конкретного акта коммуникации; а также некоторые другие значения.

В ряде работ понятие «предикативность» используется одновременно в нескольких значениях, а отсюда вытекает его неоднозначность и перегруженность. Этот факт, однако, не умаляет роли самого понятия предикативность для синтаксической теории и не снимает задачи его дальнейшей разработки.

При рассмотрении проблемы предикативности и смежных с ней вопросов представляется необходимым различать понятие предложение и высказывание.

Понятие «предложение», будучи широко употребительным в лингвистической литературе, приобретает дополнительные значения, которые либо сужают либо расширяют объем выражаемого им понятия, что с необходимостью определяется выбором исходных признаков, по которым членится языковой материал.

Обычно расширение объема понятия предложения происходит при сегментации языкового материала по интонационно-смысловому признаку. В таком случае выделяются сегменты речи, обладающие относительной интонационной и смысловой законченностью, способные функционировать в качестве коммуникативной единицы, независимо от их формального строения.

При сегментации языкового материала по логико-формальным признакам объем соответствующего понятия суживается, что связано с включением в понятие предложение признаков, которые присущи не всем видам коммуникативных единиц.

Противопоставление предложения как собственно синтаксического или формально-грамматического единства предложению как ритмо-мелодическому целому, которое любыми синтаксическими средствами выражает относительно законченную мысль, обычно закрепляется и терминологически. Предложение во втором смысле именуется «фразой», «высказыванием» и т.д. [36, 48].

Широкую поддержку получило мнение о том, что понятие коммуникативной единицы шире понятия предложения, а также термин «предложение» применим не ко всяким коммуникативным единицам.

Под предложением, мы разделяем мнение О.С. Богомолова, что абстрактное формально – синтаксическое образование, имеющее субъектно-предикатное строение и способное функционировать в качестве автономной единицы и есть предложение. Логико-грамматическая двухчленность/наличие позиций для

предикативно соотнесенных субъекта и предиката/ признается обязательным признаком типизированного абстрактного предложения.

Высказывание понимается как единица речи, выражающее коммуникативное задание и наделенная определенными ситуативно-обусловленными значениями. Независимыми формальными характеристиками автономного высказывания является: произнесение между двумя паузами; наличие типового законченного рисунка /законченности, вопроса, восклицания.

По объему и структуре конкретное высказывание может соответствовать предложению как единице языка, но может и отличаться от него. В определенных коммуникативных условиях формирования высказывания оказывается достаточным наличие лишь одного языкового знака.

В большинстве концепций содержательной характеристикой высказывания, отличающей его от всех других синтаксических единиц признается предикативностью. Высказывание выражает некоторую мысль и описывает отражаемую в данной мысли ситуацию, под которой понимается «бытие вещи во взаимоотношении с другими вещами и свойствами» [37,122]. Основным моментом при изучении закономерностей организации высказывания в акте коммуникации является проблема соотношения «между структурой языковых единиц и структурой ситуации, отражаемой в сознании говорящих и обозначаемой этими языковыми единицами» [38, 372].

В связи с этим, для адекватного представления семантико-синтаксической структуры высказывания необходимо проникнуть в логическую структуру мысли и логико-семантическую структуру ситуации.

Многоаспектный характер синтаксических явлений привлекает внимание широкого круга исследователей «Сложный знаковый характер предложения и как единицы номинативной, и как единицы когнитивной и коммуникативной, делает его центром пересечения целого ряда денотативных, сигнификативных, семантико-синтаксических, коммуникативно-грамматических и структурных значений» [39, 43]. Эти значения манифестируются целым рядом категорий, являющийся результатом несколько видов комбинаторных операций, связанных с формированием «пропозиционного концепта», с его структурированием и когнитивной и коммуникативной функциями высказывания.

В связи с этим плодотворным оказывается теория постепенного многоступенчатого порождающего процесса предложения, протекающего в глубинной сфере языковой действительности. Интересным на наш взгляд представляется концепция И.П. Сусова, в которой удачно сочетаются понятия и методы атрибутивной и предикатной логики, традиционного и современного семантического синтаксиса [40, 141].

В этой концепции денотатом словосочетания или предложения является сложный объект (ситуация), которая существует как система взаимодействующих элементов двух типов: 1)предметов и 2) признаков. [39, 42] Реальной ситуации соответствует абстрактная ситуация как логическое образование, схематически воспроизводящая лишь ее членение на определенное число элементов и отражающая типы и функции этих элементов. в языковой сфере абстрактная ситуация представлена посредством

реляционной структуры состоящая из релятемных позиций, замещаемых «релятором» (релятемой, выражающей признак предмета) и «релятами» (предметными релятемами).

Выбор реляционной структуры является исходным этапом порождающего процесса. На следующей ступени порождения предложения осуществляется его субъектно-предикатное членение, в результате которого выделяются синтагматически противопоставленные друг другу позиции субъекта и предиката. Результатом наложения субъектно-предикатной структуры является абстрактное предложение.

Актуализация абстрактного предложения, т.е. привязка его к конкретным условиям и задачам коммуникативного акта, осуществляется при помощи ряда модифицирующих средств. К их числу И.П. Сусов относит операторы модальности, темпоральности, дескрипции, персональности, выделения, отрицания, побуждения, вопроса, эмотивности. [40,124].

На наш взгляд, что изложенная концепция позволяет отчетливее осмыслить идеи, высказанные рядом ученых (В.В. Виноградовым, И.И. Мещаниновым, Т.П. Ломтевым, В.З. Панфиловым) о природе предикативности как общего семантического свойства высказывания.

По нашему мнению предикация как процесс соотнесения содержания высказывания (типизированного и нетипизированного) с действительностью складывается из ряда последовательных логико-языковых операций, осуществляемых автором речи в процессе порождения высказывания. К их числу относятся операции номинации, субъектно-предикатного членения и всякого рода модифицирующих трансформации – модальности, темпоральности, персональности, выделения, отрицания и т.п. Количество и качество этих операций коммуникативными задачами конкретного акта общения.

В результате соответствующего интонационного оформления получает завершение процесса предикации, а высказывание наделяется предикативностью, т.е. свойством соотнесенности с определенным фрагментом действительности и становится единицей общения. Законченная интонация позволяет употребить высказывание в нулевом окружении, т.е. в абсолютной позиции. Этому формальному признаку соответствует значение коммуникативной автономности [41, 13].

При определении предикативности не представляется приемлемым традиционное ограничение объема данного понятия, обнаруживающее свою производность от понятий глагольности и сказуемости.

Предикативность является свойством всякого высказывания как ритмо-мелодического целого, обладающего признаком коммуникативной автономности. Высказываний вне предикативности не существует. Вместе с тем, далеко не все высказывания характеризуется наличием предикатного отношения [42, 88].

Предикативное отношение наличествует лишь в типизированном высказывании, которое базируется на двусоставном абстрактном предложении, имеющем субъектно-предикатное строение. Предикативным отношением

соединены логико-синтаксический субъект и предикат, которые рассматриваются как синтаксические позиции в предикационной структуре предложения. Не представляется возможным говорить о наличии предикативно связанных компонентов в высказываниях о нечленимых событиях, а также в построениях, самое существование которых обусловлено ситуационно, т.е. вхождением их в определенный сложный синтаксический контекст [43, 87].

Именно широкое определение предикативности как семантического свойства, устанавливающего общую соотнесенность содержания высказывания с действительностью, дает возможность, не прибегая к искусственному расчленению на субъект и предикат заведомо нечленимых в этом смысле синтаксических построений типа: Ночь! Холод! Пожар! Да ну и т.п., объяснить сущность языкового явления, обеспечивающего функционирование в качестве коммуникативных единиц всех этих весьма неоднородных по структуре нетипизированных высказываний.

Следовательно, предикативность не сводима только к предикативному отношению, которое в свою очередь не может быть отождествлено с актуальным членением. В данном вопросе мы исходим из мысли о том, что прежде всего необходимо описать объективные факты/или факты, сконструированные сознанием в качестве аналогов/ в то время как дополнительные субъективные оценки привносят в предложение на последующих ступенях его порождения [43].

В соответствии с таким пониманием, модификационные операции выделения/актуального членения, привязки предложения к конкретным условиям и задачам коммуникативного акта/могут быть применены лишь к глубинному образованию, уже подвергнутому субъектно-предикатному членению. В результате трансформаций выделения в центр внимания попадают элементы, имеющие особую информационную важность для того или иного акта общения. Операции выделения являются факультативными, но в случае необходимости говорящему предоставляется возможность выбора одного из объективно существующих типов коммуникативно-синтаксических построений.

Итак, актуальное членение и предикативное отношение являются составляющими звеньями в системе языковых средств предикации. Предикативность как общее свойство высказывания не может быть сведена лишь к одному из способов предикации.

ВЫВОДЫ К 1 ГЛАВЕ

В учении о парадигматическом синтаксисе на эквивалентном фактическом материале английского, казахского и русского языков вводятся и раскрываются понятия деривационной основы предложения, развернутого предложения,

примарного предложения, предложения-синтаксемы (обобщенного на всем множестве пропозитивно-парадигматических форм) и двух систем парадигматики предложения - системы предикативных функций и системы конструктивных функций.

Универсальная система предикативных функций ведает отражением связи номинативного содержания предложения с действительностью, система конструктивных функций - формированием предложений разной степени сложности. Описание данных систем в английском, казахском и русском языках завершается выдвижением формальных критериев оценки парадигматической сложности предложения, состоящих в соотносении открытых (синтагматически выраженных) единиц предикации, формирующих предложение, с единицами предикации, заложенными в его деривационной основе.

Общее множество потенциальных парадигматических форм, произведенных на какой либо более или менее сложной предикативной деривационной основе представляется как совокупность межуровневых конструктивных парадигм эквивалентности, организованных в определенном функциональном порядке в зависимости от выражаемых пропозитивных значений.

Предложение-высказывание реальной речи может быть более или менее сложным в зависимости от номинативно-ситуативного смысла. Чтобы дать оценку сложности предложения в том и другом языке, следует соотнести две универсальные характеристики предложения: его линейно-предикативный (синтагматический, “поверхностный”) строй и деривационно-предикативный (парадигматический, “глубинный”) строй.

Чисто качественная оценка парадигматических конструкций может сочетаться с количественной оценкой, взятой как ее сокращенная репрезентация в числах. Каждая предикативная единица синтагматического и деривационного строя будет выражена тождественной численной мерой, равной единице, а отношение суммы таких единиц синтагматического строя к сумме единиц деривационной основы есть степень парадигматической сложности высказывания. Это отношение может быть названо “фактором предикативного объема” предложения.

Количественная оценка парадигматической сложности предложения в английском и татарском языках используются на широких текстовых массивах материала, допускающих обработку статистическими методами исследования. Именно такое применение их является особо важным как часть общего изучения различных речевых стилей языка и различных видов стилизаций диктемы.

2 КОММУНИКАТИВНАЯ СТРУКТУРА ОСЛОЖНЕННОГО ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НАУЧНОЙ РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО, КАЗАХСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Интерпретация многих явлений языка на современном этапе его изучения требует выхода за пределы предложения в область построения текста [45, 24]. Предложение как уровне-образующая единица не представляет собой верхний

предел величины сегментного языкового знака. Соединяясь друг с другом, предложения образуют развернутый текст. Над пропозематическим уровнем лежит “надфразовый” или “супрапропозематический” уровень, который формируется синтаксическими объединениями самостоятельных предложений - “сверхфразовыми единствами” или “кумулемами”.

До недавнего времени текст являлся необходимой средой, окружением для раскрытия функционального назначения различных сторон, форм и элементов предложения. Однако, как отмечает М.Я.Блох, в объективной действительности текст существует не только как контекстный минимум диагностики слова. Он существует и как законченное целое, будь то письменное монологическое сочинение или устный диалог. Ведь и последний имеет свое начало и свой конец, позволяющий подвести итог реализованному обмену мыслями [4, 114].

Развитие языкознания подвело лингвистов к необходимости распространить область своих интересов и на текст как целое, как конечный результат речевой деятельности людей.

В своей синтаксической теории М.Я.Блох определяет предельную элементарную единицу текста как “диктему”. Диктема образуется сцеплением нескольких самостоятельных предложений средствами кумулятивной связи в абзац. Эти связи отличают диктему от сложного предложения, которое строится связями сложения(подчинительными, сочинительными).

Диктема рассматривается как речевая единица, совпадающая с абзацем монологической речи. Однако абзац, как считает М.Я.Блох, является прежде всего композиционной единицей книжно-письменного текста, в то время как диктема - синтаксическая последовательность самостоятельных предложений с широким ситуативным планом семантики, отличается универсальным характером и выделяется во всех разновидностях языка, как письменного, так и устного.

Являясь выразителем предикации, предложение выступает существенным элементом выражения именно с точки зрения строя текста [46, 20]. Следовательно, вне предложений текст не может выражать суждений и умозаключений. Будучи предикативно оформленной единицей сообщения, предложение выполняет текстообразующую функцию в диктеме.

В связанных последовательностях предложений, составляющих диктему, первым критерием их деления должна стать коммуникативная направленность составляющих их предложений. С этой точки зрения М.Я.Блох выделяет последовательности монологические и диалогические. Монологические однонаправлены, они исходят от одного говорящего к слушателю. Диалогическая - двунаправлена, ее компоненты, состоящие из одного или нескольких предложений, произносятся собеседниками по очереди, словно навстречу друг другу.

Направление общения с грамматической точки зрения оказывается столь же существенной характеристикой связанной последовательности предложений, как и внешняя форма ее представленности в виде монолога или диалога. Непосредственное объединение предложений присоединительного типа, соответствующее диктеме, М.Я.Блох определяет как “кумулему”, а объединение

предложений, реализованной встречной или “оккурсивной” связью соответственно, “оккурсемой”.

При сопоставлении оккурсем и кумулем видно, что первая занимает более высокое положение в сегментной иерархии языка, чем кумулема. Следовательно, с формальной точки зрения уровень диктемных, надпредложенческих связей может быть разделен на два подуровня: нижний - кумулятивный, и верхний – оккурсивный [47, 196].

Между двумя типами объединения предложений имеется коренное различие, состоящее в том, что оккурсема, в отличие от кумулемы, представляет собой разговорную речь или его часть [48].

Итак, предложение в речи (тексте) вступает во взаимодействие с другими предложениями. Вне контекста смысл большинства предложений весьма расплывчат. Для конкретизации смысла многих предложений нужно рассматривать их на фоне контекста, знать ситуацию сообщения.

“Предложение - единица сообщения - не существует в речи изолировано, а соединяется с другими предложениями, образуя развернутый текст, в котором отражаются и закрепляются результаты работы человеческой мысли” [4, 113].

С позиций современной теории тезис о том, что предложение является замкнутой структурой не представляется абсолютным. Ведущей тенденцией построения текста является спаянность его элементов - межфразовая связь, которая может осуществляться различными путями. Связь эта, помимо того, что может быть грамматической (в узком смысле) и семантической (в широком смысле), то есть может иметь и прагматический (функциональный) характер.

Так, иногда в определенных текстах данные принципы нарушаются. То есть связи между предложениями могут разрываться, или даже текст может просто лишен смысловой связанности. Однако подобное построение следует считать исключением, нежели чем правилом.

Невозможно представить себе какой-либо объемный текст, который строился бы только на несвязанных друг с другом фразах. Это будет либо текст, незначительный по объему, либо текст абсурд. В художественной литературе можно встретить подобные примеры, где фразовая разобщенность служит автору особым стилистическим приемом. Однако подобные отклонения не противоречат факту, что предложения в тексте, как правило, находятся в более или менее тесном взаимодействии.

Во взаимодействии предложений в связанном тексте выделяются три аспекта: формальный механизм взаимодействия, смысловая спаянность текста (семантика), вызвавшая к жизни новую область языкознания - лингвистику текста и, наконец, функциональное описание синтаксических единиц - прагматика текста.

Функциональный подход к языку предполагает рассмотрение речевого высказывания с точки зрения передачи смысла, который адресант сообщает посредством данного высказывания адресату [49].

Помимо жестких обязательных правил построения высказывания существуют так называемые факультативные, или правила риторики.

Последние представляют собой всевозможные приемы, с помощью которых говорящий передает различные оттенки смыслов и чувств.

К таким примерам, например, относится ответ на риторический вопрос или нарочито использованный повтор. Правила риторики могут игнорироваться как говорящим, так и слушающим, не нарушая до некоторой степени коммуникации, чего нельзя сказать о правилах грамматики. Однако подлинная коммуникация может быть достигнута именно при помощи правил риторики, реализующих в полной мере интенцию говорящего [50, 310].

Крайний взгляд на задачу функциональной лингвистики выразил М.А.Халлидей, когда он сказал, что наибольший интерес в тексте (речевом акте) представляет собой то, что в нем остается невыраженным.

Теория парадигматического синтаксиса и разработанный в рамках этой теории взгляд на категориальное замещение позволяет выявить, в высказывании как раз то, что оно имплицитует, и установить связь между выражаемым значением и его коммуникативной формой выражения.

Это дает возможность взглянуть на, казалось бы, спонтанные надязыковые правила риторики иначе, “стилизацию” или верхний уровень коммуникации, как на закономерное явление, тесно взаимодействующее с языковой системой и неотделимое от нее.

Основоположниками функционального подхода не раз подчеркивалось, что в лингвистическом анализе движение идет от значения к его оформлению, то есть отправной точкой анализа являются те смыслы, которыми обмениваются участники коммуникации при определенной ситуации [51, 344].

Такой подход, безусловно, интересен, однако в полной мере, по-видимому, он может быть продемонстрирован при анализе устной речи, тогда как при анализе письменного текста исследователь сталкивается с иной формой передачи сообщения (иной канал связи) и должен исходить из данного текста.

В определенном смысле идти от семантики к ее воплощению здесь не удастся, так как это делает говорящий, являющийся создателем текста, поскольку выбор уже сделан автором текста.

Задача же исследователя, по существу сводится к “расслоению” семантики фразы: что в ней принадлежит собственно языковой единице, а что приобретается за счет условий ее актуализации; какие из значений принадлежат к “правилам” (rules), а какие несут дополнительную (риторическую) функцию.

При расчленении этих смыслов в функциональном подходе используется понятие пресуппозиции, интенции, импликации и т., которые помогают понять механизм построения смыслов синтаксической единицы в ее взаимодействии с контекстом.

Взгляд на предложение как на единицу, входящую в текст, влечет за собой необходимость решить, что считать единицей (протяженность текста), в которую входит предложение и в которой оно проявляет способность к различного рода взаимодействию с другими предложениям, обретая тем самым конкретный смысл. Функциональная характеристика этих двух верхних знаковых единиц языка является репрезентативной с точки зрения текста как

целого. Знаковая природа текста отражается в его теме, представляющей собой обобщенный предмет его содержания [52, 11].

М.Я.Блох выделяет предельную, элементарную единицу текста - диктему. Диктема есть элементарная тематизирующая, топикальная единица связанной речи. В монологической речи диктема представлена абзацем, в диалогической, как правило, - целой репликой. Следовательно, диктема - это элементарная единица текста, формируемая предложениями.

Важный аспект диктемы заключен в ее стилистической охарактеризованности, которая как и тематическая, собирается от диктемы к диктеме и отображается на целом тексте. Существование текста, как известно, невозможно вне стилистической характеристики, раскрывающей различные стороны выразительной речи.

Но стилистическая характеристика задается любому высказыванию лишь в коммуникативно-определенном контексте, цельной же единицей реализации такого контекста служит диктема. Выявление в тексте через диктему необходимой суммы стилистических показателей есть не что иное как стилизация диктемы и текста.

Диктема может совпадать или не совпадать с абзацем. Абзац, как правило, строится по закону тематизации, но в то же время деление текста на абзацы может и не отражать логически заверченный отрезок текста, если автор нарочито нарушает такое деление в художественном произведении, пользуясь этим нарушением как стилистическим приемом.

Подобно тому, как интонационный контур речи в некоторых случаях может не означать конец предложения (парцелляты, присоединительные конструкции), так и абзац не всегда отражает внутреннее смысловое членение текста. С другой стороны, одно предложение может заполнять собой целый абзац (выделительная функция) и в то же время представлять собой диктему при тематической обособленности этого предложения.

Так, по мнению М.Я.Блоха в рамках аспекта тематизации реализуются близкие и далекие связи частей текста, отражающие его "когезию" - проспективные, ретроспективные и двунаправленные. Именно через это подразделение знаковых сегментов "диктему" осуществляется действие текстовой пресуппозиции (фонд предварительных сведений, необходимых для адекватного восприятия высказывания), обеспечивающий необходимое раскрытие всех имплицативно передаваемых смыслов тем участком текста, который развертывается перед сознанием получателя сообщения [4, 120].

В рамках диктемы устанавливаются коммуникативные функции отдельных, входящих в нее высказываний. Особое значение текстового окружения имеет для, так называемых, синтаксически слабых конструкций (термин И.И.Ковтуновой), каким являются конструкции с полупредикацией с неполным набором предикативных категорий, с отсутствием субъекта действия у некоторых классов данных конструкции.

Данные особенности ставят конструкции с неполной предикацией в большую зависимость от окружения как в синтаксическом, семантическом, так и в функциональном плане. В функциональном аспекте предложения его

целевые установки играют существенную роль. В терминах предикативных функций коммуникативная направленность, или целевая установка высказывания, представлена набором экспонентов повествование - вопрос – побуждение [53, 147].

Целевая установка передается всем высказыванием в целом и не относится только к его отдельным частям. Целевые установки составляют важную часть содержательного плана предложения и неразрывно связаны с другими предикативными категориями.

Основой разделения по целевой установке высказываний служит их тематическая организация, которая, в свою очередь, проявляется и уточняется у высказывания во взаимодействии с другими высказываниями, то есть при вхождении его в более крупную единицу текста - диктему.

При анализе коммуникативной направленности глагольных предложений М.Я.Блох выделяет, помимо трех основных коммуникативных типов, шесть промежуточных, основанных на противоречии между целевой установкой говорящего и формой реализации.

В нашу задачу входит изучение реализации системы основных коммуникативных типов исследуемых нами осложненных предложений. Выявление в диктеме, а через нее и в целом тексте необходимой суммы стилистических показателей мы называем “стилизацией” - соответственно, стилизацией диктемы и стилизацией текста.

Чтобы отличать данное понятие от понятия стилизации в литературоведении, М.Я.Блох разделяет стилизацию на первичную и вторичную. Первичная стилизация - это естественная, витальная стилизация, без которой никакая речь существовать не может. Вторичная стилизация - это искусственная, отраженная стилизация, относящаяся к области художественной литературы. Под этим понятием имеется в виду подражание внешним атрибутам чужой авторской манеры, обусловленное различными идейно-художественными целями и иными обстоятельствами.

Укажем некоторые из существенных типологических разграничений стилизации, реализующейся в диктеме и через диктему. Начиная рассмотрение стилизации необходимо разделить тексты с точки зрения их обработанности или необработанности, т.е. по степени их предварительной подготовки к окончательному выражению. По этому признаку мы можем выделить обработанную речь и необработанную или спонтанную речь. И тот, и другой типы существуют как в письменной, так и в устной форме. И обработанная, и спонтанная речь отражают стилизации самых различных видов.

По характеру отражения в тексте языковых норм различается стилизация литературная, стилизация разговорная и медиальная, стоящая между двумя первыми, имеющими множество разновидностей. По признаку отражения сферы общения выделяется стилизация общая и стилизация специальная, характеризующая речь в условиях общения разных социальных и профессиональных групп людей [54, 326].

Касаясь характера семантических средств можно различить стилизацию фактуальную (речь фактов) и стилизацию образную (речь образов). Последняя

находясь в основе художественно-литературной речи, весьма характерна и для обиходной разговорной речи.

По соотносительной силе функционального воздействия различается стилизация экспрессивная (сильная) и стилизация неэкспрессивная (слабая). Здесь важно разграничить экспрессивность и эмоциональность, так как это разные характеристики речи, лежащие в разных плоскостях: эмоциональность отражает самовыражение говорящего, экспрессивность - силу воздействия на слушателя. Отсюда, по уровню эмоциональной насыщенности речи можно разграничить стилизацию эмоциональную и стилизацию неэмоциональную [55, 27].

Особые деления стилизации дает признак соотношения экспликативного и имплицативного содержания речи, который в синтаксико-парадигматической терминологии формулируется как степень открытости конструкционного объема высказывания. На этой основе стилизация разделяется на экспликативную (оптимальные объем речи), имплицативную (лаконичная речь) и гипер-экспликативную (многословная речь).

Также, кроме синтаксических конструкций ординарно полных, можно выделить синтаксические конструкции неполные (эллиптические) и синтаксические конструкции вторично-полные. И те, и другие тесно связаны с особым характером выявления актуального членения предложения.

Таким образом, можно сделать вывод из всего сказанного, что стилизация - это важнейший, наряду с номинацией, предикацией и тематизацией, функционально-языковой аспект речи, выявляющийся в диктете как непосредственном и синтаксически релевантном звене перехода от слова, через предложение, к целому тексту. Стилизация регулирует выбор языковых средств, снабжающих текст коннотациями, необходимыми для адекватной передачи содержания в конкретных условиях общения.

Для современного теоретического синтаксиса характерен уровневый подход к предложению, заключающийся в рассмотрении предложения как иерархически организованной многоуровневой микросистемы. На основании этого принципа в предложении различают поверхностную и глубинную структуру.

Поверхностная структура связана с конструктивными функциями предложения, а глубинная - с его семантикой. Однако семантическая структура предложения, как специальный объект языкового описания, долгое время оставалась вне поля зрения синтаксистов, и предложение рассматривалось лишь с позиции его синтаксического статуса [56, 171].

Но изолированный анализ структуры и смысловой стороны осложненного предложения как и любой синтаксической единицы, оказывается недостаточным, ибо "синтаксис семантичен, то есть его категории и элементы соотносятся определенным образом с внешними объектами, а семантика синтаксична, то есть отражает отношения между символами - обозначениями".

Таким образом, исследование структуры предложения невозможно без его семантики, и наоборот, поскольку "... само понятие структуры в рамках теоретического синтаксиса не только строго соотносится с отражаемой в этой

структуре семантикой, но каждая конструкция или структурно-языковая синтаксическая форма является таковой, поскольку выявляет определенное значение, которое и включает его в соответствующий участок функционирующей языковой системы” [4, 61].

Кроме того, нельзя забывать, что между языком и мышлением, между грамматическими и логическими категориями существует диалектическое единство, так как язык выражает конкретные по содержанию мысли, а также закрепляет логику мышления. Поэтому рассмотрение языковых единиц с позиции формальной логики приобретает особую актуальность, так как содержательная интерпретация языковых структур всегда связана с их логическим содержанием, и поскольку они выражают определенные логические категории [57, 234].

Логико-грамматический и синтаксический уровни составляют два подуровня одной и той же единицы - предложения. Логико-грамматическое членение предложения имеет универсальный характер, так как отражает структуру логической фразы (суждения), являющейся формой мышления.

Как отмечает В.З.Панфилов, изучение структуры суждения позволяет говорить о двух его уровнях, тесно взаимодействующих друг с другом: объектно-предикатной структуре и структуре суждения как пропозициональной функции.

Различие их проявляется в том, что «субъектно-предикатная структура суждения характеризует направленность, ход познания ситуации и определяет логико-грамматический (актуальный, коммуникативный) уровень структуры предложения, а структура суждения, как пропозициональная функция, отображает ситуации как объекты в их отношениях и характеризует синтаксический уровень структуры предложения».

Сопоставляя между собой предложение и суждение, мы видим, что суждение есть логическое содержание предложения, а предложение представляет собой грамматическую форму суждения. Соответственно, предложение, как и суждение, обладает объективной модальностью, выражая действительный, возможный или необходимый характер связи действия, события или явления, им отражаемого, с реальной действительностью.

Суждение всегда выражается в форме грамматического предложения, но не всякое предложение передает суждение [57]. Признано, что из трех кардинальных коммуникативных типов предложения лишь повествовательное предложение (чистого и смешанного типа) непосредственно выражает суждение, потому что “его тематико-рематический строй прямо отражает отношение его номинативного содержания к действительности по фактору истинности - ложности, а отражение этого отношения, опосредованное формой утверждения и отрицания - необходимое свойство суждения как такового” [4, 110].

Что касается строго побудительных и строго вопросительных предложений, непосредственно не выражающих по своей коммуникативно-содержательной природе суждения, то они лишь внутренне соотносятся с ним, предполагая его в деривационной основе.

Следовательно, отражение в предложении структуры суждения должно рассматриваться через его коммуникативное членение, которое отражает не только коммуникативную природу высказывания, но и познавательную установку мыслящего и говорящего субъекта.

Итак, формирование осложненного предложения и его интерпретация как высказывания будет осуществляться нами с опорой на сформулированную Ф.Данешем языковую триаду - “грамматическая модель предложения - его семантическая модель - коммуникативная структура высказывания”.

В этой связи остановимся более детально на коммуникативных и логико-семантических характеристиках осложненного предложения.

Осложненное предложение выступает самостоятельной единицей информации в процессе языкового общения людей, так как именно предложение, как единица предикативная, есть первичный, целостный носитель информации, способный отобразить ситуацию некоторого действия или состояния вместе с его оценкой.

Ответ на вопрос о статусе коммуникативной природы предложения дает теория парадигматического синтаксиса. В свете данной теории коммуникативные типы предложения рассматриваются в рамках системы из бинарных оппозиций (повествовательное предложение - вопросительное предложение) или, принимая во внимание аспект речевой реализации коммуникативного предложения, в рамках оппозиции (повествовательное предложение - аппеллятивное предложение).

Методологической основой такого противопоставления является положение о связи предложения и суждения, заключающееся в том, что суждение, как указывалось, прямо выражается лишь повествовательным предложением, так как в нем заложена такая форма мысли, в которой прямо отражается наличие или отсутствие у предмета каких-то признаков или связей.

Таким образом, повествовательное предложение, основное коммуникативное назначение которого, есть прямое и непосредственное выражение суждения, является отправной точкой процесса коммуникации в целом. Парадигматическая взаимосвязь всех коммуникативных типов предложения обусловлена логической соотнесенностью с повествовательным предложением.

В оппозиции “аппеллятивное предложение - повествовательное предложение” первое оказывается, сильным членом по отношению к повествовательному предложению, как к слабому ее члену.

Это означает, что повествовательное предложение служит базой для формирования двух других коммуникативных типов предложения, на которую проецируются дифференцирующие признаки вопросительного и побудительного предложения.

Основная коммуникативная цель осложненного предложения как универсального явления в языке заключается в уточнении намерения говорящего сообщить собеседнику информацию об определенном объекте. Общий характер такого высказывания определяется тем, передает ли говорящий

информацию о факте окружающей действительности или дает оценку компоненту речевой ситуации.

На этом основании все повествовательные предложения осложненного типа в английском и казахском языках можно рассматривать как фактуальные и оценочные высказывания. Фактуальное высказывание обладает различной функциональной значимостью с позиции говорящего, что раскрывается характером сообщаемой информации: новая для слушающего информация, попутная, комментирующая информация, пояснительная или подтверждающая какой-нибудь факт, с целью убедить собеседника в чем-то, как в примере:

“You are too old *to be believing* in fairies, Laura,” - Ma said gently (L.I.Wilder. By the shores of Silver Lake).

Оценочным высказываниям зачастую как в английском, так и в казахском языке присущ экспрессивный характер. Объектом оценки говорящего в данной речевой ситуации, либо в ситуации в целом может быть лицо, предмет или событие. Например:

“The teams were coming into camp. In a long, dark, *snake-like* line they came over the prairie, *horses plodding* side by side in their harness, and men *marching, bareheaded and bare-armed, brown-skinned* in their *striped blue-and-white* shirts and grey shirts and plain blue shirts, and all of them *singing* the same song.

They were like a little army *coining across* the vast land under the enormous empty sky, and the song - their banner” (L.I.Wilder. By the shores of Silver Lake).

В казахском языке:

«Тапал, салқын, тым қараңғы үңгір тар, есігімде мықты қара құлып бар» (Мағжан Жұмабаев. Батыр Баян).

«Қалың қара сақалды, нұрлы жүзді, үлкен көзді, үстіне қынаға боялған тон, аяғына ұзын қонышты етік киген Сүлеймен қарт алдымыздан жолықты» (Мағжан Жұмабаев. Батыр Баян).

Совокупность конструктивных моделей предложения, которыми располагает язык, не исчерпывается строго однозначными, полярными коммуникативными типами, а включает и промежуточные конструкционные модели предложений, в которых выражается смешанная коммуникативная установка. В этой связи в английском и казахском языках устанавливается шесть смешанных коммуникативных типов предложения. Между каждой парой кардинальных коммуникативных типов различаются по два промежуточных.

Так, между повествовательным и вопросительным предложениям выделяются повествовательно-вопросительное и вопросительно-повествовательное; между повествовательным и побудительным предложением выделяются повествовательно-побудительное и побудительно-повествовательное предложение; между вопросительным и побудительным предложением - вопросительно-побудительное и побудительно-вопросительное.

В результате, система коммуникативных типов предложения, описанная М.Я.Блохом, состоит из девяти типов, причем каждый из них может быть представлен в двух вариантах - восклицательном и невосклицательном. В таком аспекте коммуникативные типы предложений в татарском, да и в других тюркских языках в целом, еще не описаны.

Осложненные предложения представленные в двух вариантах - восклицательном и невосклицательном, не являются исключением и могут обладать смешанными коммуникативными свойствами. Так, данным синтаксическим конструкциям в сопоставляемых языках свойственны повествовательно-вопросительные и реже повествовательно-побудительные высказывания. Вопросительное и побудительное содержание повествовательных осложненных предложений бывает формально выраженным (эксплицитным) и формально скрытым (имплицитным). Причем сема вопросительности и побудительности содержится непосредственно в полупредикативной части. Например в английском языке:

“Ma told you *to stay with Mary*,” said Laura. “So you’d better stay”.

“She told you *to look!*” said Carrie (L.I.Wilder. By the shores of Silver Lake).

В казахском языке:

«Ағам саған осында Айманмен *бірге қал*»- деді Шолпан. «Сонымен, сенің осында қалғаның жақсы болар».

Данные предложения мы относим к повествовательно-побудительному типу, так как заложенная в полупредикативной части побудительная сема выражает побудительно-повествовательный смысл. Побуждение носит смягченную форму - совет, что вытекает из контекста произведения, объясняется определенными межличностными отношениями героев. Пример повествовательно-вопросительного типа английского языка:

“The boys have got word *to look out for house*, thieves tonight, haven’t they?” asked Pa (L.I.Wilder. By the shores of Silver Lake).

В казахском языке:

«Түлектер бүгін *ертеңгі болатын кешке дайындалғалы жатыр*, солай емес пе?».

Повествовательное значение всего осложненного предложения как бы преобладает над вопросительным смыслом полупредикативной части и придает всему высказыванию фактуальный характер.

Итак, повествовательные осложненные предложения с полупредикативным комплексом в английском и казахском языках представлены в монофункциональном и полифункциональном варианте.

В монофункциональном высказывании уточняется единая кардинальная установка, а в полифункциональном уточняется двойственные, промежуточные переходные установки.

Коммуникативный аспект предложения подразумевает еще одну специфику синтаксической парадигматики - различие предложений по их информационной перспективе, проявляющуюся в соотношении двух компонентов актуального членения - темы и ремы.

Тема (данная) - “исходная часть сообщения, а то, что утверждается в ней - рема (новое)”. Исследование актуального членения предложения - это неотъемлемая часть синтаксического описания, так как оно служит средством организации информации, передаваемой говорящим и подчеркивает дискретность речи, выражая ее членение с точки зрения коммуникации.

Соотношение темы и ремы в коммуникативной структуре обеспечивает реализацию коммуникативной интенции осложненного предложения. Тему образуют элементы высказывания, являющиеся носителями минимума информации и создающие основу для развертывания коммуникации. В качестве ремы выступают элементы, являющейся носителями максимума информации.

При анализе актуального членения предложения особенно заостряют внимание на двух моментах - на определении степени сложности темарематической организации и на установлении порядка следования ее элементов. Выделение основных моделей актуального членения осложненного предложения возможно уже на пропозематическом уровне, поскольку изолированное предложение, будучи предикативно-оформленной единицей сообщения, хотя и редко функционирует отдельно, но все же является средством выражения связанных мыслей. Но при этом немаловажную роль играет контекст, который безусловно, влияет на актуальное членение предложения, уточняя и, в некоторых случаях, видоизменяя его.

Коммуникативная нагрузка, проявляющаяся в актуальном членении предложения, может быть привязана к любому члену предложения, не изменяя его на уровне синтаксического членения.

И.Фирбас, учитывая что и тема может содержать какой-то элемент “новой” информации, ввел критерий степени коммуникативного динамизма, позволяющий разграничивать два полюса коммуникативного членения, между которыми располагаются смысловые группы предложения. Степень коммуникативной нагрузки темы ниже, чем у остальных смысловых групп.

Тему и рему следует раскрывать без учета понятия новизны и данности соответствующих денотатов.

Именно при таком осмыслении природы актуального членения уместно говорить о коммуникативном динамизме или о коммуникативной нагрузке, распределяемой в предложении в виде ступенчатой шкалы или гаммы. Тема и рема выступают в этом случае как два полюса указанной шкалы, а само актуальное членение будет признано категорией, существенно характеризующей любое предложение потенциально способное к ее выявлению. Отсюда становится неизбежным признание не только за ремой, но и за темой возможности отражать новые элементы информации.

“Тематизирующие” и “рематизирующие” свойства разных языковых элементов показаны Я.Фирбасом в рамках его трехслойного деления средств выявления функциональной перспективы как шкалы коммуникативного динамизма.

Среди них различаются средства просодические (для устной речи), грамматические (порядок слов, конструкции, формализованные слова) и семантические.

В изолированных предложениях информативная перспектива естественно распределяется в направлении от подлежащего-темы к группе сказуемого, причем конкретное выражение такого распределения достигается соответствующей расстановкой слов, сопровождаемой наиболее обычными

интонационными рисунками. Такое направление информативной перспективы считается универсальным явлением в языке.

Однако информативная перспектива существенно меняется при рассмотрении их в контексте речи. Контекстно-связанный характер актуального членения ярко иллюстрируется на таких примерах, где тематические элементы подвергаются нулеванию. Рассмотрим данное положение на следующих примерах:

“I’m surprised I should like a short prayer meeting”.

“We should like a short prayer meeting”.

В изолированных полносоставных предложениях актуальное членение естественно согласуется с подлежащно-сказуемой структурой. Сравним с неполносоставными трансформами в контексте, обуславливающим смещенную картину информативной перспективы:

“You one no more surprised than I am, Sister Ingalls,” said the Reverend Alden.

“Yes, Brother Alden, I should like that”, said Ma, I’m sure we all would” (L.I.Wilder. By the shores of Silver Lake).

“We must trust in the Lord to do all things for our best good”, said the Reverend Alden. “Shall we have a short prayer meeting all of us together when you’ve finish the dishes?”.

“Yes, Brother Alden, I should like that”, said Ma, I’m sure we all would” (L.I.Wilder. By the shores of Silver Lake).

Сопоставим с диалогической речью из современной казахской драматургии:

«-Сәлемет пе? – деп ақырын жымың етті». «Өйткені кеше қызу үстінде қаттырақ кеттім бе, бірдеңедеп қойдым ба деп, ұйықтап тұрғалы зәресі жоқ еді». «Майдалап болған соң, енді бір састырайын» деген кісіше»:

«-Бүгін сіздің баяндамаңыз болады екен, - деп бір жапырақ қағазды ұсынды».

«-Барлық материалды жинап, реттеп беріңіз, - деді».

«-Болады, - деп Тыпаң иек қақты да, шығып кетті».

Рассматривая актуальное членение осложненных предложений в рамках деривационно-парадигматической системы, можно выявить три основных подсистемы, находящихся в сложных деривационных отношениях: система ядерных структур (чистые формации), подсистема функционально-предикативных трансформов (трансформационное выражение семантики предикативных единиц) и подсистема конструктивных трансформов (трансформационное объединение ядерных структур в более сложные конструкции, “контекстное введение” предложения).

В данных подсистемах в английском и казахском языках реализуются два принципиально различных синтаксических процесса. Один процесс - формационный (образовательный), реализующийся в развертывании конструкции по знаменательным узлам (синтаксическим элементам), другой же - трансформационный (преобразовательный), связанный с выражением различных функциональных значений на базе некоторой знаменательно-развернутой конструкции.

Таким образом, в рамках концепции парадигматического синтаксиса актуальное членение получает статус чисто трансформационного. Сущность основных компонентов информативной перспективы (темы и ремы) является строго функциональной, поскольку отнесение той или иной знаменательной части предложения к теме или реме определяется характером осмысления знаменательного элемента включённого в формационные связи высказывания.

Учет трансформационной природы информативной перспективы помогает понять соотношение двух универсальных видов членения предложения. Эти членения неравноценны ни в деривационном, ни в функциональном плане. Соотношение между ними таково, что актуальное членение накладывается на фразово-зависимостное членение, компоненты которого через соответствующую формальную процедуру получают либо тематический, либо рематический, либо некоторый промежуточный статус, выражая этим функциональную семантику информативной перспективы в рамках контекста разворачивающейся речи.

Рассмотрим тема-рематическую организацию осложненных предложений и их роль в текстовом окружении (диктете) в английском и татарском языках.

Так, если в предложениях полной предикативной структуры с подлежащно-сказуемостной структурой сужденческая основа выражена через отношения субъекта и предиката, то в предложениях с полупредикативными комплексами она в обоих языках не находит полного выражения в поверхностной (синтагматической) структуре, а выявляется на глубинном уровне при парадигматическом анализе данных синтаксических конструкций при сопоставлении деривационных рядов предложения.

Рема сообщения в сопоставляемых языках содержится в том случае, если оно выражено двусоставной структурой предложения. В односоставном предложении тема-рематическое деление в том и другом языке несколько затруднено, так как такое предложение бывает не расчленено по информативной перспективе, которая определяется через контекст.

Элементы предложения, отражающие уже известные слушателю сведения, как правило, выделяются в анализе с помощью простого отождествления со словесными составляющими предыдущего текста, то есть с предметными дублерами, которыми они и являются. Остающаяся часть словесного состава для каждого данного предложения автоматически определяется как область новой информации. Такое выделение рематической части предложения, по нашему мнению, универсальное явление в языке.

Подобное понимание актуального членения как бы поддерживается соотношением темы и ремы в типичных для спокойного повествования цепях связанных предложений, в которых рема предшествующего предложения переходит в тему последующего, а тематический состав предложений становится связующим звеном между передаваемыми мыслями. Приведем отрывки текста монологической речи художественных произведений из современных английского и казахского языков:

“I had walked through the memory field rooms, now *covered with dust-sheets*, and *sad and silent* farewell to the home I had know all my life. And my aunt’s

consoling voice had come back to me: “My dear Charlotte, it is all for the best. With your mother’s death this will help *ease the loneliness*”. (J.W.Brown. Penross Manor).

“She felt a vague irritation. And this feeling, which she had thought momentary, she found *to be recurrent*. Her state of mind, indeed, like the weather, *turned cold* again and *torpid*” (J.Galsworthy. In Chancery).

«Ойбай-ау! Менің күйеуім ше? Ол енді менің маңыма жолдар ма? Орыстан қалған салдаманды ол неғылсың! Тым болмаса бұзылмаған қаймағым соған да бұйырмады-ау!.. Ол алмаса, онда мені кім алады? Мен бір ел-жұртқа әйгілі көзге шыққан сүйел болған екем ғой!» (Жүсіпбек Аймауытов. Ақбілек).

Сравним последовательные переходы ремы в тему в разговорной и диалогической речи в английском и казахского языках.

“Beside the priest was the guard in the Wehrmacht uniform. The two Greeks impersonating German officers stood by an iron door in the left wall facing the tunnel. The priest spoke:

“We’ve followed you since Montbeliard. You are a thousand miles from London. The English can’t protect you. We have routes south, they know nothing about”.

“The English?” Fontine stared at the priest. “You are from the Order of Xenon”

“We are .”

“Why do you fight the English?”

“Because Brevourt’s a liar. He breaks his word.”

“Brevourt?” Victor stunned, nothing made sense. “You’re out of you mind? Everything, everything he’s done in your name! For you.”

“Not for us! For England. He wants the vault of Constantine for England! Churchill demands it! Its a more powerful weapon than a hundred armies, and they all know it. We would never see it again!” (R.Ludlum.The Holcroft Covenant).

Проследим данное явление в казахской речи:

«-Қайдан келесің?»

«-Мына...мына, - дей беріп еді».

«-Мә, саған мына-мына! – деп білеуітпен айғай басын қабат тигенде, көзінің оты жарқ етті». «Жаулық кетті жапырылып, ауыз кетті опырылып» (Жүсіпбек Аймауытов. Ақбілек).

В свете рассматриваемой трактовки актуального членения не все предложения, потенциально способные выявить его (то есть прежде всего двусоставные предложения), оказываются актуально члененные в действительности. Не каждое предложение в своем информационном составе в английском и татарском языках содержит элементы старой, уже знакомой слушающему, информации.

Необходимо делать различие между редуцированными предложениями с имплицитным актуальным членением и действительными моноремами - конструкциями, весь семантический состав, которых, представляет собой новую, еще не известную слушающему информацию.

Так, во многих неполносоставных предложениях фактический (словесный) лексический состав как в английском, так и в татарском языке может целиком относиться к категории ремы.

Так, сравним подобные предложения эквивалентного смысла, взятые в изоляции от контекста.

“... As well you should my son”.

“... I do”.

“... With my life”.

Однако парадигматический анализ, приведенных предложений выявляет в их составе нулевые формы, в которых и находит выражение тема, как уже известная и в связи с этим нулевая часть высказываний.

Сравним эти предложения эквивалентного содержания в контексте левого предложения:

“I thank my god.”

“As well you should, my son”, said the holy father of Xenope, staring at him”.
(+As well you should thank God, my son)

“We understood you have a brother, a driver for the railroads”. (+you have a brother, who as a driver for the railroads)

“I do” (I have a brother).

“Do you trust him?”

“With my life he is the finest man, I know.” (+I trust him with my life)

“You shall look into the eyes of the Lord”, said the holy Father”,- and you will not waver.

In his eyes you will find Perfect grace”.

“I thank God”, said Petride once again. (R.Ludlum. The Holcroft Covenant)

Таким образом, все приведенные предложения с нулевыми формами, в терминах рассматриваемой трактовки, в сопоставляемых языках отнесены к классу актуально-члененных, хотя с точки зрения чистой синтагматики, они не поддаются внутреннему актуальному членению. Их можно назвать, как мнимо актуально-члененные и отнести в особый структурно-синтаксический подкласс в английском и татарском языках.

Рассматривая синтаксический аспект предложения с речевым контекстом, как показывают наблюдения над сопоставляемым языковым материалом, актуальное членение является категорией, включенной в систему диктем. Если его синтаксический характер до недавнего времени как бы оставался в тени, то объясняется это также и тем, что сама система надфразовых (надпредложенческих) структур находила преимущественно литературноведно-стилистическую интерпретацию и не описывалась как область грамматики, неотъемлемая от языка во всех его видах и разновидностях.

Рассмотрим следующий диалог эквивалентного смысла на уровне оккурсем:

“Laura,” Mary whispered, “Reverend Alden told me that there are colleges for blind people.”

“What for blind people?” Carrie whispered.

“Colleges,” whispered Laura, “where they get college education.

“How can they?” Carrie asked. “I thought you had to read, to study.”

“I don’t know,” Mary said. “Anyway I couldn’t go. It must cost something. I don’t suppose there’s any chance I could.”

“Ma knows,” Laura whispered. “Reverend Alden told her too. Maybe you can, Mary. I do hope you can.” She took a deep breath and promised, “I will study hard, so I can teach school and help” (R.Ludlum. The Holcroft Covenant).

Реплики приведенного диалога взаимосвязаны и взаимозависимы при помощи определенных структурных приемов, посредством корреляции вопросительных слов “What”, “Where”, “How” и местоимений “I”, “You”, отражающих взаимозависимость высказываний контекстуально-стилистического повтора: college-college education, нулевой формы:

“I couldn’t do” (to study at the college).

“I don’t suppose there is any chance I could” (use).

“Reverend Alden told her about this” (chance).

“May be you can” (study at the college).

“I do hope you can” (study at the college).

Коммуникативная взаимосвязанность высказываний выражается соотношением “вопрос - ответ”, “ответ - уточняющий вопрос”, “уточняющий вопрос - ответ”. Рассмотрим аналогичные диалоги из казахского языка:

«-Бай қайда?»- деп сұрады.

«-Бай кеткен», - деді әйелі.

«-Қайда кетті?»

«-Субалыш коммунистер қазақ-орысты құртты ғой. Он тоғыз қазақ-орысты атып тастады. Он бес кісіні абақтаға жіберді...»

«-Оларды неге үйтіп жүр?»

«-Павлодарды актер алды деген хабар келген ғой. Осеке деген бұрынғы атаманы бар ғой...».

«-Иә».

«-Сол казак –орыстарды шақырып, жасырын собрание қылған» (Жүсіпбек Аймауытов. Ақбілек).

Таким образом, цитируемые отрезки диалогов эквивалентного смысла английского и татарского языков обладает структурно-семантической и коммуникативной цельностью и не может рассматриваться иначе, как самостоятельная языковая единица сверхфразового уровня. Членение развернутого диалога-беседы на диалогические единства в обоих языках имеет в принципе те же основания, что и членение монологической речи, а именно одновременный учет показателей семантической (тематической), коммуникативной и структурной целостности, и притом в тех ее проявлениях, которые наиболее характерны для диалогической речи.

Общая идея целого текста, предполагающая некоторую единую информационную цель его составляющих, то есть он должен отвечать двум фундаментальным свойствам полноценного текста вообще. Он должен отличаться определенной семантико-тематической цельностью, и выявлять семантико-синтаксическую связанность при переходе от одних звеньев к другим.

Связанность является одним из основных признаков единиц текста - диктем и оккурсем. Связанность вытекает из единства темы. Связанным можно считать такой отрезок текста, который содержит в себе информацию, заложенную в

предшествующих компонентах текста. Принимая семантическую связанность определяемую, прежде всего, единством темы, за одним из основных критериев высказывания мы приходим к выводу, что каждой диктеме английского и казахского языков свойственно наличие некоторого смыслового центра, вокруг которого строится все высказывание.

Текст, как целое, являясь конечной сферой выхода функций элементов языка в процессе речеобразования, представляет собой формирование знаково-тематическое. В тексте осуществляется раскрытие определенной темы, которое объединяет все его части в информационное единство что представляется, по нашему мнению, универсальным явлением в языке.

В репликах предыдущего диалогического единства происходит коммуникативное развертывание в рамках диалогического текста, в рамках определенной микротемы. Между высказываниями в диалогическом единстве наблюдается преемственность тема-рематического высказывания.

Преемственность тема-рематического развертывания нарушается при смене темы разговора, то есть на границе диалогического единства. Структура диалогического текста является последовательностью тематических блоков, следующих друг за другом. Критерием выделения таких блоков, в значительной мере, основаны на данных актуального членения, входящих в блок.

Тема способна переходить из высказывания в высказывание, то есть из одной реплики в другую без всяких изменений $T=T_1=T_2=T_3...T_n$. Тема T_1 может состоять из части T предыдущего высказывания. Актуальное членение высказывания напрямую связано не только с их содержательной или функциональной стороной, но и с коммуникативной направленностью.

Представляется очевидным, что в рамках данной концепции парадигматического синтаксиса аспект актуального членения получает статус чисто трансформационного (хотя и связан с контекстным синтаксисом).

Сущность главных компонентов информативной перспективы темы и реме является строго функциональной, поскольку отнесение той или иной знаменательной части предложения к теме и реме определяется характером осмысления знаменательного элемента, уже включенного в фразово-зависимостные, то есть формационные связи высказывания.

Именно учет трансформационной природы информационной перспективы в сопоставляемых языках помогает понять соотношение двух видов членения предложения, о котором столько дискутируют лингвисты. Эти членения сугубо неравноценны, ни в деривационном, ни в функциональном плане.

Соотношение между ними таково, что актуальное членение накладывается на фразово-зависимостное, компоненты, которого, через соответствующую формальную процедуру получают либо тематическое, либо рематическое, либо некоторый промежуточный статус, выражая этим функциональную семантику информативной перспективы в рамках контекста разворачивающейся английской и казахской речи.

2.1 Осложненное предложение функционального научного стиля в английском, казахском и русском языках

Научный стиль представляет собой информационное пространство функционирования научных речевых жанров. К синтаксическим особенностям оформления научно-технических текстов следует отнести синтаксическую полноту оформления высказывания, частое употребление клишированных структур, развёрнутую систему связующих элементов (союзов, союзных слов) и т.д.

Проблема стилистической дифференциации языковой системы является в течение долгого времени предметом обсуждения многих лингвистов. И. Р. Гальперин определяет стилистику как науку о выразительных средствах языка и специальных стилистических приемах, придающих речи особую эстетика-художественную функцию. Сходное определение стиля дается в исследовании Н.Э.Энквиста, Дж.Спенсера и М.Грегори.

И.В.Арнольд считает, “что стилистика рассматривает результаты, то есть эффект выбора тех или иных лексических, синтаксических, фонетических и других средств в разных условиях общения”.

Общим в этих высказываниях является констатация своеобразия языковых средств, используемых в различных коммуникативных ситуациях, и утверждение стилистики как науки, изучающей эти средства. Однако само понятие стиля как лингвистической подсистемы, выделяемой по функциональному признаку использования в определенной ситуации и отличающейся своеобразным употреблением общезыковых средств, приведено в других исследованиях.

Понятие о стилистической подсистеме в соотношении со всей системой языка приводится в работе В.В.Виноградова.

«Если исходить из понимания общей структуры языка как системы систем, то стиль языка - это одна из частных систем (или подсистем), входящих в общую систему» [6, 118].

Понятие о языке как системе систем дается в пособии по стилистике В.Н.Кожинной. Автор считает, что речь распадается на множество стилистико-речевых разновидностей, функциональных стилей языка.

Ю.М.Скребнев вводит понятие о стилистической подсистеме языка как о совокупности единиц и форм, их синтаксическом соединении, обслуживающих некоторую определенную сферу речевого общения. Эту совокупность подсистем он противопоставляет представлению о языке как о монолитной гомогенной системе.

Г.Изинг указывает, что предметом исследования при “изучении различных функциональных видов языка становятся системные варианты подсистемы языка, при этом критерии такой типологии должны соответствовать особенностям предмета исследования”. В работах целого ряда лингвистов вводится понятие о стилистической подсистеме языка, выделяемой по целевой установке говорящего, и делается попытка рассматривать ее на фоне общей

языковой системы, то есть устанавливается место стилистической подсистемы во всей системе языка.

Если система языка распадается на различные подсистемы, определенным образом соотносящиеся между собой, то для точного определения места стилистических подсистем в общей системе языка необходимо выделить те дифференциальные признаки, которые кладутся в основу выделения подсистем. Дифференциация различных стилистических подсистем языка не может быть обусловлена внутренними законами развития того или иного языка, но должна опираться на внешние факторы функционирования языка, то есть на экстралингвистические факторы.

Эта мысль проводится в работе Е.Ф.Тарасова, автор которой считает, что в самом языке мы не находим причин, следствием которых является существование функциональных стилей. Он предлагает искать эти причины в условиях функционирования языковых единиц в речи, то есть в условиях коммуникации.

Лингвистические подсистемы языка могут быть выделены на основе различных функциональных и коммуникативных признаков (Макс Дейчбейн - социальный признак, Джон С.Кенион - культурный уровень говорящих, Маргарет М. Брайент - локальный признака и др.), и в зависимости от выдвигаемого признака меняются число и характер выделяемых функциональных лингвистических подсистем.

В отечественном языкознании наибольшую популярность приобретает функциональный признак разграничения стилей: стиль - это форма функционирования языка, некая его функциональная разновидность. В зависимости от условий функционирования языка и связанных с ними коммуникативных задач можно выделить стилистические подсистемы языка.

О целесообразности выделения стилистической системы языка говорит И.И.Чернышева: «Правомерно ставить вопрос о стилистической системе языка, которая предполагает функционально-стилистическую дифференциацию языка с функциональным стилем как единицей подобной системы».

Выделение стилистических подсистем на основе арбитральных, внешних по отношению к языку признаков не может дать достаточно четкого представления об объеме и характере выделяемых лингвистических подсистем. На этом основании А.Я.Шайкевич предлагает использовать статистический метод, проводя исследование от объективно наблюдаемых лингвистических признаков, конституирующих стиль, к функции.

Нами проводится вслед за выделением на основе внешних функциональных признаков стилистических подсистем их внутреннее описание, то его описание коммуникативных единиц, используемых для той или иной подсистемы: фонетических, лексических, морфологических и синтаксических.

Только после подобного описания правомерно ставить вопрос о существовании данной подсистемы языка. Для этой цели мы возьмем в основу классификации внешние функциональные признаки: непосредственное - опосредствованное общение и задачи коммуникации. Причем в зависимости от

количества признаков, положенные в основу классификации, изменится число и объем выделяемых подсистем.

На основе первого функционального признака - непосредственного - опосредствованного общения - выделяются подсистемы книжной и разговорной речи, противопоставляемые друг другу в системе языка.

Однако в этом случае подсистема разговорной речи будет слишком широкой по объему и включит в себя публицистику, научный стиль, деловой разговор. При этом ее внутренние фонетические, лексические и морфолого-синтаксические особенности сотрутся из-за слишком большого объема включаемого материала. Поэтому целесообразным является прибавить к используемому функциональному дифференциальному признаку коммуникативную задачу - целевую установку говорящего.

Выделение на основе двух признаков позволяет отграничить большее число функциональных стилистических подсистем, объем которых сужается. Такие функциональные стилистические подсистемы языка, как разговорная, официально-деловая, ораторская, публицистическая, научная, поэтическая, основаны не столько на функциональном признаке (общение во всех подсистемах может быть как непосредственным, так и опосредствованным), сколько на коммуникативном и ситуативном признаках: использование для осуществления определенных целей в зависимости от существующей коммуникативной ситуации. Так, разговорный стиль используется в бытовом диалоге, официально-деловой стиль - для общения в официальных учреждениях и написания деловых бумаг, публицистический стиль - стиль публичного выступления, научный стиль - стиль изложения научных достижений.

При классификации на основе нефункционального признака - различия используемых субстанций, звуковой и графической, - выделяется устная и письменная речь. Нефункциональный признак выделения устной и письменной речи не позволяет говорить о них как о функциональных подсистемах языка.

Звуковая и графическая формы общения могут быть обнаружены в любой из выделенных нами на основе функционально-коммуникативного признака подсистем языка. Так, и разговорная, и официально-деловая, и публицистическая, и научная подсистемы языка могут существовать в двух формах: устной (звуковой форме) и письменной (графической форме) в различных речевых контекстах. Таким путем, на наш взгляд, разрешается проблема объемных соотношений между письменной, устной, разговорной и книжной речью, которая встает перед исследователями разговорной стилистической функциональной подсистемы языка.

Признание существования различных подсистем языка, реализующихся в конкретных текстах, заставляет нас примкнуть к точке зрения В.В.Виноградова, что в функциональных стилях реализуются варианты системы общенационального языка (входящие в языковые подсистемы), а общенациональный язык выступает в качестве некоего инварианта (Виноградов, 1963).

Изучение элементов стилистических подсистем языка должно проводиться в сопоставлении с общеязыковым инвариантом (план парадигматики), то есть происходит сопоставление языковых подсистем для выявления вариантных различий в функциональных подсистемах языка. И одновременно должны изучаться сами тексты (план синтагматики) для выявления языковых моделей, характеризующих ту или иную подсистему языка.

С проблемой реализации стилистических подсистем языка тесно связана проблема замкнутости и незамкнутости функциональных языковых стилистических подсистем. Понятие системы, или некой подсистемы, в которой изучаются языковые стили, заставляет предположить ее замкнутость, то есть наличие в каждой системе языка своих средств выражения. Эту точку зрения высказывают в своих работах Л.В.Щерба (1939), В.Д.Левин (1954), Р.А.Будагов (1970), И.Р.Гальперин (1977) и другие.

Однако появление в текстах различных стилей одинаковых языковых единиц заставило выдвинуть противоположную точку зрения, что специфика стилистической подсистемы языка заключается в ее незамкнутом характере. Е.Ф.Тарасов считает, что это допущение является важной предпосылкой для сравнительной характеристики функциональных стилей, в частности, для количественной характеристики.

С нашей точки зрения, более точное представление, сформулированное с учетом дифференциации языка и речи и разрешающее противоречие приведенных выше точек зрения, выдвигается Ю.М.Скребневым. Он считает, что стили “как гипостазируемое лингвистикой обобщенное представление об автономных периферийных областях подязыков следует считать принципиально непроницаемыми, то есть, используя другую терминологию, замкнутыми”.

Проницаемостью, по мнению Ю.М.Скребнева, то есть фактической способностью содержать чужеродные элементы, характеризуются не стили, а тексты. Текст в силу субъективности индивидуального речевого акта обычно не полностью реализует соответствующий стиль. Точка зрения Ю.М.Скребнева обладает тем преимуществом, что она не заставляет делать исключение из общепринятой теории подсистем. Обычно системы являются замкнутыми, а так как стиль - подсистема, то он должен отличаться замкнутостью. Как известно, лингвистическая теория является тем сильнее, чем меньше в нее входит ничем не оправданных исключений.

Необходимость изучать стилистическую подсистему языка в конкретных текстах заставляет выделять не только специфические для данного стиля элементы, но и давать им качественную и количественную характеристику. Наиболее сложным вопросом, который может быть разрешен, лишь путем количественного сопоставления языковых элементов в различных по своему характеру текстах, является вопрос о том, в каком случае в исследуемом тексте реализуется соответствующий стиль, а что может быть объяснено субъективной индивидуальностью речевого акта. При этом наибольшую трудность представляет выделение в изучаемом речевом контексте замкнутой стилистической подсистемы языка. Выделение на базе изучаемого текстового

материала наиболее типичных языковых моделей и на основе количественного сопоставления их встречаемости в различных текстах причислении их к той или иной лингвистической подсистеме языка - вот та наиболее важная задача, которую предстоит разрешить исследователю стилистических подсистем.

Но прежде чем приступить к описанию методики изучения структуры лингвистических подсистем, нам необходимо выявить те специфические языковые средства, при помощи которых выявляется внутреннее содержание функциональных языковых подсистем и модели которые нам предстоит выявить. Или, ставя вопрос более конкретно, что же нужно искать в изучаемых текстах для выявления внутреннего содержания языковых стилистических подсистем.

Вопрос о средствах выражения языковых стилистических подсистем ставился в докладе Г.В.Колшанского. Автор утверждает, что с точки зрения органического состава эти средства являются фонетическими, лексическими и грамматическими средствами языка. Нет никаких обособленных стилистических средств, есть общеязыковые средства, используемые для выражения универсальной информации.

Вопрос о том, какими конкретными средствами достигается реализация той или иной информации (научной, публицистической, художественной), - это вопрос о функциональном различии языковых средств в плане их использование в единой коммуникативной функции, каждый раз с определенным коммуникативным заданием.

Н.Г.Михайловская считает, что характеристика одного стиля предполагает такое описание элементов разных уровней языка (морфологического, лексического и фонетического), которое соотносит их по функции с языковыми элементами, используемыми в другом стиле. Эти соотносительные средства составляют категорию вариантности, непосредственная реализация которой подчинена требованиям нормы языка.

Таким образом, исследование внутреннего содержания различных функциональных подсистем языка предполагает изучение вариантности фонетических, лексических и грамматических средств по сравнению с общим инвариантом, некой нормой того или иного языка.

Одна и та же универсальная информация в зависимости от коммуникативных задач и условий функционирования языка может быть выражена при помощи различного подбора языковых вариантов, полное представление о специфичности которых может быть получено лишь путем сопоставления с языковой абстракцией, общеязыковым инвариантом.. Эти положения о сопоставительном изучении подсистем языка позволили А.Н.Мороховскому и Г.А.Лескису утверждать, что “одним из основных понятий стилистики является понятие синонима”.

А.Н.Мороховский считает, что из множества синонимов данного языка на каждом языковом уровне выделяются стилистические синонимы, то есть языковые элементы, входящие в стилистическую оппозицию как ее маркированные члены.

Г.А.Лесскис полагает, что существование стилей обеспечено синонимией, то есть наличием в языке разных языковых форм (знаков в смысле Ф.Соссюра), которые можно использовать для описания одного и того же внелингвистического факта.

Выбор стиля речи, как отмечают все исследователи, зависит от определенных условий и обстоятельств общения. Однако при этом надо иметь в виду, что стиль есть явление содержательное, что он несет некую “дополнительную информацию к основному содержанию высказывания”. Важно, что стиль не просто предопределяется какими-то особенностями общения, но и отражает эти особенности, выражает их своим содержанием.

Таким образом, необходимо при разграничении стилей языка учитывать только такие существенные и постоянно присутствующие и действующие факторы, которые могут быть отражены в содержании стилистической окраски высказывания, в стилистической информации речи.

Ясно, что цель и содержание высказывания еще не определяют выбор стиля речи и выражаются не стилистической окраской, а основным лексико-грамматическим составом высказывания.

Так, например, о погоде можно сообщить как в сугубо научном, так и в разговорном стиле, хотя в обоих случаях содержание и целевая установка будут одинаковыми.

Как отмечает В.В.Гуревич, отличие стилистической системы от грамматической или лексической в том, что у нее нет каких-либо специфических материальных единиц. В плане выражения, стилистическая информация накладывается на лексические и грамматические значения языковых единиц в качестве дополнительного семантического компонента. Далее, как он отмечает, это не может служить основанием для отрицания системности стилей.

Многофункциональность языковых единиц - явление весьма типичное, обусловленное экономностью языка, в частности представляет собой единство фонетических, грамматических и стилистических элементов. Разумеется, в выборе стилистических средств нет полной жесткости и предопределенности, однако и нет той степени свободы, которая свидетельствовала бы о произволе и бессистемности стилистических явлений.

2.2 Осложненное предложение в стиле научной речи английского, казахского и русского языков

Стиль научной прозы называют по-разному: научно-технический, деловой стиль, стиль интеллектуальной речи, стиль научного изложения и т.д.

Мы же принимаем термин “стиль научной прозы”, так как научно-технический не отражает весь стиль, а является подвидом, либо подстилем

общего научного стиля. Здесь же наряду с научно-техническим можно выделить подвид научно-гуманитарного.

Итак, данный речевой стиль признается огромным большинством исследователей языка и, приступая к характеристике и описанию стиля научной прозы, нередко подчеркивают настоятельную необходимость в его изучении.

Однако, несмотря на почти всеобщее признание того, что научная проза наряду с художественными произведениями является авторитетным источником, определяющим характер употребления тех или иных слов, число работ, посвященных анализу научной прозы, сравнительно невелико, хотя в последнее десятилетие появился ряд трудов по русской научной прозе (В.Г.Костомаров, М.Н.Кожина, О.А.Лаптева, А.В.Степанов и др.). Они в значительной степени стимулировали исследования по лингвистическому анализу научной речи.

К основным задачам стиля научной прозы следует прежде всего отнести доказательство определенных положений, гипотез, аргументацию, точное и систематическое изложение научных вопросов в целях описания явлений природы и общественной жизни, а также сообщение новых результатов исследований. В результате этого, научная проза строится в основном из ряда рассуждений и доказательств.

Традиционный подход к языковым особенностям стиля научной прозы связан с изучением структур, типичных для научного повествования. Такой подход основывается в первую очередь на рассмотрении разного рода причинно-следственных отношении, придающих научной мысли свойственную ей мотивированность. Однако особенности стиля научной прозы могут быть изучены не только путем рассмотрения языкового материала, являющегося, априорно, наиболее целесообразным для научной литературы. Не менее полезной и интересной в этом отношении представляется количественная и качественная характеристика изучения стиля с точки зрения лингвостатистики.

Способы и формы языкового обозначения действительности в стиле научной прозы весьма разнообразны. В каждом стиле преобладают те или иные синтаксические конструкции, обусловленные социальным назначением стиля. В этой связи интерес представляют особенности стиля научной прозы, которая характеризуется большой частотностью комплексов с неполной предикацией.

В стиле научной прозы прослеживается такое языковое явление, как конденсация синтаксических структур в номинативную прозу предиката. Так, в полупредикативных комплексах можно проследить два основных вида номинации: эксплицитная и имплицитная. В основе эксплицитной номинации лежит полная вербальная оформленность глубинной семантической структуры предложения. Максимальная степень эксплицитности выражений внеязыкового содержания обусловлена требованиями полного, точного и логического изложения научных фактов, гипотез, выводов. Элементы отображаемой ситуации получают прямое дискретное языковое оформление, а синтаксические связи носят здесь семантический характер, иронически отображая отношения между элементами процесса.

Эксплицитная номинация характеризуется не только наличием формальной выраженности валентностных связей, но и употреблением коннекторов, эксплицирующих связи как внутри предложения, так и в сверхфразовых единствах. В имплицитной номинации, обнаруживаемой в синтаксическом представлений в стиле научной прозы, обращает на себя внимание преобладание частичной реализации глубинной структуры с импликацией субъекта. Иллюстрацией здесь могут служить инфинитивные, герундиальные и причастные номинативы:

“One way of *studying* the linguistic development of children is, as we have already indicated, the more formal one of *tracing* step by step their *growing* mastery of the free expression with its various grammatical complexities. Now it should be possible *to select* suitable pictures and *grade* them in the order of the complexity of their general meaning, and therefore in terms of the difficulty of their comprehension for a child, and this *being* so, they could perhaps *be used* as a means of *tracing* the child's *growing* mastery over the sentence- form, since this would be reflected in his ability *to describe* their contents succinctly” (Watts. The Language and Mental Development of Children).

“*To put the instruments into operation, connect the power to the instruments from the respective power mains and switch them on by depressing the toggle switches located on these instruments*” (“Diesel Engines of surface ships”).

Проблема отбора типичных синтаксических структур очень часто является частью анализа и описания той или иной разновидности функционального стиля определенного языка. В данном параграфе приведены основные положения и выводы исследования посвященного анализу употребления осложненных предложений в английских и американских научных текстах, которое выполнено в плане описания подъязыка науки. Анализ указанных структур проводился на материале выборок, включающих 2524 случая употребления полупредикативных комплексов, которые извлечены из текстов научно-технической и научно-гумманитарной литературы. Материалом для выборки послужили статьи, опубликованные в английских, американских, русских и казахских научных журналах с 1980 по 1994 год включительно, а также отдельные монографии по лингвистике, истории, психологии, международным отношениям и технической литературе.

Рассмотрим частотность употребления структур со вторичной предикацией в текстах научной прозы трех сопоставляемых языков [3,91].

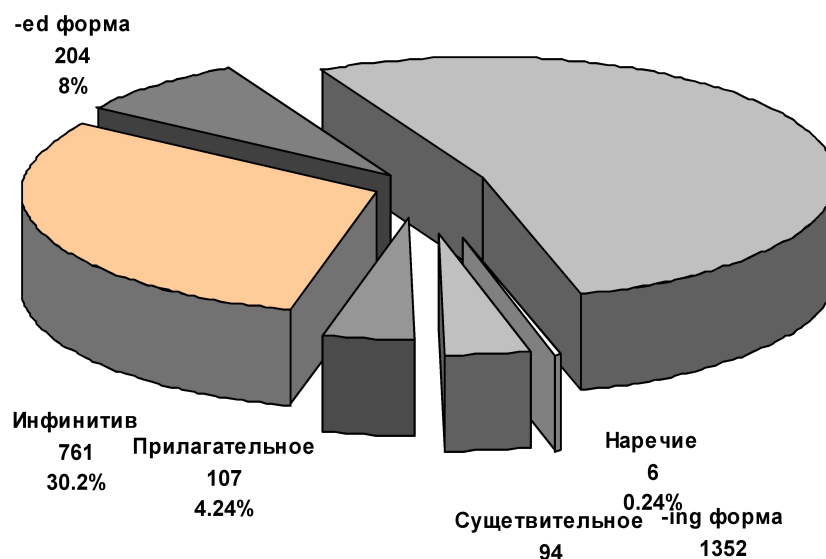

Рис. 3. Частотность структур с неполной предикацией в стиле научной прозы.

По видам выражения вторичного предиката самым распространенным примером является форма с *ing*-окончанием. Их численность из 2524 примера составляет 1352 примера с частотностью 53,6%, далее следуют примеры с инфинитивом V_{2ing} - 761 пример с частотностью 30,2 %. Употребление инфинитива в форме вторичных предикатов значительно выше аналогичного случая в стиле художественных произведений. Особо частое использование данной структуры отмечено в технической и естественно-математических областях научного познания. На наш взгляд это диктуется тем, что в технической и математической литературе доля обобщенности очень высока по сравнению с гуманитарными науками. Доля же вторичных предикатов с *-ed* формой V_{2ed} в стиле научной прозы значительно ниже в сопоставлении с художественной речью 8%.

Как мы полагаем выбор той или иной синтаксической структуры обусловлена тем фактом, что изложение языкового материала нацелено на попытку отправителя речи каким-то образом оказывать влияние на качественную характеристику информации, которая является достоянием воспринимающего. Как правило, навязывание убеждению получателю информации носит сложный, непрямой характер. Научный стиль в отличие от других стилей обладает специфическими чертами, такими как обобщенность, отвлеченность, логическая стройность и связанность речи, и выражается рядом специальных средств и способов выражения мысли. Это в свою очередь определяется выбором инфинитивных, герундиальных и причастных конструкции выражающих полупредикативность, где доля отвлеченности и обобщенности весьма велика.

Проведем статистический анализ частотности употребления структур выражающих полупредикативные отношения в стиле научной прозы в современном казахском языке [4, 92].

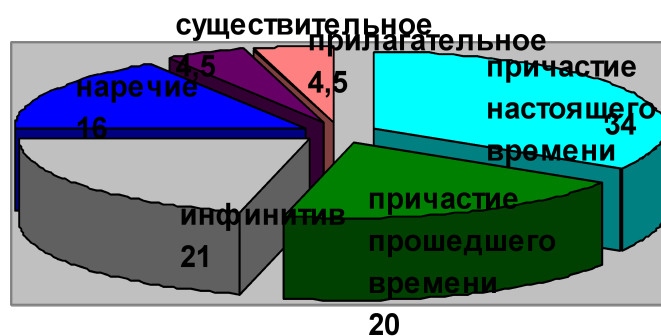

Рис. 4. Частотность использования синтаксических структур выражающих неполную предикацию в стиле научной прозы в казахском языке.

Проведенный статистический анализ показывает, что наиболее употребительной конструкцией выражающей полупредикативные отношения в стиле научной прозы являются причастия настоящего времени - из 2079 примеров на их долю приходится V_{2pp} - 712 предложений с частотностью 34%; за ними следует причастные конструкции прошедшего времени V_{2pp} - 416 примеров с частотностью 20%; далее следует инфинитив V_{2inf} - 435 с частотностью 21%; V_{2adv} - 327 примеров с частотностью 16%; на долю существительных и прилагательных соответственно 95 и 4,5%, 94 и 4,5%.

Сопоставляя количественные показатели по средствам вторичной предикации можно сделать вывод, что причастные конструкции настоящего и прошедшего времени 1128 примера являются наиболее потребительным в татарской научной речи и здесь по количеству употреблений современный татарский язык ничем не отличается от английского языка, замечено почти идентичное использование инфинитивных конструкций выражающих полупредикативные отношения. Однако, отличие заключается в том, что по количеству наречных комплексов татарский язык опережает английский, тем не менее необходимо сделать оговорку, в том что мы включаем в наречные полупредикативные конструкции комплексы с деепричастием, поскольку данные комплексы в целом не отличаются по своему семантическому признаку от наречия, так как характеризуют признаки действия и обстоятельства.

Научный стиль речи предполагает высокую концентрацию в тексте сложных синтаксических оборотов, в том числе деепричастных. Это утверждение является справедливым как в отношении русского так и в отношении казахского языков.

Итак, обратимся к статистическому анализу частотности употребления различных синтаксических конструкций в стиле научной прозы. В ниже приведенной гистограмме был подвергнут статистическому анализу материал научной литературы по психологии образования, по книге А.Ф.Уотса “Язык и умственное развитие детей” объемом в 70 страниц текста. Данные ниже приведенной диаграммы убедительно доказывают мнение многих отечественных и зарубежных лингвистов, что конструкции осложненного типа наиболее употребительны в стиле научной прозы (частотность 51%)

(Глушакова, 1984; Разинкина, 1972; Ковалева, 1976; Старикова, 1977 и др.) [5,93].

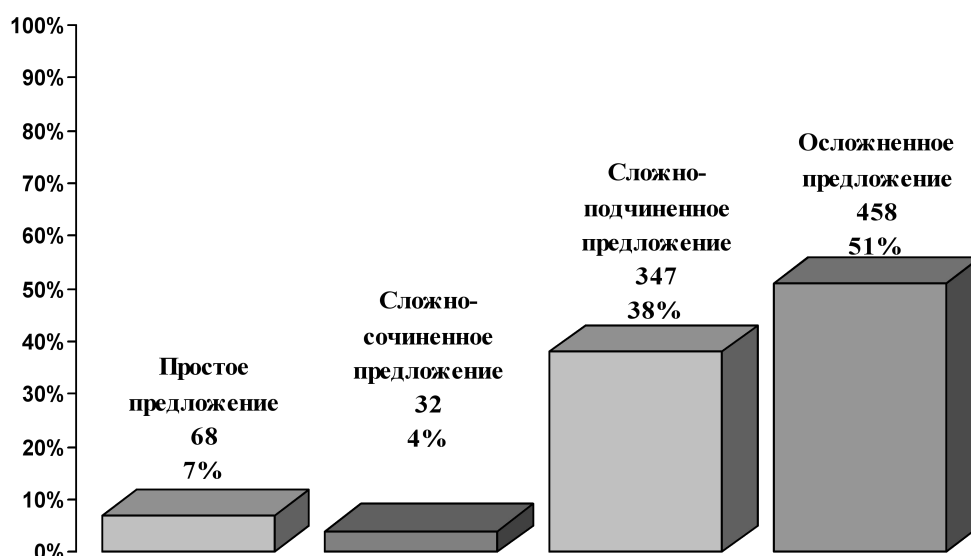

Рис. 5. Частотность употребления различных конструкций в гуманитарном подстиле научной прозы.

Рассмотрим количественные данные в научно-техническом подстиле стиля научной прозы современного английского языка и приведем сопоставительный анализ двух подстилей [6, 93].

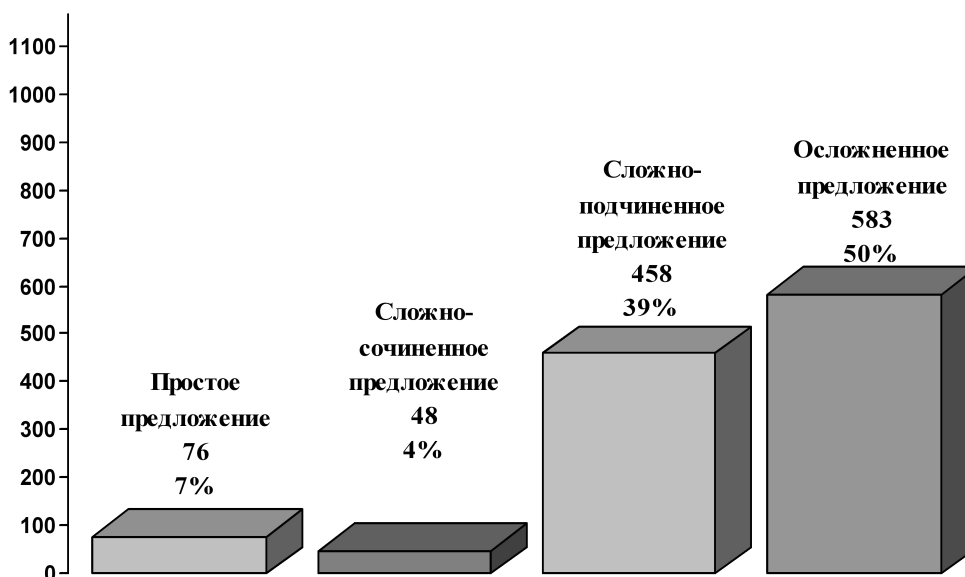

Рис. 6. Частотность употребления различных конструкций в научно-техническом подстиле научной прозы.

По распределению частотности синтаксических структур в научной литературе многочисленным по их употреблению оказались предложения осложненного типа из 1165 примеров взятых из научно-технической

литературы 583 примера с частотностью 50 %, следующим идут сложноподчиненные типы 458 примеров 39%, простые и сложносочиненные соответственно 76 и 7%, 48 и 4%.

Данные подсчеты проводились на основе научных статей из журналов по техническим и естественным наукам: “Вопросы онкологии”, “Технология и окружающая среда”, “Исследования в мировой промышленности”. Объем исследуемого материала - 70 страниц текста. Количественные данные научно-технического подстиля научной прозы показывают, что синтаксические конструкции осложненного типа наиболее употребительны в исследуемом подстиле.

Сопоставляя частотность синтаксических структур гуманитарного и научно-технических подстилей, можно сделать вывод, что в современной английской прозе доля предложений с несколькими полупредикативными конструкциями значительна, так как употребление данных структур диктуется соображением экономии языковых средств и устранению семантически избыточной информации.

Рассмотрим частотность синтаксических конструкций научно-техническом и гуманитарном подстилях научной прозы сопоставляемом казахском языке [7, 94].

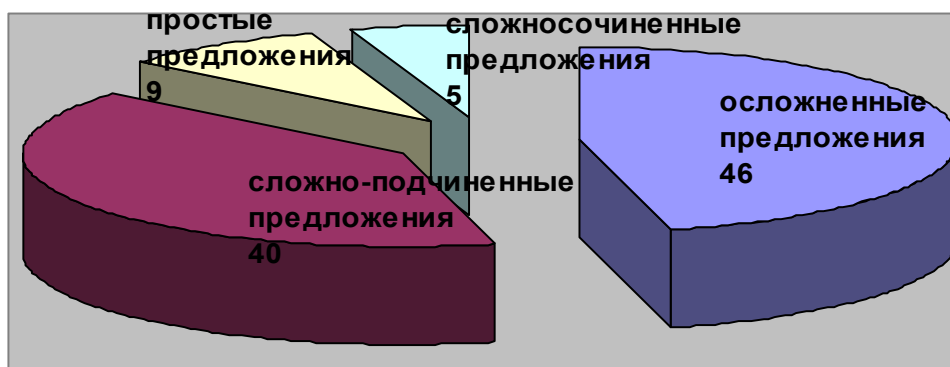

Рис. 7. Частотность употребления различных синтаксических конструкций в гуманитарном подстиле научной прозы современного казахского языка.

По частотности употребления синтаксических структур научно-технической литературе самыми многочисленными являются примеры с осложненными предложениями из 1230 примеров на их долю приходится 564 примера с частотностью 46%, за ним следуют сложноподчиненные предложения 498 с частотностью 40%; на долю простых приходится соответственно 112 и 9%, на сложносочиненные 56 и 5%.

Количественные показатели показывают, что самым многочисленными синтаксическими конструкциями употребляемые в текстах научно-технической литературы современного казахского языка являются предложения осложненного типа, что не раз доказывает и подтверждает мысль о преобладании этой синтаксической конструкции в современных языках

относящихся к разноструктурным разносистемным языкам к которым относятся сопоставляемые языки.

Количественные данные по гуманитарному подстилю научной прозы в казахском языке близки к статистическим показателем художественных произведений, что доказывает мнение о том, что в современных языках происходит взаимопроникновения и взаимовлияния между стилем разного жанра.

Итак, частотность употребления синтаксических конструкций в казахском языке в целом совпадают с количественными показателями в английском и русском языках, однако между ними имеются незначительные отклонения по некоторым конструкциям.

В целом, можно сделать вывод о широкой употребительности осложненных конструкций в современных английском и казахском языках, что данное языковое явление является универсальным для разнотипных и разноструктурных языков каковыми являются сопоставляемые языки.

Проанализируем ряд наиболее частотных синтаксических структур неполной предикации в стиле научной прозы. Для определения частотности вышеназванных структур возьмем тексты научно-гуманитарного и научно-технического подстилей объемом 70 страниц каждой. Проведем выборку неполнопредикативных конструкции с текстов в 140 страниц [7,95].

Рис. 8. Частотность использования синтаксических конструкций выражающих неполную предикацию в стиле научной прозы.

Анализ данных частотности употребления конструкций с неполной предикацией показывают, что в стиле научной прозы доля причастных конструкции самая большая 1104 примера, частотность 48 %, далее следуют инфинитивные конструкции 761 случаев, частотность 33 %, герундиальные 452 и 19 %. Широкое употребление причастных конструкции в научной литературе объясняются тем, что причастия передают динамическое описание и рассуждение, уточняющее и дополняющее основное содержание высказывания, создавая логику рассуждения и доказательства.

Обратимся к определению средней вероятности появления неполнопредикативных конструкции в стиле научной прозы. Показания будут характеризоваться следующими результатами: средняя вероятность появления причастных конструкции в научной литературе - 0,4765, герундиальных - 0,1950, инфинитивных - 0,3284. Степень вероятности появления причастных и

инфинитивных конструкции будет высокой, что характеризуют данные структуры, как наиболее часто встречающиеся в текстах научного характера [8,96].

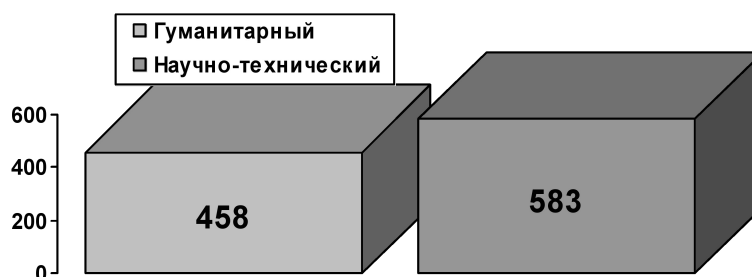

Рис. 9. Зависимостное соотношение фактора открытой предикации в разных подстилях научной прозы.

Так, полученные статистические данные в гистограмме показывают что в стиле научной прозы довольно широкое распространение получили синтаксические конструкции с полупредикативным отношением согласно среднему значению FOP - 0,318. Обращаясь к ранее приведенным данным по компрессии синтаксических структур на странице 28, рассмотрим степень компрессии в разных подстилях научной прозы в сопоставлении:

1. Гуманитарный подстиль FOP - 0,337, степень компрессии “высокая” $0,25 \geq FOP \leq 0,50$

2. Научно-технический подстиль FOP - 0,298, степень компрессии “высокая” $0,254 \geq FOP \leq 0,50$

Фактор открытой предикации в разных подстилях научной прозы современного казахского языка характеризуется следующими показателями [1, 96].

Таблица 1. Фактор открытой предикации в разных подстилях научной прозы

Подстили	Кол-во ядерных предложений	Кол-во трансформов	FOP
Научно-гуманитарный	395	1185	0,333
Научно-технический	564	1962	0,298

Гуманитарный подстиль FOP - 0,333, степень компрессии “высокая” $0,25 \geq FOP \leq 0,50$

Научно-технический подстиль FOP - 0,298, степень компрессии “высокая” $0,25 \geq FOP \leq 0,50$

В следствии этого можно придти к следующему выводу: степень компрессии для обеих подстилей трех сопоставляемых языков “высокая”, что характеризует стиль научной прозы как стиль с высокой емкостью (концентрации) информации в синтаксических структурах с неполной предикацией в английском, казахском и русском языках.

Итак, рассмотрение статистических данных стиля научной прозы современных английского и казахского языков и проведения параллельного сопоставления с данными художественного стиля приводят к следующим выводам.

В последнее время в научной литературе намечается значительный сдвиг в сторону более живого и понятного изложения научного материала. Для достижения этой цели используются некоторые языковые средства художественного стиля. Проникновение языковых элементов одного стиля в другой возможно благодаря тому, что художественный и научный стили не являются абсолютно замкнутыми системами и имеют единый предмет познания - реальную действительность.

Конечно, художественное произведение не подчиняется жестким требованиям сжатого изложения, которые предъявляются к научным работам.

В художественном произведении зачастую требуется большая детализация описываемых сцен, картин, событий. Но эти описания не дублируют, а дополняют объем информации, обогащают содержание текста посредством редуцирования полнопредикативных придаточных конструкций до полупредикативных комплексов. Детализация не чужда и научному стилю особенно при исследовании сложных объектов или при изложении ее основ и популяризации ее достижений. Но она контролируется законом экономии и устранения семантической избыточности предложений, с помощью смещения и взаимопроникновения синтаксических построений переходного типа, расширяя семантическую емкость предложения и сокращая ее синтаксическую и предикативную структуру.

Тенденция к устранению избыточной информации не навязывается языку извне, а диктуется соображением логики языка и стилистики. Это внутреннее естественное свойство языка, закрепленное в его системе и обеспечиваемое ею. Без способности к экономии средств выражения язык не может быть эффективным средством общения.

ВЫВОДЫ КО 2 ГЛАВЕ

Синтаксический анализ осложненного предложения трех сопоставляемых языков английского, казахского и русского проводится в двух функциональных направлениях: ситуативно-номинативном и модально-предикативном. Предикативность есть отнесение номинативного содержания предложения к действительности.

В качестве одной из определяющих характеристик предложения как единицы сообщения указывается его коммуникативно-установочное значение. Это значение, обобщенное в коммуникативном типе предложения в сопоставляемых языках, формируется на базе его актуального членения.

Анализ различий в актуальном членении предложений разной коммуникативной установки приводит к симметричной детализации представления общей системы коммуникативных типов предложения, в рамках которой выделяются три кардинальных коммуникативных типа (повествовательный, вопросительный, побудительный) и шесть промежуточных (по два между каждой парой кардинальных), как в английском, казахском, так и в русском языке.

На основе данной классификации коммуникативных типов предложения существует трактовка связи семантика-синтаксического строя предложения с понятийным строем суждения. Сущность этой трактовки состоит в том, что суждение, будучи заключенным в деривационной структуре любого предложения, находит тем более полное выражение в его непосредственном, “открытом” составе, чем более полно и открыто выражен в предложении повествовательный смысл.

Выделение основных моделей актуального членения осложненного предложения возможно уже на пропозематическом уровне, поскольку изолированное предложение, будучи предикативно-оформленной единицей сообщения, хотя и редко функционирует отдельно, но все же является средством выражения связанных мыслей. Но при этом немаловажную роль играет контекст, который безусловно, влияет на актуальное членение предложения, уточняя и, в некоторых случаях, видоизменяя его, что подтверждается на фактическом материале трех сопоставляемых языков.

Коммуникативная нагрузка, проявляющаяся в актуальном членении осложненного предложения, может быть привязана к любому члену предложения, не изменяя его на уровне синтаксического членения, что является универсальным средством языка как для английского, казахского, так и для русского.

Наряду с проблемами строя осложненного предложения в исследовании затрагиваются проблемы строя текста. Можно проследить органическую связь теории парадигматического синтаксиса с лингвистическим учением о тексте; эта связь является отражением того, что развернутый текст служит естественной сферой выхода всех парадигматических форм осложненных предложений. Парадигматическая семантика предложения превращается в

тексте в ситуативно-связанную информацию, передаваемую отправителем сообщения его получателю.

В результате сопоставления осложненного предложения сопоставляемых языков и сверхпредложенческих компонентов текста (сверхфразовое монологическое единство, сверхфразовое диалогическое единство, абзац, абзацная группа) обосновывается понятие элементарной тематической (топикальной) единицы текста, названной “диктема” (от латинского (dicere - говорить). Диктема, в зависимости от контекстных условий и намерения говорящего - пишущего, может быть выражена либо объединением предложений (сверхфразовое единство), либо одним-единственным предложением, поставленным в позицию особой информативной значимости.

В диктеме находят выражение четыре главных знаковых аспекта речи: название объектов и ситуаций (номинация), установление их связи с действительностью (предикация), смысловое упорядочивание их отражения, отвечающее информационной цели сообщения (тематизация), и выбор языковых форм, соответствующих условиям и требованиям коммуникации (стилизация). Лишь в объединенном выявлении этих знаковых аспектов реализуется подлинный текст как продукт мыслительно-речевой деятельности человека.

Приемственность тема – рематической организации текста нарушается при смене темы разговора, то есть на границе диалогических единств. Сущность основных компонентов информативной перспективы темы и реме является строго функциональной, так как отнесение той или иной знаменательной части предложения к теме и реме определяется характером осмысления знаменательного элемента включенного в фразово – зависимостные, формационные связи высказывания двух сопоставляемых языков

Учет трансформационной (деривационной) природы информационной перспективы двух неродственных языков каковыми являются татарский и английский языки помогают понять соотношение двух видов коммуникативного членения предложения, они в свою очередь не являются равноценными, ни в деривационном, ни в функциональном плане.

Универсальным для трех сопоставляемых языков является то, что актуальное членение накладывается на фразово-зависимостное, компоненты которого получают либо тематический, либо рематический, либо промежуточный статус, таким образом выражает этим функциональную семантику информативной перспективы в рамках речевой ситуации как в английском, казахском, так и в русском языках.

В результате рассмотрения функционирования осложненных предложений и анализа статистических данных научного стиля в современном английском, казахском и русском языках, можно сделать следующие выводы: определение и выявление специфических черт стиля представляется правомерным лишь на основе сопоставления особенностей научного стиля в трех языках. Следует признать заслуживающим внимания попытку характеристики стиля на основе статистических данных. Количественный метод в сочетании с качественным анализом призван сделать исследование более точным, менее зависящим от

субъективных впечатлений. За внешней синтагматической репрезентацией композитно-структурированных высказываний стоит простейший принцип конекции предикативных единиц и их деривационной базы, подобный принцип применяемый многократно, дает в результате высказывания теоретически неограниченный предикативный объем и сложные соотношения между его клаузами.

В границах синтагматико-парадигматических соотношений учитываются как конструкционные, так и семантические признаки базовой конструкции и особенности их модификации в процессе парадигматического производства исследуемого языкового явления. При равенстве деривационных предложений исходным предложениям, FOP будет равен единице. Значение FOP будет находиться в пределах от нуля до единицы. Чем значение FOP ближе к единице, тем компрессия предложения будет меньшей, чем ближе к нулю тем выше его компрессия. Вторичная предикация, создающая осложненное предложение в двух сопоставляемых языках, благодаря разнообразию структурных форм, нередко становится мощным синтаксическим средством, которое используется для создания экспрессивно-стилистического момента. Концентрированное использование полупредикативных комплексов является не столько средством экономии языковых средств, сколько стилистическим средством, как в английском, казахском, так и в русском языках.

Количественный и качественный анализ осложненных предложений современного английского, казахского и русского языков показывает, что степень компрессии в языках очень высокая. Широко используются осложненные предложения в научной речи, но в большей мере они присущи рассуждению и описанию, так как для этих типов речи характерны динамизм и логическая стройность и последовательность событий в трех сопоставляемых языках. Сделанный количественный анализ стиля научной прозы подтверждает, что английский, казахский и русский языки на современном этапе своего развития стремятся к экономии языковых средств путем конденсации информации в сжатой форме, широко используя конструкции с полупредикацией. Экономия речи заключается не столько в сокращении физического объема конструкции, сколько в сокращении ее предикативного объема. А это выявляется в рамках парадигматического анализа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование было посвящено изучению простых предложений английского, казахского и русского языков, осложненных полупредикативными комплексами, структурно-семантический статус которых заключается в создании дополнительного информационного плана высказывания.

Анализ предложений с неполной предикацией проводился в рамках системно-парадигматического подхода и сопоставлении трех языков, на основе которого выявились специфические особенности и интегральные признаки структурно-семантического осложнения предложения как единицы текста и факта языка.

Отправной точкой для нас явилось то обстоятельство, что осложненное предложение - это предложение, которое представляет собой самостоятельную категорию синтаксиса. Это полипредикативное предложение со слитным выражением предикативных линий. При этом один из компонентов - "главный" обладает структурой предложений, то есть укладывается в рамках "подлежащее - сказуемое" выражая полную предикацию, другой же - "включенный" остается в рамках полупредикативности и не обладает полной структурой предложения, оставаясь при одном подлежащем. Оно включает комплексы со вторичной предикацией: инфинитивные, герундиальные, причастные и безглагольные.

По нашему мнению, осложненное предложение - это структура переходного типа, соединяющая в себе признаки полипредикативности и монопредикативности. Это особый тип предложения, который, в отличие от простого предложения, имеет два и более предикативных центра.

Основополагающим принципом построения любого предложения является наличие в нем предикативности. Предикативность следует рассматривать как отличительный признак предложения как единицы речевого общения и как обязательное условие его существования. Это свойство раскрывается через категории модальности и темпоральности, которые относят номинативное содержание высказывания к действительности.

Являясь выразителем предикации, предложение является существенным элементом выражения именно с точки зрения строя текста. Textoобразующую функцию предложение выполняет в диктеме. Диктема - это синтаксическая последовательность самостоятельных предложений с широким ситуативным планом семантики. Это предельно элементарная единица текста, формируемая предложениями. Важнейшим функционально-языковым аспектом речи, выявляющимся в диктеме как непосредственном и синтаксически релевантном звене перехода от слова через предложение к целому тексту, является номинация.

В полупредикативных комплексах можно выделить два основных вида номинации: эксплицитную и имплицитную. В основе эксплицитной номинации лежит полная вербальная оформленность глубинной семантической структуры. В имплицитной номинации обращается внимание на преобладание частичной формы реализации глубинной структуры с импликацией субъекта и других частей предложения. Редким из свойств осложненного предложения является

выражение актуального членения предложения. В синтаксических конструкциях с неполнопредикативным комплексом, относящимся к одному из слов в базисном, матричном предложении, последнее является носителем минимума информации, в то время как неполнопредикативный комплекс содержит дополнительную информацию о том, что известно из предыдущего главного предложения, и выступает аналогом ремы простого предложения.

Этому способствует постпозиция неполнопредикативного комплекса, и, следовательно, “коммуникативный центр высказывания” - то, ради чего все высказывание состоялось, находится во второй части осложненного предложения и выделяется соответствующим интонационным рисунком.

Однако необходимо отметить, что рематическая часть не всегда находится в конечной позиции. Отсюда следует, что рема - выражение предложения зависит не только от его места в структуре предложения, но и от контекста. Языковые единицы существуют в определенных объективных связях линейном (синтагматическом) и системном (парадигматическом) планах выражения.

Синтагматический план анализа имеет своей задачей изучение приемов расположения языковых элементов в линейной последовательности в силу того, что синтагматика есть воплощение лексических единиц в линейных связях между элементами целого.

Парадигматический план анализа предполагает исследование системных отношений языковых единиц. Парадигматический синтаксис различает форму и парадигму предложения, ставя их в определенную параллель с формой и парадигмой слова.

Таким образом, синтаксическая парадигматика включает ряд языковых структур, соотносимых и объединенных на синтаксическом уровне по обобщенному вариативно-инвариантному принципу выражения категориального синтаксического значения, инвариантная часть; образуемая позиционно-валентностной предложенческой конструкцией, отождествляет структуры в парадигматическом единстве; вариативная же дифференцирует структуры как разные формы парадигмы, реализующие соответствующие видоизменения категориального синтаксического значения в двух сопоставляемых языках.

Так, если морфологическое парадигматическое изменение сигнализирует семантическую модификацию слова (лексему) в некоторой позиции внутри предложения, то синтаксическое парадигматическое изменение в содержательном плане затрагивает предложение в целом. Отношение между этими парадигмами таково, что морфологическая парадигма входит в состав синтаксической: парадигма слова обслуживает парадигму предложения и существует только в ней и для нее.

Тождество форм предложения в рамках синтаксической парадигматики реализуется синтаксемой - изменяемой единицей, стоящей над отдельно взятым предложением в различных парадигматических рядах. Синтаксическая парадигма на уровне предложения формируется не одним и тем же предложением, взятым в разных формах, а заведомо разным предложением,

представляющие собой вариативность одной и той же знаменательной препозитивной модели.

В концепции парадигматического синтаксиса выделяется две главные системы деривационных отношений предложения предикативную и конструктивную. В предикативной системе посредством синтаксической оппозиции выражается вся сумма предикативных значений, необходимых для существования любого предложения. В конструктивной системе осуществляется построение предложений разной степени сложности, объединяемых тождеством соответствующей синтаксемой.

Предложение-высказывание в реальной речи может быть более или менее сложным в зависимости от номинативного и ситуативного смысла. Для того, чтобы дать простейшую оценку сложности предложения следует определить и соотнести друг с другом две фундаментальные характеристики предложений английского, казахского и русского языков, а именно: линейно-предикативную и деривационно-предикативную, приводящих предложение к его ядерной деривационной основе. В границах синтагматико-парадигматического соотношения необходимо учитывать как конструкционные, так и семантические признаки ведущих базовых конструкций и особенности их модификации в процессе парадигматического производства исследуемого языкового явления.

Особый интерес в конструктивном синтаксисе сопоставляемых языков представляют осложненные предложения, образуемые соединением полнопредикативной конструкции с полупредикативной. Эти предложения более номинативны. Они передают необходимую сумму пропозитивных значений в сжатом, сокращенном виде.

Отличительным свойством неполнопредикативных конструкций является компактность, концентрированность подачи информации, способность сообщать явления объективной действительности в сжатой форме, что приводит к сокращению объема синтаксических конструкций. В лингвистике они трактуются как выражения с повышенной смысловой емкостью.

Концентрированность подачи информации приводит к экономии речи. Языковая экономия заключается не только и не столько в сокращении физического (фонетического) объема высказывания, а в сокращении его предикативного объема, что выявляется в рамках парадигматического анализа, как английского, казахского, так и русского языков.

Полупредикативность, создающая осложненное предложение, благодаря многообразию структурных форм, нередко становится мощным синтаксическим средством, которое используется для создания экспрессивно-стилистического момента трех сопоставляемых языков.

Нами было исследовано употребление осложненных предложений в научной речи современного английского, казахского и русского языков. Определение и выявление специфических черт стиля представляется правомерным лишь на основе сопоставления особенностей каждого языка друг с другом. Следует признать заслуживающей внимания попытку характеристики стиля, определение его дифференциальных признаков на основе данных статистики. Статистический метод в сочетании с качественным анализом

призван сделать исследование более точным, менее зависящим от субъективного впечатления.

Отношение тождества между предложениями с полной предикацией ведущей, основной конструкции и предложений с вторичной предикацией, то есть предложений придаточного типа, могут быть проверены при помощи трансформационного анализа и базируются на тождестве семантико-синтаксических связей между их членами и тождестве лексического состава, то есть на парадигме синтаксемы.

Проведенный количественный анализ стиля научной речи подтверждает данные о том, что английский, казахский и русский языки на современном этапе развития стремятся к экономии языковых средств путем конденсации информации, широко используя при этом конструкции с нефинитными глаголами. FOP стиля научной речи характеризуется высокой степенью компрессии.

В стиле научной прозы прослеживается явление компрессии структур в номинативную форму предиката. По частотности выражения структур вторичной предикации в стиле научной прозы самими многочисленными являются структуры с нефинитной формой глагола. FOP для стиля научной прозы согласно таблице градации степени компрессии синтаксических структур будет высоким как в английском, казахском так и в русском языках.

Использование количественных методов изучения интегральных и дифференциальных признаков функциональных стилей современного английского языка на уровне осложненного предложения и текста, а также при сравнении языков различного типологического строя позволяет получить эффективные и достоверные результаты.

Статистический анализ установил, что значение FOP для трех сопоставляемых языков будет высоким в научном стиле, что является уже универсальным явлением для английского, казахского и русского языков.

В результате количественного изучения предикативного объема на основе парадигматики глагольных форм, выяснилось что в английском, казахском и русском языках по сравнению полнозначными глаголами активно употребляются полуглагольные формы выраженные безглагольными, причастными, инфинитивными, герундиальными комплексами в английском языке и безглагольными причастными, инфинитивными и деепричастными комплексами в казахском и русском языках.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, это самой распространенной синтаксической конструкцией в научном современном английского, казахского и русского языков является структура предложения осложненного типа.

Это обусловлено законом языковой экономии и устранением семантической избыточности предложения с помощью взаимопроникновения синтаксических конструкции переходного типа которые расширяют семантическую емкость предложения и сокращают ее синтаксическую структуру. Тенденция к устранению избыточной информации не навязывается языку извне, а диктуется соображением логики и стилистики языка.

Вторичная предикация, создающая осложненное предложение, благодаря разнообразию структурных форм и возможностей выражения диапазона семантических характеристик, становится мощным синтаксическим средством, используемым для создания экспрессивно-стилистического момента в английском, казахском и русском языках. Особый интерес вызывает использование полупредикативных комплексов в осложненных предложениях, служащее экспрессивным целям в процессе реализации замысла автора.

Варьирование насыщенного неполнопредикативными конструкциями текста проявляет особенности стиля произведения, показывает соотношение нейтрального и экспрессивного. Также концентрация средств вторичной предикации является синтаксическим средством, характеризующим стиль того или иного автора в сопоставляемых языках.

Коммуникативная нагрузка проявляющаяся в актуальном членении предложений, может быть привязана к любому члену предложения, не изменяя его на уровне синтаксического членения.

Прослеживается органическая связь теории парадигматического синтаксиса с лингвистическим учением о тексте; эта связь является отражением того, что развернутый текст служит естественной сферой выхода всех парадигматических форм предложений. Парадигматическая семантика предложения превращается в тексте в ситуативно-связанную информацию, передаваемую отправителем сообщения его получателю.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1.Золотова Г. А. О структуре простого предложения в русском языке // Вопросы языкознания. –Л., 1967. – С. 90 – 101.
- 2.Москальская О. И. Проблемы семантического моделирования в синтаксисе // Вопросы языкознания. – М., 1973. – С. 33 – 43.
- 3.Есенов Х.М. Синтаксис осложненного предложения в казахском языке. - Алматы, 1992. -207с.
- 4.Блох М. Я. Теоретические основы грамматики. – М.: Высшая школа, 2000. -383с.
- 5.Потебня А. А. Из записок по русской грамматике.– Харьков, 1888. -539с.
- 6.Виноградов В. В. «Синтаксис русского языка» // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М., 1950, - С. 75 – 126.
- 7.Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. - М., 1988. - 656с.
- 8.Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке//Вопросы синтаксиса современного русского языка. - М., 1950. -385с.
- 9.Барсова О.М. Двусоставные безглагольные предложения в современном английском языке // Научные доклады высшей школы. –М., 1959. № 2.
10. Бархударов Л. С. Язык и перевод. - М., 1966. -240с.
11. Хомским Н. Теория порождающих грамматик. – Москва, 1962. -132с.
12. Адамец П. Очерк функционально-трансформационного синтаксиса современного русского языка. - Прага, 1973. -136 с.
13. Золотова Г. А. О регулярных реализациях моделей предложения // Вопросы языкознания. – Л., 1969. – С. 67 – 78.
14. Седельников Е.А. Парадигма предложения. 1961, -187с.
15. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. -М., 1959. -439с.
16. Ахмановой О.С. Словарь лингвистических терминов. – Москва, 1966, -56с.
17. Гухман М.М. Грамматика словоформ. –М., 1968. – С. 123-124.
18. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка. - М., 1998. -528с.
19. Руднев А. Г. Синтаксис современного русского языка - М.: Высшая школа, 1968.- 319с.
20. Дмитриева Л.К. Осложняющие категории и осложнение. - М., 1982. -100с.
21. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. – М.: Учпедгиз, 1941. -620 с.
22. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды: Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 53 – 87.
23. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1934.- 452с.
24. Темиргазина З.К. Оценочные высказывания в русском языке. – П., 1999. - 270с.
25. Бабайцева В. В. Односоставные предложения в современном русском языке. – М.: Просвещение, 1968. -160с.
26. Прияткина А. Ф. Русский язык. Синтаксис осложнённого предложения. – М.: Высшая школа, 1990. -176с.

27. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. -М., 1969. -84с.
28. Ревзин И. И. Современная структурная лингвистика. -М., 1977.-212с.
29. Бектурова А. Ш. Казахский язык для всех. Алматы: Атамұра, 2004. -203с.
30. Стеблин-Каменский. К вопросу о развитии древнеанглийского поэтического стиля (субстантивный эпитет в древнеанглийской поэзии). –Л., 1946. С. 7–60.
31. Иофик Л.Л. Проблема структуры сложного предложения в новоанглийском языке. -М., 1972. -157с.
32. Адмони В. Г. О двусоставности предложения // Уч. зап. Первого ЛГПИИЯ, новая серия. – Л., 1955. – Вып.2. – С. 131 – 172.
33. Колшанский Г. В. Компоненты структуры текста // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – М.: 1981. Вып. 170. – С. 3 – 12.
34. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. – М.: Учпедгиз, 1941. -620с.
35. Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. - М., 1965.-426с.
36. Арутюнова Н. Д. Вариации на тему предложения // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. – М.: Наука, 1969. – С. 38 – 48.
37. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке.– М.: УРСС, 2006. – 122 с.
38. Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1973. – С 349 – 372.
39. Москальская О. И. Проблемы семантического моделирования в синтаксисе // Вопр. языкознания. 1973. – № 6. – С. 33 – 43.
40. Сусов И. П. Семантическая структура предложения. – Тула, 1973. – 141 с.
41. Кононов А.Н. Актуальные проблемы тюркского языкознания // Вопросы языкознания. –Алматы: Наука, 1984. № 6. – С. 3-13.
42. Арсланов В. Ш. Диктемаобразующая функция сложноподчиненных предложений английского, русского и татарского языков // Языковые уровни и их анализ (на материале языков разных систем) – 2006: Ежегодник. – Казань: Gumanitarya, 2007. – С.82-88.
43. Петрова А. Г. Феномен осложнения предложения в английской лингвистике // Вестник Саратовского госагроуниверситета им. Н.И. Вавилова. – Саратов: Изд-во СГАУ, 2006. № 5 – Вып. 3. – С.87-88.
44. Саурбаев Р.Ж. Осложненные предложения в английском и татарском языках.- Сургут, 2007. – 360с.
45. Петрова А. Г. Синтаксическое осложнение как явление синтаксиса в английском языке // Культурологические и лингвистические аспекты коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: ИСО, 2006. – Вып. 6. – С.17-24.
46. Швец (Петрова) А. Г. Формально-синтаксическое осложнение предложения (на материале русского и английского языков): Авто-реф. дисс. канд. филол. наук. – Саратов, 2006. -20с.

47. Кобрина Н.А., Корнеева Е.А., Осовская М.И., Гузеева К. А. Грамматика английского языка: Морфология. Синтаксис (на английском языке). - СПб., 1999. - 196с.
48. Вафеев Р.А. Выражение причинно-следственных отношений в русском и татарском языках. - Тобольск, 2000.
49. Греч Н. И. Чтения о русском языке. – М., 1840. – 264с.
50. Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – М.: Наука, 1988. – 310с.
51. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. М., 1961.- Т.2.- 344 с.
52. Абдурахманов Г.А. Узбек тили синтаксисидаги мураккаб гаплар масаласига доир // Узбек тили ва адабиети масалалари. – Ташкент, 1962. – С.5 – 11.
53. Абдурахманов Г.А Хозирги узбек адабий тили. – Ташкент, 1966. – 322с.
54. Абдурахманов Г.А. Синтаксис осложненного предложения: К некоторым спорным вопросам синтаксиса тюркских языков // Структура и история тюркских языков: Сб. ст. – М.: Наука, 1971. – С. 138 – 147.
55. Давлетов М. Структурные типы простого осложненного предложения в современном каракалпакском языке: дис. д-ра филол. наук. – Ташкент, 1989. – 326с.
56. Есенов Х.М. Синтаксис осложненного предложения в казахском языке. – Алма-Ата, 1992. – 207с.
57. Демесинова Н.Х. Развитие синтаксиса современного казахского языка. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1974. – 171с.
58. Черемисина М.И. О сложности и осложненности предложений в тюркских языках Южной Сибири // Вопросы советской тюркологии. – Ашхабад, 1988. – С. 230 – 234.
59. Сайкеев Х.М. Грамматические категории глагола в русском и казахском языках. –Алматы: Наука, 1973.- 196с.
60. Исенгалиева В.А. Тюркские глаголы с основами, заимствованными из русского языка. –Алматы: Наука, 1985.- 236с.
61. Бектуров Ш. Қазақ тілі. –Алматы: Мектеп, 1979.- 146с.
62. Нурмуханова Э.Н. Қазіргі қазақ тілі. – Алматы: Мектеп, 1982.- 321с.
63. Кордабаев Т. Қазіргі қазақ тіліндегі етістіктердің шак категориясы. – Алматы: Мектеп, 1953.-178с.
64. Греч Н. И. Чтения о русском языке. – М., 1840.-267с.
65. Егенов Х.М. Синтаксис осложненного предложения в казахском языке. Алматы: Изд. «Ғылым», 1992.- 354с.
66. Исаев С. Сопоставительная типология казахского и русского языков. Алматы: Изд. «Санат», 1996.- 215с.
67. Болтабаева Х. Узбек тилида мураккаблашган содда гаплар. – Ташкент: Фан, 1969. – 174с.
68. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – М., - 219с.
69. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике. – М., 1990. – 167с.

70. Прияткина А.А. Союзные связи в простом предложении. -Владивосток, 1978. – 336с.
71. Закиев М.З. Синтаксический строй татарского языка. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1963. – 464с.
72. Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. -М., 2000.
73. Колосова Т.А. Русские сложные предложения асимметричной структуры. - Воронеж, 1980. – 267с.
74. Чаленко Е.С. Преобразование сложного предложения в результате его компрессии: Автореф. дис. канд. филол. наук. -Воронеж, 1989.
75. Бабалова Л.Л. Семантические отношения причинных и условных предложений в современном русском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. -М., 1974.
76. Теремова Р.М. Функционально-грамматическая типология конструкций обусловленности в современном русском языке: Автореф. д-ра. филол. наук. -Л., 1988.
77. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по синтаксису. -Новосибирск, 1987.
78. Бектурова А. Ш., Бектуров Ш. К. Казахский язык для всех. - Алматы: Атамұра, 2004.
79. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. -М., 1969.- 178с.
80. Гарипов Т. М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. -М., 1974.-167с.
81. Мельников Г.П. Номинативный ракурс языкового типа и стадийная классификация языков. - М., 1999. -59с.
82. Бабайцева В.В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация / В.В. Бабайцева.– М.: Просвещение, 1979. – 269с.
83. Бабайцева В.В. Современный русский язык. – М.: Просвещение, 1987. – 256с.
84. Давлетов М. Структурные типы простого осложненного предложения в современном каракалпакском языке: дис. д – ра филол. наук.– Ташкент, 1989. – 326с.
85. Кузьмичева В.К. Экспериментально-фонетические исследования интонации обращения в современном русском языке // Ученые записки МОПИ им. Н.К. Крупской. – М., 1964. – Т. 148, вып. 10. – С. 324 – 346.
86. Литвиненко Е.В. Семантическое и синтаксическое осложнение структуры предложения в результате обособления и парцелляции его компонентов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Киев, 1984. -44 с.
87. Марков Ю.Г. Функциональный подход в современном научном познании. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние., 1982. – 156 с.
88. Мигрин В.Н. Принципы изучения членов предложения // Филологические науки. Л., 1961. – С.50 – 52.
89. Торсуев Г.П. Фонетика английского языка. – М., 1950. – 289с .
90. Троицкий Е.Ф. Сочинение тождественных членов // Русский язык в школе. –М., 1977. – С.104 – 106.

91. Галлямов Ф.Г. Осложненное предложение в татарском языке. – Казань: Gumanitarya, 2005. – 264с.
92. Петрова А. Г. Проблемы осложненного предложения в современной лингвистике // Культурологические и лингвистические аспекты коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: ИСО, 2004. – Вып. 4. – С.33-35.
93. Прияткина А. Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.
94. Рахимова А. Р. Türk Dilbilgisi. Төрөк грамматикасы. – Казань: КГУ, 2002. – 336 с.
95. Stoker B. Dracula. – London: Penguin Popular Classics, 1994. – 449 p.
96. Потенция А.Д. Из записок о русской грамматике. -М., Просвещение, 1977.
97. Русская грамматика. -М., Наука, 1980.- 164с.
98. Сопоставительная грамматика русского и казахского языков // Морфология. -Алматы: Мектеп, 1967.-138с.
99. Әбілқайып А. Қазіргі қазақ тілі. –Алматы: Мектеп, 1964.-262б.
100. Балакаев М.Б. Современный казахский язык // Морфология. –Алматы: АН Каз. ССР, 1966.- 219с.
101. Баранов М.Т. Русский язык. Справочные материалы. –Москва: Просвещение, 1987.-143с.
102. Валгина Н.С. Современный русский язык. –Москва: Высшая школа, 1987. -343с.
103. Маманов И.Е. Қазіргі қазақ тілі. Алматы: Мектеп, 1966.-238б.
104. Сайкиев Х.М. Сопоставительная грамматика русского и казахского языках. -Алматы: Наука, 1966.-341с.
105. Грамматика русского языка. –М., Издательство, -978с.
106. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык.. - М., 1987. - 271с.
107. Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. - М., 1965.-426с.
108. Бондаренко И.В. Союзные инфинитивные конструкции со специфической зависимой частью в современном русском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. -Томск, 1982. -329с.
109. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. -Л., 1967. - 191с.
110. Брицын В.М. Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке. - Киев: Изд-во АН УССР, 1990. - С. 289-296.
111. Гусман Тирадо Р. Генеративные сложноподчиненные предложения в русском языке. - Воронеж, 1998. - 136 с.
112. Земский А.М., Светлаев М.В., Крючков С.Е. Русский язык. -М., 1953.- 126с.
113. Ломов А.М. Очерки по русской аспектологии. - Воронеж, 1977.- 139с.
114. Ломов А.М. Типология русского предложения. - Воронеж, 1994. - 280с.
115. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. - М., 1972. -199с.
116. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. - Новосибирск: Наука, 1987. - 200с.

117. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Grammar of Contemporary English. - London, 1972. - 778p.
118. Jakobsen W. Switch reference in Hocan-Coahiltecan // Studies in Southwestern ethnolinguistics. -The Hague:Mouton, 1967. -P. 238-263.
119. Haiman J. – Munro P. Switch-reference and universal grammar. (Typological studies in Language). - Amsterdam, 1983.
120. Скрибник Е.К. Понятие «моносубъектность, разносубъектность» применительно к обско-угорским языкам // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. - С.55-60.
121. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – М., 1989. -364с.
122. Жигadlo В.Н., Иванова И.П., Иофик Л.Л. Современный английский язык. Теоретический курс грамматики. - М.: Изд. лит. на иностр. яз, 1956.
123. Кобрина Н.А. Синтаксические средства связи между самостоятельными предложениями в современном английском языке: Автореф. дисс. канд. филол. наук. -Л., 1958.
124. Лич Дж., Свартвик Я. Коммуникативная грамматика английского языка. -Москва: Просвещение, 1983.
125. Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. - London, 1976.
126. Gleitman L. Coordinating conjunctions in English Language. 1965.